

18+

Макарии Щербаков

МАКРИИ ЩЕРБАКОВ

Макарий Щербаков

Ренс уехал

«Издательские решения»

Щербаков М.

Ренс уехал / М. Щербаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-650061-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Меня зовут Ренс Роланд, но вы меня знаете как одного из создателей ERA. Да, это те самые таблетки для обогащения воспоминаний. Мы придумали их, чтобы помочь ощутить звуки и краски мира тем, кто с рождения был лишен этой возможности. Как же так вышло, что мы перестали создавать волшебство, а стали просто зарабатывать на людской слабости?.. Я не знаю. Но это привело к трагедии, и теперь я должен найти способ всё исправить, пока не стало слишком поздно. В том числе — и для меня».

ISBN 978-5-00-650061-7

© Щербаков М.
© Издательские решения

Содержание

Ренс уехал	6
1. На таком велосипеде далеко не уедешь	6
2. Серые ящики	16
3. Невеста	20
4. Работа по красным зонам	24
5. «Новая верность»	33
6. Метод Джейн №1	41
7. Буду праздновать всё, что захочу	59
8. Автобус	71
9. «Аргентина»	80
10. Король Брайан	93
11. Хорошие соседи	102
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ренс уехал

Макарий Щербаков

Редактор Наталья Кулагина

Обложка Наталья Кожуховская

© Макарий Щербаков, 2024

ISBN 978-5-0065-0061-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ренс уехал

1. На таком велосипеде далеко не уедешь

– Мы убедились, что препарат эффективен, но, Ренс, возможно ли использование этой технологии корпорациями или спецслужбами? Скажем так, не по прямому назначению?

– В нашем каталоге нет ничего похожего на «Радость кровавой революции» или вроде того, – отшутился я.

– Но можно же сделать? По аналогии.

– Всё не так просто. Каждый случай и человек уникален.

– Сто пятьдесят уникальных случаев, судя по каталогу. Я вас понял. Но в целом вы готовы сотрудничать с такими персонами?

– Поймите, ERA – не отдельный инструмент, не оружие. Нельзя просто вытащить ватные пули и вставить разрывные. Он может помочь только тем, чьи намерения созидательные, чего не скажешь про войны и прочие преступления. Сложно всё перевернуть и наполнить такое прошлое созидательным смыслом.

– Это успокаивает. Значит, использовать во вред препарат не получится?

– Можно кинуть банкой в лицо.

– Смешно.

– Если человек преступник, мы ему не сможем помочь.

– А кто назначает его преступником?

– Он становится им по факту действий. Я думаю, в глубине души он сам себя и назначает, понимая, что пересекает некую грань.

– Совесть?

– Суть не в личном отношении к действиям, а в том, что эти действия порождают. И это мало зависит от личной оценки.

– Тогда карма? Во что вы вообще верите, Ренс?

– Даже не знаю, что сказать. Вера для меня разновидность сомнения. Понимаете, если есть гипотеза – её нужно подтвердить или опровергнуть, поставить эксперимент. В остальном и думать нечего.

– Всё же у вас когда-нибудь были попытки взаимодействия с преступниками? Чисто ради эксперимента.

– Нет. Повторюсь – принцип работы ERA не позволит...

– То есть фактически вы не знаете, действует ли препарат на злодеев?

– Нет, но это ни к чему. Вы же не пробуете летать на велосипеде – вы видите, что у него нет крыльев, пропеллера.

– Что насчёт жалоб на препарат? Эти люди пытались «летать на велосипеде»?

– Официальных жалоб пока нет, так что...

– А как же человек в простыне? Родственники уверены, что именно ERA его подкосил, и собираются подавать в суд.

– В таком возрасте много других проблем. Кажется, его родные идут по самому простому пути, ведь наша компания не так крупна и... В общем, вы поняли.

– Полагаете, обычные вымогатели?

– Не стоит утверждать, но пока это логичнее всего, учитывая количество всевозможных препаратов, которое принимают люди в его возрасте. Ведь они не идут к гигантам фарминдустрии.

– Что же, будем надеяться, что никто не захочет летать на этом велосипеде! С нами был основатель и идейный лидер компании «Роланд, Офнер и ван Гилс хеми» Ренс Роланд. Это «Контр Вэйвс», и я – Маверик. Далее в эфире полчаса музыки нон-стоп – Sly & The Family Stone, Talking Heads, Jefferson Starship и многие другие! Рок, соул, фанк, и никакого диско! Не переключайтесь!

* * *

Поднимаясь по лестнице, я встречаю девушку пышных форм, одетую не по погоде: неприлично короткие шорты, вульгарная накидка кислотного цвета с перьями и туфли на платформе. Всё это сопровождается запахом сигарет и омерзительного приторного парфюма. На нужном этаже я слышу шум – рёв моторов и громкий мужской голос.

Дверь открыта, Рик стоит у телевизора, упёршись в колени, и курит. В квартире те же духи, трава, плюс попытки всё это проветрить – влажный сквозняк из распахнутого окна. Рик возбуждён, не замечает, как пепел падает на ковёр, а штора болтается на улице, словно флаг. Пепел фальшивой зебровой шкуре нипочём. Где он только берёт всю эту дрянь?

Пока добирался с плавающей радиостанции, я успел продрогнуть и уже готов чего-нибудь выпить, Рик готов выпить всегда.

– Эл, проходи! Я сейчас! Вильямс опять всех делает.

– Давно гонками интересуешься? И что за мадам? – Мне не нравится, что Рик так меня называет, но я привык. Мы знакомы так давно, что моё настоящее имя из его уст будет шоком не только для него, но и для меня.

– Видел мою красотку во дворе? – проигнорировал Рик мой вопрос.

– Что? – Первая мысль о девушке. С оценкой её внешности я замялся, но ответа и не ждали.

– Новая модель, совместно с итальянцами. «Контек» на том же заводе делают, понял? – отбарабанил Рик в промежутках между холостыми сигаретными затяжками.

– А куда ты дел ярко-зелёный «пассат»? Неужели устроишь такой же бардак и в новой тачке?

– Я к «пассатам» больше не вернусь, хватит с меня. Надо, как говорится, различать, где дерьмо, а где спички. Понял?

– Ага. – Я осмотрелся: первый раз тут. – Почему ты выбрал именно этот район? Чтобы в школу было ближе ходить?

– Пока так. Следующим будет дом на берегу. А это – транзитная зона, понял? – Рик поворачивается ко мне и продолжает: – И у меня будет настоящий берег, настоящего моря, сечёшь? Не то что твой лесок с престарелыми извращенцами в красных трусах.

– Вижу, ты всё продумал. Помню, как в пятом классе ты купил баскетбольный мяч вместо футбольного потому, что он больше.

– И лучше! Баскетбольный мяч лучше футбольного! Это знают даже девчонки. Ты когда-нибудь получал по роже баскетбольным мячом?

– Нет, но видел, как другие получали. От тебя.

– Признайся, ты только поэтому со мной дружишь.

– С тех пор других причин не появилось уж точно. Я пройду?

Интервью на пиратском радио закончилось не совсем так, как я планировал. Не такое уж оно оказалось и пиратское, ведь «пиратское» в моём представлении означает в числе прочего и независимое. Но о какой независимости может идти речь, когда, уподобившись жёлтой прессе, пытаешься подловить собеседника на подробностях дурацких сплетен. Совершенно не хочется сейчас думать об этом. Надеюсь, у Рика припасено что-нибудь горячее.

На маленьком столике в прихожей лежит газета, в ней – карикатура восточноевропейского лидера, напоминающего обезьяну. Управляя асфальтовым катком, он раскатывает горстку азиатов. Азиатам это не по душе. Под газетой лежат две новые, упакованные в плёнку пластинки. Вымыв руки, я прохожу за стол и сажусь на прозрачный пластиковый стул. На столе лежат эскизы обуви, нарисованные в экспрессивной манере, некоторые довольно симпатичные.

– Закончил ремонт? – Я снова оглядываю квартиру, перебирая в руках эскизы.

– Позавчера довели мебель. – Рик, не поворачиваясь от экрана, вытягивает руку куда-то назад.

– А умывальника в ванной не предполагается?

– А, ну да, ты же знаешь этих итальянцев – ещё более тормознутые, чем ты, – отмахивается Рик и выпрямляется, придерживая себя за поясницу. – Конечно, Джонс!.. Красавцы! – Выключает телевизор и на секунду замедляется, но потом словно вспоминает что-то: – Зацени! Услышал на одной вечеринке.

Проходя мимо стола, Рик выдёргивает эскизы у меня из рук и небрежно пихает в задний карман, тушит сигарету в массивной рубиновой пепельнице и направляется в прихожую. На нём узкие светло-голубые джинсы и майка, местного футбольного клуба, которая ему явно мала. Он скидывает газеты на пол, берёт одну из пластинок так, как это делают девушки во время объявления раундов в боксе, но с присущим ему «изяществом». Комплекция Рика – на грани выбора: ты либо перестаёшь носить обтягивающие вещи, либо меняешь свой образ жизни в корне. Но Рик любит пограничные состояния.

– Свежак! Последний альбом «Рокси», понял? Наверное, знаешь их, поставлю позже. – Рик берёт другую пластинку. Показать и убрать – всегда быть на пике интереса к себе.

Издаലെка видно название Survival на фоне пёстрых картинок. Он вандално раздирает плёнку, достаёт пластинку, конверт кидает на стол. Из конверта специфически пахнет типографской краской. Разглядываю вкладыш – несвязные исторические фотографии с темнокожими военными, женщинами в традиционных нарядах и бодрым парнем в кепке. Похоже, что-то революционное. Теперь ясно. Обладая весьма консервативным вкусом, ничего, кроме хвастовства и шума, я от Рика не жду. Обычно бывает так: он ставит что-то громкое, а я сижу и не двигаюсь, прикидываясь мёртвым жуком, – жду, пока выключит. Чаще всего ему хватает одной стороны пластинки, чтобы успокоиться.

Рик кладёт пластинку на полосатое кресло с пухлыми наростами на спинке. Наросты – такое слово вряд ли используют, рекламируя мебель или что-либо вообще. Но иначе не назовёшь. Специального шкафа нет, и пластинки просто лежат рядом на полу стопкой. В квартире вообще нет ничего специального, всё напоминает импровизированный склад выставки, где временно поселились арт-окупанты. Рик этот термин подходит, а ассоциаций со складом добавляют сплюсненные картонные коробки в углу комнаты.

Он ставит нужный диск, пару минут возится у задней панели усилителя с проводами и штекерами, неуклюже двигает стол с аппаратурой, матерится, вспоминает родственников, на пол падает ароматическая свеча с окурком. Стоя на одной ноге, роняет мохнатый тапок с повисшей в воздухе ноги.

– Всё поставил, а подключить не успел, погоди.

– Боюсь умереть от нетерпения.

– Полностью ламповый тракт, понял? Не твоё транзисторное фуфло, – заверяет меня Рик. – Да чтоб тебя! Откуда этот чёртов провод! Белый в белый, а жёлтый? Жёлтый – это типа красный? Ну да, другого тут нет.

Тенор в динамиках запел: «Так много невзгод в этом мире, так много невзгод...» Добрые женщины на фоне аккуратно повторяют фразы, как бы уточняя: «Так много невзгод...» Барабанщик будто пытается всё замедлить. Кажется, вот-вот музыка остановится, но нет. Появилось желание помочь песне двигаться быстрее, и я зашевелил ногой в такт.

– Ага, нравится! Что скажешь? До хрена альбомов записали, популярны в Штатах. К нам недавно приезжали.

– Я не интересуюсь революциями в Африке или про что тут. – Я не сразу уловил смысл метафорического нагромождения.

– А ты сгоняй туда – соберёшь много интересных «данных» для своих опытов!

Рик стоит посреди комнаты, перекрестив руки на груди, и ехидно посмеивается. На моих «опытах» основано девяносто пять процентов его шуток. Остальное – моя внешность и потребительские предпочтения.

– Слушай, звучит весьма неплохо, они это на Ямайке записывают? – я продолжаю крутить конверт в руках, делая вид, что мне интересно. – Там есть приличные студии? – рефлекторно поддерживаю разговор, так как обсуждать мои «опыты» на трезвую голову я не готов.

– Чёрт знает. Записывают там, а сводят взрослые – в Штатах. Если бы не америкосы, они бы так и играли на обувных коробках и пластинки из коровьего дерьма лепили.

– Эта технология требует уточнения. Мир, знаешь ли, развивается более равномерно.

– Да сто процентов. Сейчас всё по-другому. Вот тебе что важнее – сиськи или задница? – внезапно спрашивает Рик, будто предлагая что-то из холодильника.

– Не знаю. Голова... Ну, лицо...

– Что? Лицо? Не смейся!

– Тупой вопрос, Рик. Всё равно что спросить, что важнее – фас или профиль. И вообще, размер бесп...

– Вот именно! – не даёт закончить мысль Рик. – Всё важно в комплексе! И смысл, и запись, и сведение. И те группы, которые это просекли, сейчас в топе. Андеграунд в прошлом! И это относится не только к музыке, понял?

Декламируемое Риком обычно не требует обсуждений, так как факт посещения его головы какой-либо мысли уже говорит о том, что мысль эта гениальна.

Рик возвращается в прихожую, достаёт из безмянного пакета пару бутылок – одна явно старая, без этикетки, с тёртыми краями, вторая с голубой этикеткой – джин. Ещё лимоны, сигареты и страшного вида колбаса, которую я сразу зарёкся есть. Потом, правда, пришлось изменить это решение, так как другой еды в этом доме не оказалось. Рик суетится за барной стойкой, достаёт из верхних шкафов тару, роняя на пол сиротливо стоящую пачку «Квэйкер Оутс», выставляет бокалы, проверяя их чистоту отражением света из окна. Шкафы на кухне полупустые, будто он не живёт тут два месяца, а пришёл за час до меня. Цель суеты – секретный напиток. Я понял это, когда Рик откупорил безмянную бутылку, понюхал, встрепенулся, зашурив глаз, затем принялся разливать по бокалам, измеряя оставшимся глазом количество. Никакой линейки в глазу у него, естественно, не было, и обычно подобные напитки он пил не дозированно.

– Ты ведь никогда не пробовал? – Рик ставит первую бутылку на столешницу и ковыряет вилкой вторую. Когда уже?

– Я отсюда не вижу. Что это?

Фоном в песне звучат синицы. Пластинка крутится. Опять про свободу и возможности. Чёртов Маверик, на кой хрен ему понадобилось упоминать про этого старого психа в простыне? Включил бы свой дурацкий фанк на минуту раньше. Но я тоже молодец – рассказал бы подробнее про технологию. Отвечал же так, будто меня пытаются. Я прикинул время, посмотрел на конверт – «Система Вавилона». А кто ещё купит ваши пластинки, если не его жители?

– Я про твои гадкие таблетки. Ты ведь не тестировал их на себе?

– Нет.

– Ссышь?

– Я пробовал многие ингредиенты – их используют как пищевые добавки, они совершенно безвредны. Если ты о нашей ситуации, то...

Рик меня уже не слышит, он достаёт из морозилки формочку со льдом, аккуратно берёт её за края кончиками пальцев и со всей дури бьёт по краю кухонной столешницы. Льдинки разлетаются, часть падает на пол, одна метко попадает мне прямо под большой палец ноги. Рик режет и давит лимон, гордо ставит напиток на стол.

– Пей! – вытирает мокрые руки о майку.

Всё-таки наша местная футбольная команда. В детстве мы вместе ходили в секцию – майка с тех времён. Рик возвращается на кухню и принимается за колбасу.

– Красиво. Что это? – Я нюхаю напиток, словно химикат в лаборатории, – не поднося нос близко к таре, вожу ладонью в сторону лица. – Пахнет пылью, лесной грязью, чувствуются копчёные аккорды.

– Самое то. О, забыл! – Рик быстро отправляется обратно на кухню, в нижнем шкафу достаёт из пакета несколько трубочек, уронив при этом остальной пакет на пол. – Сука! – Возвращается. – Вот, чтоб не отвлекаться на запах, – кидает трубочки, словно дротики, в стаканы. – Знаешь, как называется?

– Ковбойская казнь в... Шварцвальде?

– Почти. – Рик оттопыривает губы и отхлёбывает своего пойла, так и не раскрыв названия. – Ты вообще откуда пришёл? Видок у тебя нервный.

– Меня пытали пираты, – неоднозначно отшучиваюсь я, надеясь, что Рик не вспомнит о том, что я говорил ему про приглашение на интервью.

– О, неужели наконец решился?

– И кажется, зря.

– Как обычно, разрыдался при виде микрофона?

– Лучше бы так. Всем интереснее обсуждать сплетни, чем технологию, это немного расстраивает.

Рик отвлёкся и ничего не ответил. Я снова осмотрелся. Интересно наблюдать за тем, как твой друг, которого ты знаешь с третьего класса школы и который не испытывал до сих пор интереса ни к жилью, ни к мебели, ни к быту в целом, решил вдруг поиграть в дом. Как он вообще понял, что покупать? Квартира почти вся видна из одной точки. Очень похоже на него. Студия со спальней. Белые стены, кое-где висят абстракции, напечатанные на холсте. Наверное, и в пожаре не сгорят. Холостяцкий вариант с возможностью совместного проживания с «приходящей» дамой. В прихожей высокое зеркало с рамой в виде розовых волн из полупрозрачного пластика. Красивое, но потом в нём начали отражаться мы, и оно потеряло привлекательность. Хорошо, что интервью было на радио, – на телевидении я бы смотрелся прямо как сейчас в этом зеркале: усатый мудак, обрамлённый розовыми волнами, словно в утреннем телешоу. На полках позади меня непригодные для чтения книги – все разного формата, альбомы, книги в духе «Сто очков Стива Маккуина» или «Музыкальный атлас». Некоторые ещё в упаковке. Расставлены по размеру, как и многое в квартире. Прямо над нами крупная люстра в виде модели Солнечной системы. Люстра явно не соответствует размеру жилища. Пространство квартиры заполнено на скорую руку, будто хозяин боится пустоты, которую не скрашивают даже девицы в коротких шортах.

– Не думал собаку завести?

– На кой хрен?

– Ну чтобы повеселее было.

– Думаешь, я скучаю? Я постоянно в разъездах, какая собака, ты о чём?

– Люстра не великовата?

– Дёшево взял, повешу в новом доме.

– И там собаку заведёшь?

– Что ты домотался со своей собакой? Мне и тебя хватает.

Сложно разговаривать под такую музыку, и я подхожу к стереосистеме и делаю тише. Удивительно, тут даже кто-то убирается. В целом ощущение, будто хозяин пытается вызвать детскую зависть, – всё новое и яркое, нечто такое, что можно показывать только «из рук» своим двенадцатилетним друзьям.

– Всё же, почему ты их сам не жрёшь? – отвлёк меня Рик. – Неужели ни разу не испытал неудовлетворённости прошлым? Знаю тебя много лет – есть за что зацепиться.

Отвечать я не стал и уставился в окно. Это многоквартирный трёхэтажный белый дом в паре остановок от делового центра, рядом с озером Кралингген. Из окна видна стена такого же дома с окнами таких же квартир. Виден бульвар, веет бензином с улицы и влажностью с канала. Одиноко, даже немного провинциально, если попасть ушами в паузу между шумом машин и криками детей. Ватные пули – какой же я идиот, просто король метафор. В квартире без искусственного освещения темновато, хотя сейчас середина дня. Дело в нависающем соседском балконе.

Всё же решаю продолжить разговор. Не в окно же я пришёл смотреть.

– Что именно в моём прошлом, по-твоему, я бы хотел исправить?

– Ну... – Рик смотрит на меня и на секунду задумывается. – Как минимум вернуть время, затраченное на эксперименты с Брайаном и на всех этих толстосумов, которые от вас кипятком ссали.

– Я не считаю это потерей. Это лучшее, что со мной могло произойти.

– Уверен, не успев выйти из ваших дверей, эти кретины находили новые причины понуть о прошлом.

– Плевать на них. Я преследовал свой интерес. Полезность тут весьма сопутствующий фактор.

– Помнишь, как ты орал, когда машину купил? Никогда не видел тебя таким счастливым.

– О да. И уехал на ней от мамы.

– В съёмную квартиру.

– Не важно. Казалось, любая, даже самая вонючая, квартирка будет лучше той дыры.

– Ты разве не в машине спал? – снова ржёт Рик. Ответа не требуется, и он продолжает: – Колымагу ты с тех пор так и не сменил. Пытаешься удержать момент?

– Люди, принимающие препарат, сделали большой шаг. Глупо, что какая-то фигня в настройке их психики мешала им быть полностью счастливыми. Так что тут даже имеется некий элемент гуманизма.

– Типа ты не ради бабок это делаешь? Не смеши.

– Ты тоже не ради искусства обувь рисуешь, разве не так?

– Конечно! Мои цели максимально меркантильны. Но если взять меня и мои цели, а именно желание богатеть и быть знаменитым дизайнером, прости господи, женской обуви, получится две меркантильные цели и одна гуманистическая: всё-таки обувь полезная штука. А у тебя одна меркантильная цель – заработать денег и одна псевдогуманистическая, которая, как ты знаешь, начинает терпеть крах.

– Пока ещё не потерпела. Знаешь, к любой гуманистической цели можно прибавить приставку «псевдо». Твоя вот тоже отчасти псевдо. Твоя продукция не является массмаркетом – вызывает зависть у женщин и чувство неполноценности у мужчин. Тоже мне гуманизм.

– Приятно слышать.

Рик вытаскивает из стакана трубочку, кидает на стол, залпом допивает напиток, встаёт и подходит к открытому окну, закуривает и, опершись одной рукой на откос, ехидно на меня тарашится.

– Ещё про деформацию ступни расскажи, – выпускает дым в мою сторону.

– Почему женская обувь? Мужскую можно продавать дороже. Мужикам можно впарить не только «красоту», но и «качество».

– В этом и проблема. Обувь для мужчин – расходный материал, в большинстве случаев им плевать, как она выглядит, – её может делать любой. Мне вообще иногда кажется, что у них на производстве отсутствует дизайнер как кадр. К тому же размеры начиная с сорок пятого, как ни делай, выглядят как мешки с кирпичами. А по поводу «дороже» – так они носят её вечность.

– Повезёт, если дочь родится, получается.

– Ей точно нет. Попробуй поноси отцовский сорок шестой. Вот женщины и дорвались до нормальной обуви.

– Ты, вижу, справляешься с проблемой, – я киваю в сторону двери, где стоят две пары – чёрные военные кожаные ботинки а-ля «Билтрайт» и серые замшевые челси незнакомой мне фирмы.

– Неубиваемая классика, привезли из Америки, а вторые – какая-то местная конторка, познакомился на выставке, поспорил, что убью их за неделю, и они мне за это дали пару бесплатно, и ещё две обещали дать, если с этими что-то случится, прикинь.

– Немыслимо. Халявная обувь. Пожалуй, в твоём возрасте этому стоит радоваться.

– Видишь, даже я использую это словечко – «неубиваемые». Мужики покупают обувь и ставят задачу её уничтожить к хренам. Как и всё вокруг. Выжило – достойно использования.

– Слушай, ну признайся, тебе просто нравится всё женское.

– Только то, что непосредственно является частью женщины.

– Что думаешь – стал бы женщиной на денёк, если б никто не узнал? Походил бы по всяким женским местечкам? – Я тоже допил пойло. Музыка на фоне в сочетании с напитком утомила меня. – Слушай, а есть что-то более консервативное?

– Я уж приготовился отвечать – вспоминать, что за «женские местечки». – Рик оттягивает майку, она неприятно облегла пупок. – Есть водка.

– Доставай.

Алкоголь помогает всё выправить, выпрямить. С остальным разберусь завтра.

– Признайся, Рики. Твою женскую сущность не скрыть. Твои комплексы – реакция на то, что твой доход формируют женщины.

– В основном их мужики. Мне нравится быть тем, кто я есть, в отличие от твоих неудовлетворённой.

– И меня?

– Что?

– Забыл про меня.

– С тобой сложнее – ты закоренелый зануда и домосед. Секунду.

Звонит телефон, Рик идёт в спальню.

Я опьянел, в квартире тесно, спасает окно. Интересно, кто-то в соседних окнах принимает ERA? Вспоминаю нашу околорекламную мотивационную таблицу в конференц-зале, она гласит: «100% счастья испытывают 5% населения. Из них 95% – благодаря нам. И лишь 5% не стали постоянными клиентами». Я ещё тогда подумал, что за задрот придумал эту чепуху. Его понять можно: рекламировать продукт широким массам нам пришлось совсем недавно. Возможно, за этими окнами есть и те, кто слушал моё позорное интервью. Зачем я вообще высказался по этому поводу? Прикинулся бы дураком – и дело с концом. Адриан или Марк поступили бы именно так.

– Это Агнет. Короче...

Агнет – девушка Рика, которую никто никогда не видел. Он посмотрел вдаль и замолчал, будто потерял мысль, глубоко вдохнул и, проведя взглядом мимо меня, сфокусировался, словно вспомнил, что я тут.

– Выпьём? – Наливает мне стопку с горкой и, не дожидаясь реакции, выпивает свою, выдыхает и продолжает: – Обувь говорит о женщине многое. За этим интересно наблюдать.

Как они определяют для себя масштаб красоты, на что готовы пойти, как держатся и как ведут себя в обыденности, какого результата ждут в моменте и потом. – Рик наливает ещё по одной.

– Думаешь, мне нужно найти себе какую-то полезную творческую цель? Хобби?

– Можно и бесполезную, да и с творчеством у тебя вроде не очень. Найди себе просто интересную цель. По-настоящему интересную, перестань «помогать» всем и пытайся засунуть им в головы то, чего там быть не должно.

– Ну не знаю...

– Вот чем ты занимаешься всю жизнь? Собираешь всякие данные, анализируешь реакции и прочую фигню. Тебе вот прям нравится это? Жить без этого не можешь? Ты маньяк?

– Поначалу было интересно. Тогда давно – в кинотеатре и с Жаклин. Казалось, я был на пороге изобретения «костыля» для людей с нарушением потока эмоций.

– Мне запомнилась только твоя странная симпатия к Жаклин, которая в мамки тебе годится. А, неважно, – отмахивается Рик. – Это поначалу, а что потом? – Рик щурит глаза и смотрит на меня, будто пытается вытащить правду.

– Возникло противоречие. Предшествующие реакции у всех похожи, а результат разный, и костыль нужен разный. Как сделать что-то универсальное? – говорю так, будто я до сих пор в этой дурацкой студии и пытаюсь более чётко ответить на вопросы ведущего. Будь у меня второй шанс, уверен, я бы облажался с большим успехом.

– И ты переключился на «понятные» проблемы, нашёл универсальный костыль. Ну и как? Почувствовал себя богом?

– До этого был страх. Вдруг им мешает нечто потаённое, невидимая стена из их прошлого или типа того. Позже мы сошлись во мнении, что у большинства людей там ничего нет, и они как бы...

– Стесняются?

– Ленятся. Ну, то есть их тело доплыло до берега, работа сделана, и нужно лишь дотянуться и зацепиться, вытащить себя на берег. Но нет – сказано только доплыть, сил больше нет. Такая вот проблема.

– Ты ведь так себе психолог, Эл. Зачем лезешь в это?

– Подожди. Улови мысль. – Мы уже заметно нахрючились. – Человек хочет что-то сделать и составляет план, типа: я строю дом, мне нужно то-то, и далее список – начертить проект, купить...

– Дом.

– Материал! Нанять строителей, построить дом... И-и-и...

– И-и-и?

– И на этом всё. А что – ведь остальное появится само. А что появится? Не появится ни хрена! Проблема в том, что человек резервирует...

– Резервирует, значит? – заржал Рик. – Как столик в ресторане?

– Да, резервирует у себя в голове ресурс. Ресурс на постройку. А на то, чтобы радоваться, ресурса уже нет. – Я развожу руками и роняю на пол конверт от пластинки, тянусь за ним и продолжаю из-под стола: – Отсюда и идея о том, что надо постоянно что-то делать. Не переставая строить дома. Нам внушили, что важен процесс, понимаешь?

– А разве не важен? Что ты там возишься?

– Важно всё в комплексе, ты же сам сказал.

– Вроде того.

– Вот эти обманки нам и мешают жить нормально в зазорах между делами.

– Ты так сильно не опрокидывайся, посмотри, как рожа раскраснелась. Нам уже за тридцать, не забывай. Особенно тебе.

– Мы ровесники, Рик.

– Да, но ты-то додик.

– Как скажешь... – Я наконец поднял конверт, который всё никак не цеплялся пальцами с пола.

– Ты мне эту лапшу уже десять лет вешаешь, каждый год придумываешь более классную, сложную версию, зная, что я тупой.

– Ты о чём?

– Про таблетку твою.

– А. Ну не настолько же ты тупой, в конце концов.

– Да всё проще – ты захотел влезть в чужие головы, потому что в своей ни черта нет, понять, чему хотят радоваться эти чудаки. Ведь для тебя этот вопрос так не стоит? Ты просто живёшь и чего-то ждёшь.

– Да брось. Чего я жду?

– Вот и мне непонятно. – Рик размашисто хлопает меня по плечу так, что я роняю кусок колбасы. – Начни уже жить на полную! Сам по себе! – Рик закидывает руки за голову, сгущает кожу на лице в саркастичной имитации внимания, как бы ожидая, что поверг меня и теперь я взорвусь или хотя бы нагрюсь. – Что же пошло не так? Откуда повывлазили все эти психи с выпученными глазами?

– «Все»? Да их там пара человек всего! – Сказал я это явно чуть громче, чем требовалось, выдавая свою обеспокоенность вопросом.

– Двое – уже толпа!

– Ты же знаешь, я не единственный босс в компании.

– Ты единственный там не босс.

– Моя система сбора данных и прочего дерьма сильно мешала обороту. Слишком громоздко для этих кретинов, понимаешь? Им бы побыстрее. Вот пусть разгребают теперь, но...

– Могу их понять – с тобой каши не сваришь. Тебе небось, чтоб поссать, надо часа три на сборы.

– Двух обычно хватает. Но тем не менее иди на хер, – уточнил я и забыл, о чём хотел сказать.

– Уволься, бойкотируй это.

– И какой смысл? Всё уже происходит, продаётся – все довольны!

– Из моих подопечных пока никто не сошёл с ума. Уже стоит подыскивать новых?

– Они же не в старческом маразме, как все эти «пострадавшие». Короче, думаю, рассосётся. Никто, кроме меня, об этом не беспокоится.

– Ага. А ещё чувака, который два месяца ходит в одной простыне только потому, что «чешется» вся одежда. – Рик заржал, запрокинув голову, качнулся на стуле и чуть не упал.

– Где ты откапываешь всю эту чушь?

– Газеты читаю, знаешь ли.

– Мало ли психов. Но я не говорю, что это нужно игнорировать, даже если ERA замешан косвенно. Всё это плохо влияет на репутацию.

– Косвенно?

– Ну да, они могли смешать его с чем-то, например. – Началась стадия опьянения, когда обе руки сложены на столе друг на друге, а глаза смотрят сквозь стол.

– Какой же ты демагог. Теперь тебя волнует репутация вашей шаражки?

– Скорее, моя личная.

– Да ты и сам не знаешь, что тебя волнует. И никогда не знал. Хорошо, что у тебя есть такой друг, как я! У тебя какой размер?

– Размер чего?

– Мне прислали две пары, – Рик показывает в сторону прихожей.

– Сорок пятый.

– Оке-е-ей. Ша! – Рик лениво поднимается и уволакивает стул за собой в прихожую. Приносит коробку с отбитыми углами и полосатым флагом. – Надевай и отчаливай на хрен, я спать хочу.

– С радостью.

– Тут журналчики кое-какие. Почитай про китов, ты вроде любишь эту скукотищу.

Я беру коробку, без слов иду в прихожую, где на пуфике с тигровой обивкой долго вставляю шнурки в новые ботинки. От них пахнет складской новизной и синтетическим жиром. Всё вокруг крутится, и меня подташнивает. Шнурки жёсткие и плохо гнутся. Кладу свои туфли в коробку из-под ботинок и собираюсь уходить.

– Как поживает Джейн? Уже завела себе кого-нибудь вместо тебя?

– Не знаю. Точнее, хорошо, наверное. Тусуется с художниками, революционерами и прочими маргиналами. Практикует какие-то... – я хорошенько икаю, – ...практики. Подарила, значит, мне картину. На ней я голый во весь рост, прямо с писькой, некоторые части тела почему-то выделены красным, как, знаешь, на этих плакатах, – будто там какая-то боль или страдание... Отсюда вопрос – откуда маргиналы знают про мои страдания и что у них там за революция такая?

– Это два вопроса...

– Писька, кстати, не красная – видимо, с ней всё путём. Кстати... – Я в одном ботинке, качаясь, иду в сторону туалета, подвинув Рика в сторону. История с картиной его не впечатлила.

– Дай сюда, – Рик выдёргивает коробку из рук, пихает себе под мышку и закуривает.

Я выхожу из туалета, поднимаю ладонь в знак победы, надеваю второй ботинок и, минуя Рика, выхожу за дверь квартиры.

– Эй, придурок!

– М?

– Не пропадай.

«Рокси» он так и не поставил.

2. Серые ящики

На улице я чувствую влажный запах асфальта, дышу. Стало уютнее и свободнее, хочу прогуляться. Пробивается редкое для нашего города солнце. Направляюсь к недавно построенному деловому центру. В нём на одиннадцатом этаже офис нашей конторы, а на подземной парковке – любимое железное корыто. Оно – формальная цель прогулки. Если идти быстро, становится жарко в ветровке, но это обман – в тени, например под мостами и в переходах, уже холодно. И сейчас, после сомнительных напитков и душной квартиры, мне нужна именно эта прохлада. Выпущенный мозгом серотонин заканчивается, и власть берёт усталость. Нужно или выпить ещё, или освежиться. Я выбираю второе. Закат окрашивает оранжевым стеклянные фасады новых домов. Они кажутся временными, хотя занимают весь обозримый объём. Постройки нового времени – второе и третье поколение на месте разбомблённого города. Хорошо, что люди не живут слишком долго.

Я немного протрезвел и начал бубнить про себя. Семь часов – немного поработаю и переночую в офисе, утром поеду в Блумендал. Гретта обещала покормить Каризму вечером. Забыл предупредить её про шторы. От них так странно пахнет. Вообще шторы нормальные, но, кажется, от них прёт кошачьей ссаиной на каком-то сакральном кошачьем уровне. Каризма явно к ним неровно дышит. Опять это пустозвонство, нужно попробовать практики Джейн. Что вообще привело её к этому, какие проблемы она решает? Может, она ведьма? Она точно ведьма... Голова кружится, нужно смотреть вперёд, а не под ноги.

Я сворачиваю на набережную к институту искусств, где училась Джейн. Дохожу до Морского музея. У причала копошатся яхты, мачтовые и обычные моторные корабли. Джейн вспомнила бы городские пейзажи Мариески. Для неё важно вкраплять искусство в жизнь, понимать практическое предназначение прекрасного. А мне вот неважно. Сворачиваю в сторону центра, солнце тонет за зданиями. Чёрт, забыл свою коробку. Как вообще в этом ходят? Я завязал шнурки на ботинках двумя разными способами. Надеюсь, престарелые богачи не примут меня за скваттера. Закидываю торчащий хвост шарфа за спину, присаживаюсь и вытаскиваю джинсы из ботинок – так вроде попримечнее. В голову приливает кровь с остатками алкоголя. Тучи всё-таки сползлись – начинает моросить мелкий дождь, и всё становится на места.

Я решил проехать пару остановок на трамвае. Пока шёл от остановки, промок и забрызгал джинсы. Это мой доступный уровень аккуратности.

Наша фирма занимает целый этаж. Выйдя из лифта, прохожу сквозь стеклянную дверь. В офисе почти никого, и лишь некоторые ячейки выделяются жёлтыми световыми островками. От рисунка ковролина рябит в глазах даже в темноте. Накатывает посталкогольная усталость – надо бы выпить кофе. Я выстраиваю вектор в свой кабинет, снимаю ветровку, стряхиваю воду и иду вдоль офисных рядов. Кто-то заметил меня – из одного островка высовывается блондинистая голова и ладонь в знак приветствия. Я рефлекторно дёргаю рукой где-то чуть выше пояса – её, конечно, никто не видит. Интересно, сколько таких пустых рефлексов не дошло до адресатов. В ячейках единообразно стоят коричневые кресла с крепкой нейлоновой обивкой, угловые столы и шкафы. Кое-где простые растения – бедолаги еле пережили переезд, за это им разрешено стоять в горшках в проходе. Особые «эстеты» приносили что-то своё. Сентиментальные сотрудники успели налепить на перегородки фотографии и открытки, календари и прочее индивидуализирующее барахло. Отчасти это помогло – теперь я определяю сотрудников, например, как «мисс поясок» или «собачий угол». Последний, как можно догадаться, принёс и повесил огромный календарь с псиной. Это немного раздражает, ведь я специально позаботился о том, чтобы перегородки были полупрозрачны. Не знаю почему, но у меня было твёрдое убеждение, что так нужно.

В переговорной горит свет, захожу туда, и на меня смотрят рекламные плакаты. На первом из них группа людей изображает семью. Смущают их улыбки: они не то что неискренние, а будто по разным поводам. Семья на фоне идеального дома, но члены семьи почему-то не похожи на родственников – люди с разными этническими признаками, и собака колли. На других плакатах все по отдельности, в разных жизненных ситуациях – кто-то строит дом, кто-то играет на гитаре, кто-то учит детей в школе. Нет только пса – видимо, бездельника не тяготит прошлое. В переговорной остались следы бурного брейнсторма. Душно, накурено, кресла стоят вразнобой, на столе недопитые банки с кока-колой и черновики со стрелками и корявыми схемами без словесного описания. Всегда важны только стрелки и прямоугольники, остальное передаётся словами или вовсе не важно. На доске полустёртый график: две линии показывают восходящее движение, их тревожное перекрестие обведено красным кружком – видимо, он и стал причиной ожесточённых споров. Что-то вышло из-под контроля у этих умников. Конечно, о целях графика я могу лишь фантазировать. Последнее время меня не очень-то посвящают в рабочие вопросы. Я придвинул один из стульев, в переговорной их постоянно двигают туда-сюда, так что мы решили заменить эпилептический ковролин на ровное твёрдое синтетическое покрытие, как в супермаркетах. Я уселся, вытянув руку вперёд, рядом положил голову, смотрю на доску с графиком.

Вспоминаю, как всё начиналось. Не было никаких офисов и директоров, и я работал в новенькой, недавно открывшейся «Синераме» на Вестблааке. Начиная со второго курса был киномехаником, одним из пяти. Со мной работал и Рик. Он пришёл туда позже и постоянно косячил, – были у него дела поинтереснее, чем торчать в аппаратной среди серых ящиков и плёнок. После первого просмотра фильма был второй и третий, и так пару десятков раз. Я выходил в зал и наблюдал за людьми, за их реакцией на фильм. Фильмы я знал наизусть, знал, что будет через секунду, понимал, как ожидание формируется и проявляется в жестах и мимике людей в зале. По остаткам попкорна я рассчитывал, насколько интересен фильм. Были видны закономерности, группы эмоций, понятно, какие из них спонтанные, какие наигранные. Сначала я наблюдал, потом стал записывать самое интересное поведение – например, кто-то специально не смеялся на комедиях или сдерживал эмоции на драмах. Имен я не знал и придумывал свои, хотел понять, зачем эти люди приходят, если не хотят испытывать заложенные эмоции. Рик прозвал меня Эл Би – так звали персонажа из кино Хичкока. Так прозвище и прилипло.

Прошли первые десять минут фильма, я сходил в буфет и взял банку пепси. Я непривычно лёгок и весел, на мне униформа «Синерамы». Тихонько забрался в зал, минуя толстую занавеску, и сел в темноте, в проходе у стены. Зал полон. И вдруг между застывшими кадрами на тёмном экране показывают меня, сначала со спины, потом сбоку, сверху, будто несколько камер расположены вокруг меня. Я кручу головой, забочусь о том, как выгляжу, поправляю причёску. Сцена затягивается, паника наконец овладевает мной, и я из полулежачей позы поднимаюсь, продолжая оглядываться. Кадр на экране замер моим общим планом. В него попали и зрители – видно, что они возмущаются. Почему им показывают не кино, а какую-то ерунду, на что они тратят время? Затем посреди зала встаёт человек в белом с длинными волосами и рыжей бородой. Я замечаю, что он в простыне на голое тело. Свет экрана подчёркивает его мерзкий силуэт, который просвечивается сквозь тонкую ткань. На экране кадр сменяется на крупный план моего лица, и теперь оно само стало источником света, отчего мне ещё противнее. Камеры спереди, конечно же, нет, я бы заметил. Мелькнула мысль, что это запись, и я пробую скорчить рожу, сверяясь с экраном. Рожа корчится и там, и тут. Нет времени разгадывать эту загадку, я снова отвлекаюсь на человека в простыне. Он неуклюже ползёт через ряды ко мне, наступая на ноги, заваливается и в поиске опоры путает спинки сидений с головами людей. Он не смотрит под ноги и не извиняется, лишь стремительно движется ко мне, будто хочет срочно что-то показать. Он не агрессивен, но возбуждён, руками хлопает себя по бокам, будто что-то ищет. Это пугает, ведь карманов у него нет, я вижу его практически

насквозь. И вот ему остаётся преодолеть пару человек. Я пытаюсь пятиться к выходу, опираясь на ладони, смотрю на мужчину, но не могу встать: что-то прижимает меня к полу. Пальцами я въелся в ворс ковролина, смотрю на экран, на этого мужчину, на возмущённых людей. Некоторые встают и показывают рукой в сторону выхода, а я мимикой пытаюсь объяснить, что не могу встать. Сидящая слева женщина дёргает меня за локоть. Я тяжёлый и неуклюжий, мотаю головой – мол, не могу двинуться. Человек в простыне подходит на критическое расстояние, и я так дёргаюсь в попытке бегства, что просыпаюсь.

Адам из отдела логистики, засидевшийся хозяин светового островка, нежно шатает меня за плечо. Он оценил тревожность моего сна и решил разбудить. В руке я сжимаю шарф.

– При виде графиков сразу засыпаю.

– Понимаю. Хорошо, что тебя не было, – они тут такой срач подняли. Мне тоже попало.

– Тебе-то за что?

– Навешали работы до понедельника. Сижу вот, проверяю накладные по упаковке и тарам. Говорят, могла закрасться ошибка со стороны поставщика, хотят как-то использовать это, подготовиться.

– К чему?

– Да чёрт их разберёт. Тебе виднее.

– Ну да. Ладно, иди домой. Надя ушла?

– Конечно, вслед за вами.

– Естественно.

После недолгого сна и от влажной одежды зябко и неудобно. Иду на кухню, стою пару минут и рассеянно гляжу в стену. На кухне запах кофе и свежей краски. Покрасили всё в бледно-жёлтый. Отвратительно. В помещении нет окон и тесно – находиться тут невозможно. У Рика, кроме странной колбасы и выпивки, ничего не было, а я бы не отказался перекусить. Загрёб рукой шоколадных конфет из большой каменной вазы и отправился в кабинет. План – забыть странный сон, включить телевизор и уснуть в кресле. Что же он хотел достать из своего... не знаю откуда.

Мой ковролин тёмно-синего цвета. Всё сдержанно, за исключением пары абстрактных картин и скульптуры страшной рыбины на высоком постаменте. Поверх ковролина лежат два ковра. Это удобно, но странно, ведь ковролин – это уже ковёр. У дальней стены ореховый стол и кожаное коричневое кресло. Спереди у стола ещё два кресла, но не мягкие, а с сиденьем из ротанга, на стальных трубках. Джейн, как мой личный консультант по дизайну, приволокла картин и безделушек – вазочек, статуэток и этнической ерунды. Тревожная картина с болевыми зонами тоже планировалась сюда, но я не тороплюсь: уж больно очевидно сходство со мной. По задней стене стоит шкаф с открытыми полками. Я ещё не успел всё расставить, и большая часть книг хранится в коробках в противоположном углу кабинета.

Верхний свет ослепил меня, и я включил торшер на массивной каменной подставке. Рядом с ним кресло – на нём я и собираюсь отрубиться. Мой любимый аксессуар – фигурка чёрной пантеры 30-х годов на столе, подарок одного из довольных клиентов того периода, когда довольных клиентов было куда больше.

Я наконец снимаю жёсткие ботинки. Приятно ощущать ворс голыми ступнями – к ним возвращается чувствительность и расслабление, утерянные в прогулке. Остальные конечности требуют того же. Я не сопротивляюсь, вспоминаю слова Джейн про принятие своего состояния. Подхожу к бару, из-за откидной крышки он напоминает маленький клавесин, но играют на нём в основном мои коллеги. Принятие принятием, а допинг неизбежен.

...Всё прошло по плану, и я проснулся утром с лёгким похмельем. Спасибо моему умению спать в любом положении. Человек в простыне больше не приходил. С чего я вообще взял, что он выглядит именно так? С чего решил, что простыня белая, что он рыжий и старый? Я сменил рубашку, надел единственные ботинки, будь они прокляты, – вчера успел натереть

мозоли. Оцениваю помятость в зеркале и решаю всё-таки выпить кофе в вонючей кухне, после чего отправляюсь на парковку, где меня ждёт новенький 505-й «пежо» серого цвета. Коллеги все уши прожужжали, что эта машина, видите ли, не соответствует моему статусу и можно было бы приобрести что-то роскошнее. Очевидно, говнюки больше переживают за свой статус.

По дороге на парковку никто не попался, лишь пара человек в серых комбинезонах – из технического обслуживания здания. Геометрия разметки и светильников парковки тянется в бесконечность. Тут пусто, стоит пара машин, и моя среди них. Кое-где мигают лампы, любой звук множится бетонным эхо. Находясь тут более десяти минут, забываешь про время. Нужно быстрее сесть за руль и поехать, дабы не впасть в меланхолию. Так бывает, если долго ковыряться в багажнике.

При выезде из этого склепа в лицо ударяет жирный солнечный луч, я нащупываю очки в лотке между сиденьями, которые до этого момента стеснялся надеть. Казалось, они излишне модные. Смотрю в зеркало и понимаю – да, именно так. Услышав это, солнце тут же скрывается в серости. Там же в лотке лежит кассета с фортепианными пьесами Сати. Они никак лучше всего подходят для поездки домой в такое время. И не потому, что ничего другого нет. От Рика я узнал, что они попсовые, но по мне так вполне обычные, пианинные.

3. Невеста

На дорогах свободно, и от аэропорта я еду быстрее. Мягкая погода, пасмурно, как и вчера, поля и природа постепенно затягиваются желтизной и серостью, растительность опускается и редет. С похмелья приятно чувствовать скорость и прохладный ветер из приоткрытого окна. Облака высоко, и картинка неба не меняется всю дорогу, словно в мультфильме.

Меньше чем через час я оказываюсь в своём сонном царстве, где меня встречают тоннели из поредевших, но создающих добротную тень деревьев. Сквозь крону падают пятна света, выхватывая засыпанные листвой участки. Кажется, японцы это называют словом «комороби». К моему дому ведут несколько узких односторонних дорог, с расположившимися вдоль них домами за живыми изгородями или низкими каменными заборами. Нужно точно знать алгоритм проезда, иначе неминуемо уткнёшься в тупик. Кто-то выгуливает собак, люди в нелепых шортах занимаются спортом на полянках и в крошечных парках. Как им только не холодно.

План посёлка нелогичен, не помню, чтобы я хоть раз сразу находил свой дом. Возможно, в этом и суть – выявление чужаков. Если спереди едет автомобиль, то вихрь листьев, влекомый аэродинамическим потоком, создаёт целую симфонию и так гипнотизирует, что можно ехать, преследуя эту машину до самого места её назначения. Пару раз я заехал в чьи-то уголья – высокие заборы и ворота тут не ставят, и не всегда понятно, где заканчивается общественное и начинается частное. Впрочем, для меня это оказалось неплохим поводом для знакомства с соседями.

Это старый район, брусчатка чередуется с асфальтом, что заметно по лёгкой вибрации в заднице и скатывающимся с передней панели предметам. Попадаются роскошные дома с соломенными крышами, но в основном с черепицей разных оттенков красного. Где-то стоят строительные леса: местные постоянно ремонтируют, обновляют жилища. Кажется, они вообще заняты только этим. Я также ступил на этот путь. После переезда пришлось обновить фасад, почистить и отремонтировать крышу. Даже учитывая, что дом у меня не самый бедный, я чувствовал себя неуместным, и пока что мой стиль жизни ещё не перетёк в эту вязкую среду. По сути, лишь реактивность может привести тебя к вязкости. В какой момент, интересно, я этого захотел? Как же не хочется зимы и холода. Этим вязким людям наверняка нравится зима, им вообще всё нравится. Или, наоборот, настолько всё не нравится, что они перешли на новый способ оценки действительности – ввели новую валюту, вязкий гульден.

При подъезде к дому я замечаю суету. Соседи обращают на меня внимание, будто ждут моего приезда. Я начинаю тревожиться, первая мысль – классика – пожар в новом доме. Но дело не в пожаре – нет ни дыма, ни пожарных машин. Рядом с домом замечаю только скорую помощь, полицию и кое-кого из соседей. Среди простых зевак также человек с фотоаппаратом – наверное, репортёр. Мне это сразу не нравится. Заехать на собственный двор я не могу и паркуюсь у края дороги.

Очевидных причин для суеты нет, и я пытаюсь понять, кто руководит процессом. Один из полицейских выделяется харизмой, и я решаю, что именно он тут шеф.

– Доброго дня! Вы, значит, хозяин дома? – успеваешь перехватить инициативу полицейский.

– Да. Что происходит?

– Нас вызвали соседи. Там ваша мадам? – не отводя от меня взгляда, рукой показывает в сторону полицейской машины.

Передо мной нетипичный для служащего полиции худощавый, но не болезненный, высокий человек лет сорока пяти, в затемнённых очках с диоптриями – такие носят люди, желающие скрыть косоглазие или другие внешние проявления дефектов зрения. Форма слегка висит мешком. Светлые редящие волосы. Рукопожатие жёсткое, костлявое и сухое. Складывается

впечатление, что он не полицейский, а скорее учитель физкультуры, об этом говорят кривые ноги и слегка развалистая походка. Такая была у моего тренера в секции.

В машине сидит незнакомая, как мне показалось, девушка – за стеклом, в растрёпанном виде сложно распознать, кто это. Из-под закрытой двери торчит грязный кусок ткани – будто свадебное платье.

– Не припоминаю... Вроде бы, – неуверенно отвечаю я.

Я чувствую, что теряю фокус, шея слабеет и перестаёт справляться с поддержкой головы. Причин для паники нет, но я часто паникую на всякий случай.

– Как это «вроде бы»? Она вот уверена, что является вашей невестой, – отчеканил полицейский, будто на пишущей машинке. – Вы хорошо себя чувствуете? Вам требуется психологическая или иная помощь?

– Я... Да. Я в порядке... Невеста? У меня нет невесты, то есть у меня есть девушка, но это не она.

– Вы уверены? Посмотрите внимательнее. Вы знаете, где сейчас находится ваша настоящая девушка?

Я, поддавшись власти полиции, зачем-то ещё раз имитирую внимание к несчастной девице, прекрасно понимая, что это не Джейн. Отряхнувшись от гипноза, я пытаюсь сосредоточиться.

– Послушайте, я уже сказал, что не знаю её. Что произошло?

– Не торопитесь, молодой человек. Чувствую, у вас вчера был весёлый вечер?

– Что?

– Вы ведь трезвый? Не додумались опохмелиться перед тем, как за руль сесть?

– Нет, о чём вы?

– Такое бывает, знаете ли... Суббота, на дорогах пусто... А потом вот... – Он снова показал в сторону машины, будто это имеет какое-то отношение к нетрезвому вождению.

– Пожалуйста, можно ближе к делу?

– Конечно, как скажете! Похоже, у вас с девушкой имеются неразрешённые личные вопросы, или вы её чем-то огорчили, раз она решила проникнуть к вам на территорию и сделать вот это. – Он указывает в сторону дома. – Надо бы разобраться. Не считаете? – Офицер поворачивается и проходит в глубь двора, к дому, и мимикой даёт понять, что мне надо идти за ним.

Я, конечно же, иду – как они это делают? На одной из стен дома, на левой половине, я наблюдаю цветастую незаконченную надпись: «Destroy Reso...»

– Вот, – останавливается полицейский у стены. – Нарушив спокойствие соседей, проникла и нанесла надпись средствами распыления. Помимо прочего, шумела и накинулась на соседа, пыталась разбить окно сапогом. Мы её остановили, а могла и внутрь забраться, дом сжечь. Как считаете?

– Я не...

– В доме, кстати, ещё кто-то есть? Вы один живёте? Вижу, ставни прикрыты – ремонт затеяли? Сосед сказал, вы переехали недавно. Откуда?

– Из центра... Я один живу... С котом. Недавно переехал, да – делаю ремонт... Строители на выходных не приезжают.

– Чем занимаетесь? Каковы причины переезда? Может, пройдем в дом – расскажем подробнее, что к чему?

– Да, конечно, пойдёмте, – без всякого желания я приглашаю его в дом, но вспоминаю, что ключи от двери в машине.

Запирая автомобильную дверь, ещё раз краем глаза гляжу в сторону девушки, пытаюсь её узнать. Она кажется знакомой.

Люди постепенно расходятся. Фотограф замечает меня, но не успевает сфотографировать – уверенно направляется ко мне, но я быстро проскакиваю мимо и исчезаю за дверью дома, протолкнув вперёд себя полицейского.

– Так каковы причины переезда? – почти с порога продолжает полицейский. – Скрываетесь от нежелательного общения?

– Нет, я не скрываюсь от нежелательного общения, до этого дня ничего подобного со мной не происходило. Врагов у меня тоже нет.

– Может, фанаты, любовники?

– Это ещё менее вероятно. И почему вы про них во множественном числе?

– То есть враги вероятнее?

– Нет. То есть... Короче, меня никто никогда не преследовал. Это первый раз.

– Вы не ответили. Где сейчас ваша девушка? С ней можно связаться?

– Я не уверен, наверное... – Я вдруг понял, что понятия не имею, где Джейн, и предположил самый вероятный вариант: – На работе. В галерее. Картинная галерея.

– Так рано ушла? В субботу? Кем она работает?

– Мы не живём вместе, она... Она иногда остаётся там на ночь. У них выставки и всё такое. Современное искусство.

– А телефон есть в это... Искусство? Может, это дело рук её дружков?

– Да нет. Послушайте... Секунду.

Разговор с представителем власти провоцирует на неестественное поведение. Я лезу копаться в карманах в поисках ручки или карандаша, хотя прекрасно знаю, что их там нет.

– Возьму на кухне.

Каризма бежит за мной в ожидании справедливой порции еды. Это не его стресс, и причин для голодовки он не видит.

Полицейский идёт следом, обходит ковёр по внешнему периметру и садится на край дивана, словно боясь оставить следы.

– С соседями в каких отношениях?

– Я мало кого знаю, но в целом в хороших.

– Чем занимаетесь, где работаете?

– Околomedические препараты. – Это странное словосочетание я придумал только что. – Я и пара моих товарищей. У нас небольшая фирма.

– Пищевые добавки, что ли? Жена любит это дело. Как по мне, так... Они правда помогают? По-моему, ерунда какая-то.

– Кому как... Позвольте, я кота накормлю?

– Конечно. Значит, разбогатели и смогли позволить себе давнюю мечту. Поближе к богачам. Что ж, неплохо, дом у вас симпатичный, слегка заросший, но... красивый, – полицейский оглядывается вокруг со знающим видом.

Я понимаю, что тон разговора смягчился, и теперь необязательно объяснять все подробности моей деятельности. Повисает пауза. Офицер явно ожидает продолжения.

– Да, мы в категории пищевых добавок.

– Всё ясно. А как думаете, что означает надпись на стене? Как она вообще узнала, где вы живёте?

Я не стал делиться догадками и ответил, что не знаю, но, кажется, он заметил ложь – я поплыл взглядом в сторону, но тут же сосредоточился, выпрямился. Мне стали самому интересны ответы на эти вопросы, о чём я и поведал.

– Знаете, самому бы хотелось понять. Что ей грозит?

– Не могу сказать. Зависит от того, будете ли вы подавать жалобу. Будете?

– Можно подумать? Мне надо оценить... ущерб. Куда её повезли?

– Она явно не в себе, ей потребуется психологическая помощь. Сначала в участок, потом видно будет. В общем, вот мой номер на случай, если вы захотите ещё что-то сообщить. Пойду-ка успокою ваших соседей, похоже, такие события тут не каждый день происходят, может, и узнаю чего. Не хотите прогуляться?

– Нет, если можно, я хотел бы остаться дома. Что мне делать с надписью?

– Что хотите, мы её сфотографировали. Можете оставить на память, сейчас в моде такое или как? Установите сигнализацию, это тоже, знаете ли, модно. Раз уж вы переехали сюда, надо соответствовать, – подмигнул полицейский, выдавая свою неистребимую провинциальность.

Я лишь качнул головой. Он надел фуражку и отправился к выходу.

4. Работа по красным зонам

Я сразу позвонил в галерею Джейн, она действительно была там. Всё рассказал и предупредил о возможных расспросах. Судя по голосу, её это совсем не смутило или же она также пребывала в похмелье и не была щедра на эмоции. Она редко на них щедра, но есть вещи, которые её веселят, – почти все вещи, которые других злят и раздражают. Джейн пообещала приехать через пару часов.

Происшествие с надписью разрушило барьер между мной и проблемой. Кажется, теперь мне не скрыться, даже дома. Раньше про этих бедолаг я узнавал от других и, казалось, мог выбрать, смотреть этот фильм или нет. Чёрт, неужели эта девушка тоже из них? Или она какая-нибудь активистка? Очевидно, надпись – это отсылка к ERA. Пожалуй, надо установить сигнализацию или забор повыше. И надо всё смыть. Нет, дождусь Джейн.

От придуманного плана стало легче, в шею и ноги вернулся контроль, и после быстрого стресса накатила усталость. Я прилёг на диван, уставился в цветную полосу на стене, прерываемую тенями деревьев. Шевелящиеся тени почти сразу меня усыпили...

Если бы существовала энциклопедия женщин, Джейн была бы в ней названа «девушка культурная, самодостаточная». Казалось, она всегда уверена в том, что делает, и даже на прогулке идёт туда, где её непременно ждут. В целом ожидание результата от происходящего – её кредо. А моё кредо – полное непонимание и неприятие происходящего. Джейн изучила инструкцию к миру, но не следует ей чётко, а ходит рядом – собирает ягоды и грибы неподалёку от основной группы, видит свет между деревьями, знает вектор направления, но протаптывает свою тропинку. Она всегда чуть лучше остальных – красивее, умнее, изящнее. Но не настолько, чтобы вызывать зависть. Лучше настолько, чтобы остальным всё ещё хотелось с ней соревноваться. Иллюзия доступности и понятности.

Казалось, я за ней не успеваю. И я как-то задал вопрос – почему она выбрала именно меня? «К тебе всегда можно вернуться и оттолкнуться с новой силой». Я так до конца и не понял, что это значит, – я топчусь на месте или слишком предсказуем? Возможно, то, что прошу ей любые выходки и странности. Но Джейн, скорее всего, имела в виду нечто третье. Она всегда имеет в виду нечто третье. Свобода для неё всегда на первом месте. И если сравнивать свободу с невесомостью или полётом, то, даже летая, важно чувствовать землю. Я был для неё эмоциональным маяком, заземлением, человеком, по которому можно сверить приборы, понять, каков он – реальный, скучный мир. Коснуться его пальцем ноги и лететь дальше. В разные времена это казалось и успокаивающим, и огорчительным. Когда в период моего идейного расцвета я наблюдал, как люди вокруг меня, те, с кем я шёл рядом, соперничал, теперь оставались далеко позади, переставали быть мне интересны, Джейн словно не участвовала в этой гонке. Она всегда вела себя так, будто произошедшее и должно было произойти, и когда я входил в новую дверь, она уже ждала меня с той стороны.

В начале наших отношений я часто пытался её удивить, но в конце концов устал и переключился на себя и других. Интересно всё-таки то, как мы выбираем себе конкурентов, врагов и друзей, – это всегда люди нашего уровня, нашей весовой категории. Интересно само соревнование, а оно длится тем дольше, чем соразмернее силы соперников. Джейн не попала в категорию соперников, друзей, и вообще в какую-либо. Она так и осталась неприступной крепостью или, наоборот, нейтрализующим веществом, абсорбентом. Всё моё действующее на других вязнет в ней, как пули в песке.

Вдобавок к моему основному «преимуществу» появилось ещё одно. По её словам, я умею фантазировать и идти за целью, лежащей далеко в неизвестности. «Ты заходишь в тёмную пещеру, не зная, кто там, медведь или белка, и у тебя в руке лишь палка, которую ты сам придумал». Не знал, что я таким занимаюсь, но мне понравилось. Позже я понял её слабое

место – неизвестность. Она не любит неожиданностей – ни медведей, ни белок, а вместо палки у неё наготове лазерный меч. С этого момента наши отношения смягчились, непредсказуемый ранее человек стал мне понятнее. Круг её полёта сузился до видимой небесной сферы, и я понял, что хоть и не могу её удивлять или контролировать, но точно ей интересен.

Джейн любит экспериментировать. Это вылилось в её любовь к духовным практикам и странным, как мне кажется, знакомствам. В зачатке всё это выражалось в любви к искусству. На этом фоне мы с ней и познакомились. Тогда я разбирался в базовых понятиях, так как интересовался кино, но Джейн быстро меня превзошла. Вероятно, дело в том, что в какой-то момент я остановился, а она не остановилась до сих пор. Всё новое ей давалось легко и органично, будто появившиеся в данную минуту её цели и ожидания одновременно порождали результат в будущем, и ей оставалось только пройти через время, собрать этот результат, как помидоры с грядки. И даже происходящее сейчас в моей жизни её не удивляет – нужно просто подобрать инвентарь правильного калибра и идти в сад.

Джейн красива. Подобные красавицы обычно обитают где-то в выдуманном мире – в кино или на картинах. В мире, где автор идеализирует и собирает все привлекательные черты в одном человеке. Она прекрасно понимает особенности своей внешности. Её подруги будто часть «команды», у каждой отдельная функция, с которой та отлично справляется, не подозревая об этом. Это происходит естественно, никакой надменности, никакого менторства или предводительства.

И вот я ловлю себя на мысли, что Джейн именно та, кто сейчас мне нужен. Не потому, что у меня больше никого нет. Как бы я ни сопротивлялся этой мысли, но я жду, что придёт Джейн и чётко, в своей привычной манере, скажет, что нужно делать. Точнее, так: она своим поведением даст понять – что бы ни произошло, это именно те семена, которые нужны, мы их посадили, и они прорастут в будущем. Наша задача – наблюдать и не мешать.

– Ренс, дорогой, ты бы дверь закрывал, а то твои фанатки не то что на стене, на лбу у тебя напишут, пока ты тут томишься, – раздаётся голос Джейн из коридора.

Она подходит и садится на пол рядом с диваном, подогнув под себя ногу. По духам можно определить её настроение. Сегодня это пряный «Опиум», и именно они вошли в помещение первыми, давая мне шанс подготовиться. Так вот, сейчас настроение Джейн, вероятно, благосклонно и расслабленно. Всегда хотелось, чтобы такой она была постоянно. Джейн приподнимается, запускает руку мне в волосы и целует в лоб.

– Нет, сюда всё не поместится – судя по всему, на стене планировалось нечто грандиозное, – резюмировала Джейн, оценив размер моего лба. – Ты грустишь?

Я отрешённо перевожу взгляд с потолка на люстру и обратно, не поддаваясь нежностям, стараюсь не встречаться с Джейн взглядом. Хочу немного пострадать, побыть в жалком детском состоянии, и, попади я в её глаза, сразу буду разоблачён.

– Есть предположения, кто эта девушка?

– По всей видимости, одна из клиенток. И это многое меняет.

– Что же?

Сложно формулировать осмысленные фразы лёжа, и я приподнимаюсь. Джейн легко пересаживается на диван рядом. Как ей это удаётся – такая раскованность и изящность? Ведь ей абсолютно комфортно в любой одежде и ситуации. Чего не скажешь про меня. Я лёг в чём приехал, теперь помят и разбит от часа дневного сна. Кажется, на щеке отпечатался шов диванной подушки.

Джейн интересно разглядывать. Сейчас на ней длинная свободная юбка с плиссировкой, белая простая футболка и поверх неё забавная бежевая жилетка с вышитыми симметричными птицами. На ногах были туфли, которые она с лязгом скинула по дороге от двери. Про туфли я догадался по отпечаткам на подъёмах ступней, и даже эти отпечатки смотрятся уместно. Тонкие, но не костлявые щиколотки. Шея скрывается за прямым каре, и есть в этом уязвимость

китайской фарфоровой вазы – её хочется обхватить двумя пальцами в самом тонком месте и, слегка сжав, спускаться ниже, чувствуя расширение, упрочнение, симметрию и силу. Сила и концентрация, к которым всё это призывает, говорят – сосредоточься, это тебе не веник, будь внимателен. Всё, что находится между лодыжками и шеей, укладывается в те же законы, но обычно скрыто от глаз под одеждой.

Подвижность – это слово, пожалуй, самое подходящее для описания тела Джейн. Но имеется в виду не то, что она двигается больше остальных или лучше справляется с физическими нагрузками, – нет. Вся она: каждая фаланга, каждая мышца – готова к движению. Ты будто чувствуешь на себе внимание всего тела, энергия и сила равномерно распределены по нему, и отдельным частям не требуется превосходства. Баланс и тонкость. Кожа плавно обтягивает мышцы и суставы, нет выраженной худобы, нет чётких очертаний и напряжений. Собрать общую картину пропорций и фигуры можно по островкам одежды, которые кое-где прилегают чуть плотнее. Острова постоянно меняют дислокацию, и это увлекает. Такими мелкими деталями, своим телесным вниманием, движениями словно по сценарию Джейн мастерски удерживает на себе внимание.

Она всегда передаёт невидимую эстафету сама себе. И всё у неё под это приспособлено. Даже эти туфли, – она бы никогда не носила обувь или одежду, с которой нужно долго возиться, ведь есть допустимый уровень внимания к вещам, людям, искусству, еде. Казалось, я где-то между туфлями и картинами поздних импрессионистов. Хотелось бы, конечно, верить, что ближе ко вторым.

В целом внешность Джейн не столь редка для этого мира с его телевидением и журналами, но для местных достаточно экзотична. Она скорее восточноевропейская или даже восточная, на одну восьмую или шестнадцатую. Эффектная внешность плюс северный характер позволяют уживаться практически с любыми людьми, повсеместно воспринимающими её как посла мира.

Прямые густые брови, круглый, плавный подбородок, немного смешные, оттопыренные уши с большими мягкими мочками. У идеальных людей обязательно должна быть какая-нибудь забавная черта. Уверен, они сами выбирают её, стоя на пороге в этот мир. У Джейн это уши, которые иногда смешно появляются из-за шторок тёмных волос и мгновенно исчезают.

Именно в таком порядке я её разглядываю – ноги, шея, волосы, тело и лицо. Попадая на лицо, я замечаю взгляд, ожидающий меня и говорящий: «Ну что, насмотрелся?» И хоть в словесном описании деталей её лица нет ничего однозначно красивого, можно уверенно сказать – они объединены идеальной пропорцией и гармонией. Тот случай, когда все детали интересны, но, видя их отдельно, невозможно судить об общем результате.

Джейн – моя связь с миром. С миром, где всё функционирует органично, не имея жёстких границ, числового обозначения и формул. С миром, которого для меня не существовало до определённого момента, – хаотичным, спонтанным и интересным.

– Эй, ты где? Ты уже минуту смотришь сквозь меня.

– Пойми, она пришла ко мне, она знает, кто я, где живу. Теперь любой может прийти – их друзья, родственники и так далее.

– Я поняла. Ты нервничаешь. Заварю тебе успокаивающий чай.

– Да, чай – это именно то, что нужно сейчас, – саркастично отвечаю я и смотрю на пол.

На ковре лежит растянувшись Каризма. Вид его неизменно умиляет. О чём, интересно, пушок думает?

– Это самое простое, что я могу предложить. Ты чувствуешь уязвимость, у тебя стресс.

– Я ожидал чего-то большего...

– Позитивных аффирмаций? Давай без этого? – перебивает меня Джейн.

Джейн стоит на кухне и вынуждена говорить громче, формулировать фразы короче.

– Что бы ты сделала в моей ситуации?

– Ты знаешь, это глупый вопрос. Я многое сделала, чтобы в ней не оказаться. У тебя тоже был шанс, кстати.

– Доставай машину времени.

Джейн не реагирует и возвращается из кухни, ставит чайник и чашки на стол, разливает чай.

– Теперь ты переключаешься в режим решения проблемы, а не простого наблюдения. И твои партнёры не смогут сунуть голову в песок.

– Они хотят спихнуть всё на поставщиков. Якобы банки не сертифицированы по новым стандартам и содержат вещества, в сочетании с... Ну и на меня с Брайаном. Я же всё это придумал. С Брайана взятки гладки, его вообще никто всерьёз не воспринимает. Свалит опять в горы, и ищи его.

– Рано или поздно он утянет тебя в болото.

– И что делать?

– Успокоить голову, дать всему пройти. Не разжигай это вновь и вновь.

– Опять твои приёмчики?

– Ага. – Джейн любит меня подкалывать и наблюдать, как я с открытым ртом её слушаю.

– У меня никогда не получалось, я не понимаю, как это работает.

– Скажи, в чём отличие твоих высокоэффективных препаратов от обычных наркотиков?

– Они не вызывают привыкания.

– Пуля, оказавшаяся в голове, тоже не вызывает привыкания.

– Ты спросила, я ответил... В общем, вряд ли медитации решат мои проблемы.

– Я не предлагаю тебе решать проблемы, дурила.

Джейн поднимает Каризму и обнимает, прижавшись к его морде лицом. Кажется, головы у них одного размера и вот-вот кот заговорит по-человечески и подтвердит сказанное Джейн. Вообще не удивлюсь.

– Я предлагаю создать правильные условия, освободить место в голове. И поверь, решение, как котик, распознав уютное место, придёт и уляжется, ведь всё, что тебе нужно, у тебя есть. Раз ты создал проблему, значит, и сможешь её решить; раз построил, сможешь и разрушить. Оставь это как несгораемый вариант.

Хоть я и сопротивлялся мысли, что проблему создал я сам, остальное мне понравилось. Особенно часть с разрушением.

– Очевидно, ты не ради чая приехала...

– Иди-ка переоденься, ты будто с баррикад вернулся.

Я смиренно отправился наверх, а Джейн прошла по гостиной. Прикрыв шторы, начала убирать всё со стола и наводить одной ей понятный шаманский порядок. Вернувшись вниз, я ожидал увидеть что-то вроде филиала тех мест, куда она много раз пыталась меня затащить, – с благовониями, разноцветными флажками и дурацкой музыкой. Флажков и прочего я не обнаружил, но в гостиной пахнет чем-то цветочным, темно, Каризма мерцает глазами.

– Я придумала практику по дороге сюда. Она отлично подойдёт таким, как ты. – Джейн по-девчачьи смеётся и театральнo приглашает присесть рядом с ней.

– Я один из тех, которые как я.

– У тебя бывало, что ты думаешь о неприятном, неразрешимом, но вдруг что-то отвлекает и ты забываешься?

– Это и есть моя жизнь.

– Ты не помнишь, о чём именно переживал, но чувство тревоги всё ещё с тобой, – продолжает Джейн, положив руки мне на плечи.

– Да.

– Отлично. Это говорит о том, что эти две вещи делимы. Если второе может существовать без первого, значит, и первое может без второго.

- Я бы прожил без них обоих.
- Для начала сядь удобно, постарайся, чтобы кровь и воздух свободно перемещались внутри тебя.
- Может, я лягу?
- Нет, нужен твой тонус. Лёжа ты уснёшь сразу, как кукла.
- Ты кукла.
- Дыши, – почти шёпотом продолжает Джейн. – Старайся наполнять себя воздухом, будто всё твоё тело – это лёгкие, начиная с пальцев ног, заканчивая макушкой. Ногти и волосы тоже.
- Господи! – не могу я сдерживать смех.
- Ну что?
- Я представил, как раздуваются мои ногти и волосы превращаются в сосиски.
- Дурак, – Джейн гладит меня по голове.
- Я не такой фантазёр, как ты думаешь.
- Ренс, делай как можешь, никто от тебя ничего не ждёт. Я тебе кое-что расскажу. Расскажу историю этого дня. А ты будешь её представлять в красках, во всех подробностях, как сможешь. Переживёшь это ещё раз. Требуется вся концентрация. Сосредоточься.
- Угу, – я киваю и закатываю глаза.
- Ты едешь по шоссе, думаешь о том, как же так, что все эти люди сделали с собой, угодили в такую историю, ты хотел сделать их счастливыми, но что-то пошло не так. Есть ли тут твоя вина? Очевидно, нет. Ты дал им инструмент, рассказал, как пользоваться, но они не справились. Ты едешь домой, осенний ветер приятно задувает в окно, ты слышишь музыку и шум, всё смешивается, ты пропускаешь это сквозь голову, понимаешь, что проблема осталась где-то позади, и теперь ты едешь домой, чтобы отдохнуть. Ты съезжаешь с шоссе на извилистые дорожки посёлка. Твоё бегство почти удалось, теперь тебя точно не достать. В этих тенях могут находиться только особенные люди, такие же беглецы, близкие по духу, тебе стоит равняться на них, ведь они тут давно, они добились успеха в бегстве, а значит, это работает, а значит, и ты достигнешь. Ты считаешь, что имеешь право на это, ты заслужил и это твоя крепость. Но, подъезжая к дому, ты замечаешь суету. Это не соседские машины, это что-то злое, из того мира, где люди борются друг с другом за выживание. Как они сюда попали? Кто их пустил? Как они тебя нашли? Причиной тому стало ещё более неприятное событие, нацеленное лично на тебя, на твоё эго. И ты видишь девушку. Она не просто из того страшного мира, она – строительный материал этого мира. И вот она тут, пишет на твоей стене нечто, понятное только ей и тебе. Вашу с ней тайну. Ты понимаешь, что не хочешь этой связи, понимаешь, что твой дом и это место теперь не крепость, ты скомпрометирован, не справился с бегством. Сколько всего и сразу. Всё рушится.
- Отлично. Стало намного легче.
- Ш-ш-ш. Теперь представь, что вся эта история – пазл, лежащий на этом столе. На фоне – город, это место, небо, листья и всё, что является декорациями, всё, с чем ты смирился. Остальное – вырезанные из бумаги кусочки, на которых сцены сегодняшнего дня, девушка, где-то рядом полицейский. Не забудь добавить соседей и прочие детали мирка, за который ты борешься. Вернёмся к тому, что это не просто коллаж, а пазл, и теперь будет сложно, но постарайся это сделать. Запомни очертания всех образов, держи их в голове. Сейчас мы заменим картинку и цвета каждого образа всего на три цвета. Синим будет физическое восприятие происходящего – сама картинка, звук и запах. Вспомни, что именно ты видел, и почувствуй глазами. То же самое сделай с остальными ощущениями. Пройди по каждому образу. Попробуй отделить только непосредственный момент получения информации, момент раздражения рецепторов. Постарайся не оценивать его. Представь дорогу до дома, дерева. Что же происходит у твоего дома? Далее – полицейский. Это человек в форме. Представь его. Он ещё ни на кого не похож, он не хороший и не плохой. Ты ничего не знаешь про ситуацию, она для тебя

ничего не значит. Первый цвет – синий. Помнишь, теперь твой пазл состоит из трёх цветов? И тебе нужно вытащить из него все синие детали и отложить в сторону. Второй цвет – красный. Твоя интерпретация. Это информация, которая оформилась в твоей голове в виде образов, то, как ты понял ситуацию, то, какими словами описываешь. Ты видишь нечто и понимаешь связь, тут всё тебе знакомо, и ты имеешь мнение на этот счёт. В твоей памяти также есть фантазии и предположения. Это красный цвет. Вытащи все детали красного цвета и положи их в кучку по центру. Следующий цвет – белый. На столе остался только этот цвет, и ты видишь, что лишь из него не складывается чёткая картинка, и мало того – скорее всего, ты не сможешь вставить детали других цветов обратно. Белый – это твои эмоции: попробуй вспомнить, что конкретно ты чувствовал, наблюдая эти образы. – Джейн замолкает на минуту, а затем продолжает: – Такие ощущения ты мог испытать от чего угодно, и теперь в эти пустые участки ты можешь вставить любой синий и любой красный. Таким образом можно поступить и с другими цветами. Необязательно оставлять в конце белый. Ты понимаешь – то, что тебя беспокоит на самом деле, работает только в комплексе, и все эти вещи по отдельности не имеют смысла. Теперь собери все белые детали в кучу и сложи справа. В конце тебе нужно попробовать представить, что эти три кучки – это вся твоя жизнь, где синий – это всё, что воспринимается органами чувств, красный – интерпретация, перевод в слова, а белый – эмоциональный результат. Теперь ты всегда можешь разбивать любые события на эти три кучки, если хочешь. А если хочешь забыть – ссыпай всё к остальным цветам.

– Интересно. Где ты этому научилась?

– Я придумала это сама, точнее, адаптировала под тебя. Ты можешь это использовать, когда захочешь.

– Неплохо отвлекает. Как минимум.

– Что будешь делать с надписью?

– Наверное, смою завтра. Там вроде осталась какая-то химия от строителей.

– Погоди секунду.

Джейн вскакивает и бежит в мой кабинет. По звукам понятно, что она роется в вещах и что-то ищет. Через пару минут возвращается с фотоаппаратом, по дороге заряжая его плёнкой.

– Идём! Ты так давно его не использовал!

– Я не в настроении.

– Сфотографируем твою недовольную мордашу. Посмотришь потом, когда вырастешь.

– Не уверен, что это суперидея.

– Это отличная идея, идём.

Джейн за руку вытаскивает меня из гостиной, и я, не успев обуться, с голыми ногами выпираюсь на улицу.

– Вставай так. Вот так, ага. Немного правее. От меня правее. Убери руки от лица.

– Мне холодно.

Я безвольно выполняю приказы, понимаю, что лучше не сопротивляться. Поворачиваюсь, вижу надпись – она в таком устрашающем готическом стиле, и, надо признать, достаточно красивая. Я опускаю руки, отрешённо смотрю на брусчатку. Солнце в это время дня не попадает сюда – тут создалась добротная тень от дуба и влажно, на дорожках неистребимый мох. На нём-то я и спасаюсь от ледяных камней. Босыми ногами я пытаюсь сгрести под собой листья, чтобы выжить. Джейн умудряется ходить в лёгких туфлях.

– Есть. Ты молодец. Похож на сонного воробья.

– Какого?

– Сонного!

– Главное, ты довольна.

– Тобой – всегда. Распечатаешь в большом формате. Папина лаборатория ещё существует?

– Да. Мама надеется, что я плотнее займусь фотографией и перестану гипнотизировать людей.

– А ты?

– А я не перестану. Можно я пойду в дом? Я не чувствую ног.

Избавившись от прилипших к ступням дубовых листьев, я возвращаюсь домой. Сейчас он кажется особенно уютным и наполненным.

* * *

Я купил дом у престарелой пары, сами они отправились жить в Рим. Перспектива умереть именно там почему-то казалась им лучше. Перед продажей они долго расспрашивали меня о том, чем я занимаюсь и кто вообще такой, откуда у меня деньги и где моя семья. Пришлось представлять себя немного в лучшем свете. Им понравилось, что я владею компанией, люблю маму и что у меня есть недорогой автомобиль, а главное – я не иностранец. Также что у меня есть невеста и что у нас скоро свадьба и всё вытекающее. Хорошо, что мы в этот момент были на улице, иначе старый дом не выдержал бы такой лжи и похоронил бы нас в руинах. К слову, увидев наличность, они быстро всё подписали и растворились.

Дом действительно старый, в момент покупки требовал замены коммуникаций, ремонта крыши и окон, всё скрипело и воняло. Я понял, что купил не сам дом, а скорее возможность находиться на этой земле. Без лишних размышлений я приступил к ремонту. Изменения внешнего облика, например фасада, могли не разрешить в муниципалитете, поэтому снаружи я оставил всё как есть, даже сгнившие ставни висели до последнего, пока не обрушились в кусты роз.

В гостиной был большой камин. Он, как и всё в доме, нуждался в ремонте. Джейн сказала, что именно такие каминные использовались для обогрева в Царском селе Ленинграда. Я поверил на слово. От старых хозяев остался большой дубовый кулисный стол с точёными ногами. За него можно посадить человек десять, и это примерно на девять больше, чем бывает в этом доме. Конечно же, таких слов, как «кулисный», я не знал до ремонта, но после того как Джейн повторила их примерно девятью девятью тысяч раз, у меня не было шансов не пополнить свой убогий словарный запас, в котором, кроме «синапсов» и «апперцепций», почти ничего не было. А нет, были ещё бесконечные названия кинофильмов и названия трамвайных остановок. Всё это лежало в трёхэтажном старом деревянном ангаре и ждало случайного пожара.

В доме было много старинной мебели, которую хозяева, по всей видимости, коллекционировали. Ничем другим такое обилие хлама не объяснить. Мы решили, что выглядит она мрачно, и отвезли часть в галерею Джейн. Откровенное барахло постепенно утилизировали – оттащили на задний двор и под бутылку вина разгромили до нужной кондиции и сожгли. Кажется, именно тогда соседи впервые обратили на нас внимание.

В целом интерьер получился эклектичным, поэтому я предложил добавить немного современной мебели, так как этим старьём невозможно полноценно пользоваться – ящики комодов не открываются, постоянно отваливаются куски резьбы и шпона. Письменный стол – единственная старая мебель, к которой я подхожу ближе чем на метр. К счастью, я требую от него немного, а именно – просто быть.

Балки, открывшиеся после сноса перекрытия, неплохо сохранились, но всё же требовали обработки от насекомых. Сами насекомые от таких событий сразу сбежали, с ними даже не пришлось бороться. Джейн сказала, что старые хозяева увезли их с собой в бровях. В них же, видимо, они увезли и раздражавшую меня коллекцию фаянсовых башмачков, на которую я с презрением косился, пока был тут гостем. Только из-за неё я так яростно торговался и врал,

что за цену вдвое меньше мне предложили дом через дорогу. Вот что могут сделать с человеком обычные омерзительные башмачки.

С обратной стороны дома есть веранда. В отличие от самого дома, она располагается почти сразу на земле, и кое-где в щелях между досками прорастает трава. Нам с Джейн это понравилось, и мы решили оставить так, поменяв лишь сгнившие доски. Сама же веранда используется летом, а зимой в ней стоят растения и садовый инвентарь. Мы не сразу поняли, что изначально веранда была остеклена, так как старые хозяева стёкла сменили на фанерные листы, и она предстала нам в довольно угрюмом виде. Мы вставили стекла в металлический каркас, и появились ажурность и свет. Между гостиной и верандой большое окно с деревянной рамой, разделённой на прямоугольные секции. Примерно на высоту роста окно прозрачное, поэтому веранда хорошо видна из гостиной. Выше – квадраты из стекла разного цвета. При желании это большое окно можно закрыть плотными шторами, которые любит Каризма. Во время заката солнце находится на этой стороне и примерно час светит сквозь веранду. На белой стене появляется красивая цветная полоска.

В центре гостиной стоит огромный бархатный фиолетовый диван с золотистой бахромой и пуговицами. Немного вычурно, но в чём я разбираюсь?

Любовь Джейн к брутальному уюту и коврам не обошла стороной и это место. Ковры тут на любой вкус – персидский в гостиной, различные циновки в ванной и прихожей, гладкие турецкие и пушистый ковёр в спальне. Каризма уважает его как соперника – постоянно охотится за ним, будто тот подвижен.

Стены в ванной отделаны квадратной плиткой, на полу плетёная корзина и голубой ковёр с нелепой длинной бахромой. Сам пол, как и во всём доме, из лиственницы – старые широкие доски с трещинами и сучками. Ванна стоит в центре, так что к ней можно подойти с любой стороны. Сушилкой для полотенец служит старая деревянная стремянка с красивой фурнитурой. Эта стремянка – единственное, что мы с Джейн отреставрировали сами. Занимались этим примерно два месяца. Ванная комната достаточно большая, даже поместилось размашистое кожаное кресло, деревянная вешалка и небольшой шкаф со всякой ерундой. Тут же стоит столик, который в прошлом, видимо, был частью интерьера зубного или процедурного кабинета. Символично, ведь именно с зубоврачебных кабинетов мы когда-то начинали с Брайаном. И самое главное – в ванной есть окно. Точнее, целый балкон. Никаких занавесок не нужно: снаружи всё густо заросло виноградом и подглядывать особо некому. В общем, эта ванная ощутило превосходила масштабы моей личности и прекрасно подходила для поднятия самооценки в трудный период. Такой, как сейчас.

При всей любви Джейн к изобразительному искусству, в моём доме она сдержалась. Картин тут немного, всего около восьми, точнее, ровно восемь – наивное трио из цветов в прихожей, неизвестные мне импрессионисты в коридоре, а на кухне репродукция Снейдерса – лошадь, покушающаяся на капусту. В моём кабинете висит картина в духе Эдварда Хоппера. Она не вписывается в провинциальный интерьер, но мне нравится. Есть в ней нужная лаконичность и тоска. В кабинете установлена стереосистема, и туда же выходит задняя часть камина – по сути, такой же камин, только поменьше. Рядом с ним стоит модернистское кресло и торшер. Почти во всю стену, от входа в кабинет до окна, – шкаф с книгами, которые принадлежат в основном Джейн и больше не помещаются в её крошечной квартире.

На второй этаж из прихожей ведёт винтовая лестница с узкими дубовыми ступенями. По ней мы поднимаемся только в ванную, поэтому теснота лестницы нас не сильно тревожит. Под этой лестницей есть ещё одна – в подвал. Там находятся бойлерная и импровизированный винный погреб, в котором пока что стоят одни ящики с пивом. Вино в этом доме выпивают сразу, как только видят.

Дуб, который мешал Джейн сфотографировать меня, растёт у самого входа. Он заставил меня переехать из спальни на втором этаже в гостевую на первом: ночью по крыше барабанят

жёлуди. Причём дробь эта слышна круглый год, будто крыша уже сама по себе запомнила этот звук, привыкла к нему и записала, словно на плёнку.

Кое-где по периметру двора мы посадили вязы, привезли их из питомника. От прежних жильцов остались кусты роз – настолько старые, что существуют уже сами по себе, – а также заросшие клумбы неясных очертаний и содержания.

От дороги нас отделяет небольшой хлипкий забор и поредевшая живая изгородь, которая служит скорее для поддержания этого забора. Машину ставлю во дворе, но, наверное, стоит смастерить навес, как у соседей: с ёлок постоянно падает жёлтая липкая пыльца.

Из окна кухни видны четыре свежие грядки. Джейн решила, что иметь землю, пусть даже такой небольшой участок, и совсем ничего не выращивать – хамство. Пока на грядках ничего нет, кроме пары торчащих палок.

К слову, Джейн, женщина, которая всё это придумала и вместе со мной создавала, в конце концов сообщила, что жить тут не собирается. Сделала она всё это для того, чтобы иметь, как она выразилась, возможность приезжать сюда в отпуск и не превращать пребывание здесь в повседневность. Жить она будет, как и прежде, в своей маленькой квартирке в Шпангене, в районе с иностранцами и иммигрантами, а мой дом для неё – склад книг, одежды и временное пристанище. Последнее я, конечно, додумал сам.

Зато у меня есть Каризма. Когда мне странно от дивана, картин или штор, я представляю, что всё это принадлежит ему. Нравственные установки не отягощают его быт. Его решение о том, где он будет спать, зависит лишь от расположения согретого солнцем участка ковра.

5. «Новая верность»

Рано утром раздался телефонный звонок. Я аккуратно выполз из-под одеяла, стараясь не разбудить Джейн, и по прохладному полу отправился в прихожую, где стоит телефон.

– Добрый день, я из газеты «Новая верность». Хотел бы задать пару вопросов о вчерашнем инциденте.

– Что за «Новая верность»? И сейчас семь утра.

– Что? Да, я знаю. Так вы можете ответить на вопросы?

– Вы говорите «добрый день», а сейчас раннее утро. Какие вопросы?!

– Наш корреспондент случайно стал свидетелем происшедшего. Я про вашу невесту, которая разрисовала стену вашего дома. Что означает написанное? В каких вы отношениях? Почему она так себя вела?

– Подождите, это не моя невеста! Я знаю не более того, что видел ваш корреспондент.

– Хотелось бы получить больше комментариев.

– Я не знаю эту девушку, сейчас с ней разбирается полиция. Прощайте!

Я бросил трубку и пошёл обратно в спальню, по дороге схватив Каризму под брюхо: он, как обычно, ошивался рядом и клячил еду. Ему придётся ещё часок подождать.

Как только я зашёл в спальню, раздался второй звонок. На этот раз из-за открытых дверей он звучал пронзительнее, и Джейн проснулась. Я быстро зашагал обратно.

– Да.

– Всё-таки скажите, как она нашла вас? Какие у неё претензии? В Блумендале не каждый день такое происходит. Это связано с вашей работой?

– Издеваетесь? Я вам всё сказал, хватит названивать!

– Но вы не ответили ни на один вопрос.

– Я ничего не знаю!

– Вы узнали в этой девушке одну из своих клиенток или это ваша бывшая подруга?

– Я же сказал – никаких сплетен для вашей «желтухи» у меня нет.

– Мы будем вынуждены самостоятельно провести расследование. Сейчас я даю вам шанс на это повлиять. Случившееся обеспокоило соседей и ваших клиентов, они имеют право знать, что происходит.

– Вы даёте мне шанс? А как насчёт шанса пойти на хрен?

Я снова бросил трубку.

Поняв, что со сном на сегодня покончено, пошёл на кухню кормить кота. Поставил кофейник на плиту, отправился в бойлерную: за ночь в доме стало прохладно – нужно растопить котёл. Пока я возился с дровами в подвале, наверху раздался третий звонок. Я всё кинул и в бешенстве, роняя тапки, побежал наверх.

– Вашу мать! Что вам ещё непонятно? Я не...

– Ренс. Это твоя сестра Корнелия. Тётя вчера умерла. Ты же помнишь её?

– О, Корнелия, привет, прости, мне тут назв...

– Во вторник похороны, она тебя вроде как любила. В детстве. Если хочешь... В общем, есть возможность прийти попрощаться. Я не настаиваю.

– Я... Хорошо, да, мы придём. Какое кладбище?

– «Уд-Эйк-ен-Дуйнен». В восемь.

– Договорились.

– И ещё кое-что. Она не очень-то справлялась с делами последнее время, так что накопились долги. Сами по себе они никуда не денутся, так что если ты, в память о ней, смог бы... ну, понимаешь.

– Хорошо. Да, я понимаю. – На самом деле я не понимаю.

– Есть ещё кое-что, расскажу при встрече. – Корнелия прервала связь, не дождавшись слов прощания.

Положив трубку, я недолго смотрел в одну точку на стене прямо над телефоном – на стебель цветка. В какой-то момент видимые очертания его потеряли былой смысл, я медленно и сонно вытер пальцами глаза, вздрогнул от холода и пошёл в гостиную.

Джейн уже встала и готовила завтрак на кухне. Каризма, сытый, валялся у неё в ногах и вытирал морду лапами.

– Кто это названивает всё утро?

– Те, кто не умеют принимать отказы.

– Много таких знаю, чего же они хотят от тебя?

– Слышала про газету «Новая верность»?

– Значит, есть и старая?

– Вот и я нет. Хотели наскрести материала для своих мерзких статей. Но я был непробиваем, и говнюк остался ни с чем.

– О, эти падальщики найдут чем поживиться, и ты узнаешь много нового о себе. Может, зря ты им ничего не сказал. Я говорю тебе это, так как имею опыт общения с так называемыми «обозревателями культурной жизни». Лучше что-то из себя вытащить, даже если не хочется, иначе они придумают своё – совершенно бездарное.

– Где же ты была всё это время?

– Где и положено – в твоей кровати.

– Ещё звонила Корнелия. Тётя умерла. Зовёт на похороны. Хочет каких-то денег.

Джейн в предвкушении борьбы с моими этическими терзаниями берёт кофе и усаживается за стол, закинув ногу на соседний стул. На ней безразмерный свитер на голое тело и нелепые вязаные носки, которые совершенно непонятно откуда взялись.

– Рассказывай. Вижу, всё непросто.

– Говорит, у тёти накопились долги и теперь они на ней, а я должен компенсировать. Она не сказала это прямо так, но понятно – она думает, что я в долгу перед тётей.

– Откуда эта глупость?

– Кажется, в детстве тётя любила меня больше Корнелии. Это в двух словах. Всё сложнее, но, видимо, сейчас она пытается спекулировать именно этим.

– Классика. Что будешь делать?

– Принесу немного и дам понять, что меня это не волнует. Как я вообще узнаю, что история про долги не выдумка и это именно долги тёти, а не самой Корнелии? Не хочу в этом разбираться. И есть ещё что-то, о чём она намерена рассказать при встрече. Я заинтригован, так что придётся идти. Пойдёшь со мной?

– О да, обожаю похороны! Люблю их даже больше свадеб. Всегда интересно наблюдать за фальшивыми эмоциями. К тому же надо выгулять некоторые чёрные вещицы. Ты в чём пойдёшь? Будем, как в кино, в одинаковых очках и плащах?

– Не уверен, что формат подразумевает возможность щегольнуть, ты же знаешь моих родственников. Да и не люблю дразнить людей.

– Как хочешь, а я приоденусь. Такой повод нечасто бывает. Вдруг рядом будут другие похороны и на них люди будут одеты модно, а я не пойми в чём. Сам понимаешь.

– Не переборщи. Полагаю, будет нервная обстановка.

– Я питаюсь любой энергией.

* * *

В детстве мама отвозила меня на Юг, к тёте. На всё лето. Ездить туда на меньшее время смысла не было. В городе, кроме Рика, я никому не был нужен, а дорога до дома тёти зани-

мала два дня. Долгий путь на поездах и автобусах. Мать привозила меня, оставалась на неделю и уезжала.

Я был предоставлен самому себе. За каникулы успевал покрыться загаром и заметно одичать: на языке местных я не говорил, а природа вербального контакта не требовала. Я наблюдал за окружающими, вёл дневники поведения разных персонажей, живущих неподалёку, дружил с крупным рогатым скотом, кошками и избегал встреч с гусями, ездил на велосипеде на море ковырять палкой песок, находил и отбирал коряги и прочий природный мусор, появившийся из воды. Из нормальных детских занятий я любил строить шалаши и оставлял пометки на крупных камнях и деревьях – для составления карты. Я старался не пересекаться с другими детьми, так как немного опасался их. Казалось, у них тут что-то вроде детской мафии, а, как известно, с мафией шутки плохи.

Совсем избежать общения не получилось, и однажды, когда я болтался на заброшенном футбольном поле с мячом, группа из пяти мальчишек и двух девчонок всё-таки прилипла ко мне. Их, наверное, заинтересовала моя экзотическая внешность, но что более вероятно – новый футбольный мяч. До появления ребят я играл сам с собой, пиная мяч об стену. Наконец мнегодились мои домашние тренировки, и даже языковой барьер не сильно мешал нам проводить время. Мы починили развалившиеся ворота, выкорчевали кое-где проросшие кусты и стали часто приходить на это поле.

Всё было хорошо до момента, пока одна из девчонок не увидела мой дневник и не узнала в примитивном портрете на полях свою мать. Далее последовал странный разговор дома с тётей и мамой этой девочки. Сложно было понять, за что именно меня ругают, но, кажется, нужно было устыдиться рисунков. Долго выясняли, что же написано в дневнике, но тётя меня не сдавала – говорила, что это стихи и, вероятно, все эти люди мне нравились. Ход оказался неочевидным, и это сыграло дурную роль в моём общении с ребятами: их ужимки говорили о том, что испытывать любую симпатию к людям – позорно. Мне было сложно объяснить написанное в дневнике. И дело не только в языковом барьере, но и вообще – сложно объяснить это даже самому себе.

С тех пор я понял одно – любое внимание к эмоциям людей будет воспринято как попытка разоблачения, выявления слабости. Будто до момента написания об этом на бумаге или фиксации в виде портрета люди скрыты от меня за матовым стеклом, а чернила, как вода, делают это стекло прозрачным. Если ты обладаешь недовольной рожей, никто об этом не узнает, пока маленький мальчик не сделает лёгкий набросок этой самой рожи. Недовольных рож вокруг много. Но интересны они не столько своим недовольством, сколько тем, как реагируют на разные события. В чём отличие их реакции от реакции людей вполне довольных?

Технически мой дневник был устроен так. Вначале я описывал явление, например кота, который любил ходить по всем соседям и выпрашивать еду. Это был общий кот, знали его под кличкой Зора. Потом я писал про людей, которые взаимодействовали с этим котом – кормили, прогоняли или только гладили. Кто-то был нейтрален – выставлял блюдца на пути следования Зора, не общался с ним и принимал это как устоявшийся порядок. Кто-то был эмоционален – разговаривал с котом, гладил, но не кормил. Но были и такие, кто постоянно гонял кота, матерился, однако при внимательном наблюдении выяснялось – они пускают кота не просто за забор, а иногда к себе в дом, где кормят его тем, что едят сами, иногда вычёсывают колтуны с зада и дёргают клещей. Такие люди интересовали меня больше всего. Я понимал, что их поведение определяется собственными представлениями о справедливости и равновесии, согласно которым эти люди пытаются выстроить жизнь вокруг себя и которые в данном случае распространяют на кота Зора: ты получаешь все доступные блага, но не забывай, что мир жесток. Такие люди уверены, что испытать жестокость и страдания – необходимый этап, пройдя который ты сможешь чуточку приблизиться к счастью, и грош цена благам, полученным иным путём. Конечно же, свою доброту эти люди всячески скрывали, и не дай бог, чтобы

кто-то раскусил их, нашёл мягкое место – сразу там будет торчать стрела с ядом. Тем не менее многие, в основном старые, люди, за которыми я вёл слежку, не казались счастливыми в конечном итоге, а итог их близился. Будто они так сильно увлеклись процессом инвестирования в страдания, что уже не могли выйти из сделки и обналечить прибыль. В детстве я, конечно, не мог подобрать подобные метафоры, так что ограничивался простым непониманием.

Мне сложно было найти собеседника и выяснить, так ли на самом деле несчастны эти люди, и вообще, обсудить вопрос счастья, понять, есть ли другие варианты человеческого существования, кроме обмена страданий одного вида на страдания другого. Я понимал, что разговоры со взрослыми так или иначе приведут к попытке указать мне на моё место, праздное времяпрепровождение и, наконец, к вечному аргументу, что я не дорос до подобных рассуждений. Сверстники не дотягивали до моего уровня, старость для них была чем-то несбыточным, обсуждать это никому не хотелось.

Мы с тётёй жили в доме вдвоём, иногда приезжала Корнелия, и это было странно, ведь она родная дочь тёти. Как выяснилось позже, она предпочитала проводить лето с бабушкой. Иногда Корнелия приезжала с отцом, и я был свидетелем их эмоционально бедных отношений.

Отец Корнелии, дядя Марк, занимал меня всякими делами, которыми, как ему казалось, должны заниматься дети в моём возрасте и чего я недополучаю по причине отсутствия рядом отца. Так, мы оборудовали небольшую столярную мастерскую в опустевшей кладовке и делали разные мелкие изделия. Он купил инструменты, учил меня настраивать рубанок и огромную лучковую пилу, точить стамески и ножи. Пилой мы распиливали небольшие яблоневые брёвна, учились делать соединения, и получались скамейки и табуреты, подставки под цветы и прочая ерунда. Такая нехитрая практика помогла мне понять одну вещь – ничего и никогда ты не сможешь сделать в этой жизни так, как запланировал, и придётся радоваться любому, даже далёкому от идеала, результату, а значит, придумывать иные смыслы, помимо прикладных и очевидных. У меня не было высоких требований, но самая первая реакция на процесс заключалась в том, что вложенные тобой силы никогда не окупятся результатом, если под результатом ты имеешь в виду объект труда. Важен не путь, не цель, а какой-то ореол вокруг всего этого. И интенсивность этого ореола задаётся тобой самим. Эта идея обосновалась в голове так прочно, что в дальнейшем я масштабировал её на многие процессы в жизни, в том числе на разработку и реализацию проекта ERA.

С этим багажом я возвращался с Юга домой и пытался использовать его в жизни, но получалось не всегда. Многие вещи требовали, так сказать, прямого целеполагания. Опыт летних наблюдений помог разобраться с перспективами на дальнейшее обучение. Настоящие серьёзные технические науки с моим подходом казались не по зубам. Вообще, всего, что имело только одно решение и требовало предельной точности, я старался избегать. С одной стороны, это слишком сложно, а с другой – совершенно непонятно, зачем решать задачи, которые заведомо имеют только одно решение, и кто-то умный с этим уже разобрался. Наверное, меня не впечатляли дамбы и прочие вопросы контроля водной стихии. В общем, я всегда был близок к науке, но никогда не принимал в ней непосредственного участия из-за страха неисправимой ошибки. Как оказалось, допуск к ошибкам и их цена от точности наук не зависят.

* * *

Разобравшись с планами насчёт похорон и наглых репортёров, мы с Джейн провели воскресенье дома, а утром в понедельник отправились в центр: я – на работу в офис, а она – на встречу с художниками по поводу новой выставки, что-то про Ренессанс и Африку. По дороге она попросила остановиться у аптеки, а я ради интереса решил зайти посмотреть, как представлена наша продукция. Сам того не ожидая, я запустил процесс по распутыванию клубка с загадочными сумасшедшими, вести о которых стали поступать всё чаще.

На прилавке рядом с кассой я увидел каталог ERA. Каталог предназначался для внутреннего использования, но лежал он не со стороны кассира, а снаружи – так, что любой желающий мог его пролистать. Фармацевтам надоело отвечать на вопросы о том, какие бывают разновидности ERA, и участились случаи, когда люди приходят и не знают, какой именно номер препарата им нужен. Кассиры не хотят брать на себя ответственность – пусть покупатели сами выбирают подходящий вариант. Каталог весьма невзрачен, без логотипов и красивых картинок, всё напечатано на простой бумаге, единым шрифтом, что-то обведено ручкой, некоторые страницы загнуты и заляпаны. Меня это возмутило, я даже не знаю, что больше – факт такого нарушения логики продажи или подрыв образа нашего предприятия убогими мятыми каталогами, которые по сути и не каталоги вовсе. Прежде чем устраивать скандал, я решил разобраться на совещании: вдруг у партнёров иной взгляд на проблему.

Многие препараты сгенерированы на основе наших с Брайаном старых исследований и потребностей клиентов, но нужно придумывать новые, а для этого изучать рынок – просматривать опросы, письма тех, кто не смог найти подходящую разновидность ERA. Мне нравится их читать – представлять жизнь людей. Я открыл для себя много способов делать нечто осознанно, но при этом совершенно бессмысленно. Жениться, рожать детей, учить языки, учиться играть на инструментах и заниматься всякой ерундой, которая лично у меня требовала бы устойчивой мотивации. Пассивное наблюдение за клиентами напоминает работу в «Синераме»: я тогда тоже не понимал, зачем ходить на комедии и не смеяться. В мои рабочие обязанности также входит просматривать еженедельные отчёты по тестам препаратов и различным исследованиям, обсуждение с Брайаном новых идей и изучение конкурентной продукции.

Конкурентной продукция является весьма условно. Нашими реальными конкурентами считаются производители антидепрессантов и транквилизаторов, но они об этом не знают и стоят на другой полке. Формальные конкуренты – производители витаминов и пищевых добавок. Главное наше преимущество именно в том, что мы никогда не говорим, будто избавляем от депрессии или что-то в таком духе. Второе преимущество – акцент препарата на цели, это играет важную роль в маркетинге и в допуске к продаже в виде добавок, поскольку в Совете по оценке лекарственных средств никто не воспринимает наш препарат как серьёзное вещество, всё выглядит как «шампунь для ломких волос» или типа того. Название соответствующее – Enrich Recollection Additive, или просто ERA, №1, 2 и так далее до 150. Под номерами – различные потребности, объединённые в группы, например: «Отношения», «Творчество» и прочее. Вопросы согласования и разрешения были для меня скучны, поэтому я находился в приятном неведении о том, как мои партнёры с ними справляются, и никаких вопросов относительно состава препарата ни у кого не было.

Если быть честным, до определённого момента я считал, что изобретённое Брайаном вещество, позволившее сделать ERA серийным продуктом, – по большей части пустышка, а наша основная задача – поддерживать интерес к продукции, делать упор на психологии и правильной подаче, показывать результат на рынке. Потом я понял, что полностью плацебо это назвать нельзя, ноотропом или витаминным комплексом – возможно. При таком раскладе совесть всех участников компании совершенно чиста. Для творческих амбиций и серьёзного «обогащения воспоминаний» у нас оставались камерные исследования и клиенты, которые постепенно иссякали. Формально они клиентами не были и числились как подопытные добровольцы. Никого не смущало, что иногда стоимость автомобиля «добровольца» соразмерна стоимости всех автомобилей на парковке и почему-то они приезжают из других городов и даже стран.

Придя в офис, я прошу Надю собрать партнёров в переговорной через двадцать минут.

– Приветствую! – начинаю я совещание. – По дороге сюда я заехал в аптеку и увидел странную вещь. Наши технические каталоги лежат в общем доступе и выглядят весьма дерьмово. Думается, это некоторым образом противоречит нашим принципам. Что скажете?

– Мы как раз делаем новый каталог! – бодро реагирует Марк, первый партнёр компании, отвечающий за операционные вопросы и, в качестве хобби, за творческие процессы.

– Быстрые вы.

– А какие у нас принципы? – спрашивает Адриан ван Гилс, второй партнёр, занимающийся продажами и логистикой. С творчеством у него плохо и, несмотря на формальное предводительство отделом маркетинга, функции позиционирования товара на полке часто берём на себя мы с Марком. Адриан задаёт много вопросов, пытаясь растрясать и обесценить суть конфликта, чем всех раздражает, но бывает весьма полезен в ситуациях, когда нравственная и эмоциональная чёткость играет на руку. Как оказалось, в этом бизнесе таких ситуаций полно.

– Для начала, не продавать товар тем, кто не знает, зачем он нужен.

– Откроет каталог и узнает. Это иногда и так работает. Разве нет?

– Если человек приходит с конкретной потребностью, ему не нужен каталог, он лишь говорит кассиру, что именно ему нужно. Ты же знаешь, что у тебя болит, до того, как придёшь в аптеку?

– То, что ему нужно, может не совпадать с формулировкой на этикетке.

– Настолько сильно, что требуется каталог?

– Представь себе.

– Не могу представить.

– У нас десять подгрупп, и в каждой пятнадцать наименований – как обычный человек может запомнить всё это?

– Зачем запоминать, если у тебя всего одна потребность?

– Во-первых, может быть не одна.

– Короче, Адриан хочет сказать, что есть проблема формулировки, – подаёт голос Марк, до этого лишь наблюдавший за перепалкой. – Цели клиентов настолько усложнились, что и правда можно запутаться. Например, «радость путешествия», «радость совместного отдыха» или «отпуск с любимой». Что, если человек поехал в совместное путешествие с любимой и там отдохнул, а потом любимая перестала быть любимой или он там нашёл новую любимую? И вообще, может, хватит друг друга раздражать? Я вижу, вы это специально делаете.

Сказав это, он обильно отпивает газировки и, сдвинув очки вниз по переносице, устало чешет между глаз, словно совещание идёт не пять минут, а девяносто пять. Совещания на нетворческие темы утомляют не только его.

– И помогут каталоги? – продолжаю я. – Человек, увидев наименования, сразу поймёт, что именно ему нужно? Я вот решил провести эксперимент. Спросил у кассира, что мне больше подойдёт. И знаете, что он ответил? Что под мою потребность подойдёт пара вариантов и можно попробовать сначала это, а потом вот это, – я ткнул в две точки на столе. Конечно, эту историю я придумал сейчас. Хотя у меня были мысли сделать подобное в аптеке, но, честно говоря, я не осмелился. Какая разница, – ответа у моих коллег всё равно не было.

– Что в этом страшного? – реагирует Адриан. – Вся ответственность на клиенте, там об этом написано. Откроет каталог, поймёт, что ему ближе, и купит. Люди постоянно покупают всякую херню в аптеках наугад, и ничего.

– Не знаю, парни, по-моему, это какая-то хрень.

– Предложения?

– Спрятать каталоги от покупателей и не обслуживать тех, кто не знает, что ему нужно.

– Тогда упадут продажи и аптеки перестанут представлять ERA должным образом. И ещё – нам нужно равномерно продавать всю продукцию, а не только «воспитание детей» и «долгий брак». Для чего-то же мы придумали остальные сто сорок восемь разновидностей.

– Если часть нашего плана по маркетингу заключается в том, чтобы продавать не просто добавку, а специализированную добавку, – надо работать именно над этим. Нужно как-то пере-

смотреть формулировки, провести обучающий курс для фармацевтов, может, разбить препараты на большее количество групп. Очевидно ведь – нужно сделать всё понятнее, но не давать клиенту самому выбирать. Я что, один это понимаю?

– Видимо, да. – Адриан любит цепляться за слова. Он почему-то считает, что это хороший инструмент в споре, но это выдаёт его плохую осведомлённость в теме.

– Тогда вам надо лучше изучить продукт, господи.

– Остынь. Мы, кстати, сделали пробную печать. – Марк Офнер для сглаживания конфликта решает прибегнуть к схеме «двигается – значит, живое», когда любая суэта должна дать хоть какой-то результат.

– Меня вообще кто-нибудь слышит?

– Мы же не можем оставить то, что есть, ты сам сказал. И ты всегда просил не беспокоить тебя в процессе предварительной разработки. Вот готовые варианты, пусть это будет временная мера, пока мы подумаем над твоим предложением. За два дня всего не сделать.

– Вы не понимаете? Люди могут принимать не то, что им нужно, это опасно, это может быть причиной побочных эффектов.

– Но ведь каталоги как раз для того, чтобы клиенты знали, что им покупать, разве это не логично? И кажется, тесты ни разу не выявили никакой опасности – о чём ты? Ты же сам их смотришь. Мы продаём пищевые добавки – что может случиться, понос? – Пошлые ассоциации, принижающие значимость обсуждаемого, – ещё один мерзкий приёмчик ван Гилса.

– Мой продукт у меня с говном не ассоциируется. Я свою логику объяснил минуту назад.

– В общем, если у тебя нет других доводов, предлагаю голосовать.

– За что голосовать?

– За новый каталог, я за.

– Против.

– За.

– Что ж, люблю короткие совещания. Всем продуктивного дня. – Ещё пара минут нахождения тут может привести к драке, лучше закончить, решаю я.

– Давай дождёмся, сейчас принесут из печати образцы, там красиво, тебе понравится, – успокаивает меня Марк.

– А если некрасиво, то что? Короче, у Нади на столе оставьте. С ней же можете и «красоту» обсудить, она уж поболее меня разбирается.

– Ещё надо обсудить слоган.

– У нас же есть слоган и все эти довольные собаки, – я показываю на нелепые плакаты на стенах.

– Да, но нам нужна адаптация под экспорт.

– Ещё и экспорт. Давайте в следующий раз.

Контроль над ситуацией я потерял давно. Не потерял, а скорее отпустил. Я понял, что мне это неинтересно и всегда приходится выбирать из плохих вариантов. Произошло это ровно в тот момент, когда в моей жизни появились бизнес-партнёры и офис на одиннадцатом этаже. Мне нечего им возразить, они бизнесмены, они придумали продавать продукт серийно, безлично, всем желающим, и это принесло деньги на новые исследования, безграничный доступ к материалам и удовлетворение любых потребностей Брайана. А мне – только деньги. Но был нарушен идеальный цикл, в котором клиент приходил к тебе и уходил довольный. Теперь кто-то приходит в аптеку, покупает нечто безвкусное и уходит в никуда. Конечно, нам постоянно шлют письма довольные новым продуктом, но всё это не то – это уже не мой проект, я не знаю этих людей в том смысле, в котором знал раньше.

Ещё я безоговорочно доверяю Брайану. После всего, что мы прошли, я не могу ему не доверять. Мы с ним прекрасно понимали, насколько люди в кабинетах не важны и нужно

делать нечто по-настоящему интересное, несмотря ни на что, и выстроили соответствующие взаимоотношения. Никакие каталоги и голосования не должны были пошатнуть это.

6. Метод Джейн №1

Мы припарковали машину на площадке перед кладбищем, встретились с мамой. Перед погребением она с родственниками посетила церковь. Нас не позвали. Мама, словно детям, раздала нам букеты гвоздик, несмотря на то что мы догадались приобрести парочку. Она молча взяла меня под руку, и мы отправились дальше.

Не могу есть так рано, меня подташнивает. Выкурил пару сигарет, и теперь подташнивает ещё сильнее. Я стараюсь дышать глубже, спасаюсь воздухом кладбищенских хвойных деревьев. Думаю исключительно о том, где спрятаться в случае чего. Почему-то любые походы обязательно проходят рано утром в самый промозглый день. Эти не исключение – отвратительная погода, отвратительное настроение, особенно в ожидании разговора с Корнелией. Она из тех, с кем общение на совершенно любую тему закончится испорченным настроением. Любую новость и досужий разговор она свернёт в тупик: всё плохо, жизнь – разочарование, нет ни надежд, ни перспектив, все мы жалкие пешки в игре, в которой невозможно выиграть. Живы, кстати, лишь потому, что Бог дал нам шанс и немного времени на то, чтобы переосмыслить своё жалкое существование. Но не все люди понимают это, и, как ни странно, не понимают в основном богатые и успешные – именно от них исходят все беды, хаос и грех. Идея не нова. В концепцию прекрасно вписывается перераспределение благ и горестей – страдания нужно забрать у страдающих и поделить на всех поровну, про блага я вообще молчу. В целом её просьба насчёт денег не была неожиданностью.

Я держал в кармане небольшую сумму и искал глазами Корнелию, чтобы отделаться от неё, выслушать мрачные суждения, отдать деньги и затеряться в толпе. Я шёл и подбирал слова сожаления и утраты, такие, после которых непросто продолжить диалог и завести его в тупик.

Людей не прибавилось, тётя за последние годы растеряла всех друзей, и остались немногие – те, кто готов был терпеть её паранойю и замкнутость. Остальных, по рассказам мамы, распугала Корнелия – скандалами, упрёками и подозрениями, а также унаследованной от тётки паранойей. Замкнутой Корнелия не была, всегда находила, в кого разрядить обоим своих безрадостных умозаключений. И вот я разглядел её в компании нескольких женщин и полноватого мужчины в очках, наверное её мужа. Увидев нас, она будто вздрогнула и сделала несколько шагов навстречу, целясь глазами в меня. Она явно настроена решительно, бодро, и, кажется, формат мероприятия её не смущает. С пищеварением у неё, очевидно, тоже всё в порядке. Джейн с мамой, заметив опасность, предательски отстранились.

– Я тогда по телефону не хотела тебе это всё говорить, у меня, знаешь ли, дома дети, и я не хотела, чтобы они узнали, какой у них дядя...

– Корн...

– Так вот, я хочу у тебя спросить: как тебе вообще в голову пришло сказать такую дикость? Почему я должна выслушивать от своих друзей, что мой братец, видите ли, высказывается против Бога на какой-то вонючей подпольной радиостанции? Что бы сказала тётя, услышав такое? Мне даже стыдно говорить это сейчас!

– И тебе привет. – Я немного опешил от напора и только ближе к концу фразы понял, о чём речь. К слову, с её детьми я незнаком, так что можно не беспокоиться о репутации. – Я сюда не ругаться пришёл. – Беру букет в обе руки, чтобы создать барьер между нами. Ненавижу истерики – сразу захотелось оттолкнуть Корнелию подальше и вдогонку кинуть букет, но я взглянул на маму – она явно ждёт, что я буду добр к сестре.

– Значит, тоже слушала интервью?

– За кого ты меня держишь? У меня есть работа и семья, в отличие от наркоманов, которых ты травишь. – Она старается говорить шёпотом, но фактически беззвучно кричит, придавливая связки, выдыхая больше воздуха, отчего кажется ещё более омерзительной.

– Так откуда ты узнала, что я что-то говорил?

– Узнала и узнала, – люди рассказали. Главное не то, откуда я узнала, а то, что ты мог хотя бы... Раз ты не принимал никакого участия в... В общем, мог хотя бы не позорить нашу семью там, не говорить такие вещи.

Корнелия запыхалась. Закончилась энергия, и я выиграл по очкам. Она сложила руки на груди, и я понял, что сейчас самое время отделаться от этого и занять своё место у края раскопанной ямы. Я глубоко вздохнул, отвёл глаза в сторону и изобразил виноватого студента. Студента, который готов выслушать любые обвинения, лишь бы его поскорее отпустили. Она сунула руки в карманы, подняла голову подбородком вперёд, явно чего-то ожидая.

– Тем не менее я... соболезнаю. Вот цветы.

– На могилу положишь, мне не надо, я живая ещё. – Перед этими словами руки Корнелии всё-таки рефлекторно вынырнули из карманов и, не удостоенные ничем, просто повисли.

– Ну да, точно... – Я опускаю букет и оглядываюсь в надежде, что Джейн и мама спасут меня, но они скрылись.

Корнелия не уходит, и воцаряется дурацкая пауза. Наглость и бытовое хамство всегда были её верными спутниками.

В целом вид у неё, как обычно, хмурый, тревожный и болезненный. Не самая дешёвая, но совершенно безвкусная одежда с перекосом в показную скромность. Неопрятность подчёркивают слипшиеся ресницы и застиранные манжеты. Одета совершенно повседневно, без учёта тематики мероприятия, что выдаёт в ней крайнюю скупость и нездоровый расчёт. Без конца теревит кожаный ремешок старых дешёвых часов. Обратив внимание на этот нервный жест, я замечаю также сколы лака на ногтях. Зачем вообще в таком случае их красить?

Корнелия всегда была такой, но в детстве это не имело значения, в детстве мы все были глупыми и неопрятными. Но потом выросли, а она не изменилась. Мы с ней одного возраста, но она выглядит старше или во всяком случае старше многих женщин её возраста. Видимо, это связано с перманентными микродозами бессмысленного стресса и драмы, без которых краски её жизни тускнеют, и вместе с тем они, словно наркотики для наркомана, истощают организм. Так она стала для меня образцом того, что нужно избегать в жизни. Избегать даже не застиранных манжет (мне приходилось иметь дело с людьми более странного вида, например с Брайаном) – я старался избегать побудившего конкретно Корнелию так забросить себя, иметь эти суждения, интересы, привычки и повадки. Джейн говорила, что использовать слово «повадки» в отношении людей неприлично, якобы эта характеристика применима лишь к животным. Но как ещё это назвать? Есть привычки – это то, что можно осознать, заметить в себе, исправить или отказаться исправлять. А повадки – это что-то между привычками, возникающее само по себе, привычки, поделённые на физиологию. Например, курение – это привычка, а то, как опускается твоя рука после каждой затяжки, или то, как разлипают губы при испускании дыма, – это повадки. Она же умудрилась испортить в себе всё.

Со временем страх быть похожим на Корнелию ослабел и я понял, что далёк от подобия с ней и, даже если прямо завтра у меня поедет крыша, я всё потеряю и от меня все отвернутся, я всё равно не стану таким, как она. Ненависть к Корнелии может показаться необоснованной, потому что вокруг много людей, действительно достойных ненависти, – злых и опасных. Но именно таких особ, как Корнелия, я всегда считал по-настоящему вредоносными и отравляющими. Возможно, дело в том, что преступники и негодяи имеют цель, движение и направление, они живут. Корнелия же стоит на месте, вросшая в землю, и периодически отлавливает проходящих мимо. Именно это я чувствую сейчас – меня поймали и пытаются превратить в жижу без цели и жизни. Максимум, на что меня хватает при редком общении с Корнелией, –

формальная вежливость, отдающая снисходительностью. Это всегда заставляло думать, что я поддаюсь на её игру. Ведь именно этого она и ждёт – все вокруг должны быть несчастны и злы.

Я нащупал в глубоком кармане плаща конверт с пачкой новеньких сотенных купюр. Это помогло завершить затянувшийся диалог.

– Тут десять тысяч. Ты говорила, есть ещё что-то.

– Да, вот визитка юриста. Поезжай сегодня, это важно. Они серьёзные люди.

У Корнелии есть ещё одна неприятная особенность – все её сценарии взаимодействия с окружающими заранее разбиты на сценки, заготовки. По всей видимости, это связано с нехваткой контроля, уважения или любви. В этих сценках она считает необходимым указать тебе на твоё место, научить. И вот она ждала моего конверта и только после вручила визитку. Мне удалось прочувствовать этот момент – как она натирает в кармане эту несчастную бумажку, сминая её в ожидании отработки сценария, команды. Есть в этих сценках нечто садистское, будто она дрессирует всех вокруг, будто в кармане не визитка, а кусочек сыра, и всё, что требуется, – встать на задние лапы. Ждать она может бесконечно, всякое смущение или смятение ей чуждо, да и уважения к чужому времени она не имеет.

– Что за юрист?

– Дом. Она решила оставить его тебе. Конечно же. Да и я сразу ей сказала, что мне он не нужен, тут нечего делить. – Корнелия отвернула голову и говорила всё это кому-то справа, часто поправляла шляпу и периодически нервно щурилась глаза, будто что-то вспоминая.

– Что ж...

– Не знаю, попробуй продать его хоть за сколько-то. Я этим заниматься не хочу, у меня нет времени, да и что там за деньги – сушая мелочь. Там и при ней-то жить невозможно было. Но что поделать, теперь это твоя забота, давай быстрее разделаемся с этим.

После этих слов она повернулась и ушла.

Я не понял, что она имела в виду под «разделаемся с этим», но, видимо, это намёк на то, что деньги от продажи дома нужно отдать в фонд пресловутого тёткиного долга. Мысль эта потом затерялась в моей памяти, наверное, по причине того, что не была ничем подтверждена и этот дом пока казался фантазией. Мифом, который не удавалось поместить в существующий контекст.

Мероприятие, как всегда, затянулось. Мне повезло: до меня очередь произнесения формальной речи так и не дошла. Я стоял и смотрел на гроб. Не на тётю, а на сам гроб – уродливый ящик с прибитыми степлером украшениями, которые должны были скрыть дешёвизну сырого соснового короба, сколоченного на скорую руку. Дешёвый, – очевидно, этим занималась Корнелия. А что толку, будь он дорогой? Гроб – это даже не мебель. Кто им пользуется? Мертвец? Из чего гроб должен быть сделан? Его даже нельзя считать упаковкой: упаковка служит для сохранения содержимого, а тут, наоборот, чем быстрее сгниёт, тем лучше. Зачем тогда все эти украшения и имитация? А главное, имитация чего? Что является прототипом, оригиналом? Дешёвый гроб – это имитация дорогого гроба, но дорогой гроб – это тоже имитация? Как выглядит идеальный гроб? Человек должен лежать в чём-то в могиле и какое-то время до неё. Тело имеет форму и массу, его неудобно таскать как мешок, его надо положить в коробку. Но откуда взялся этот образ горизонтального платяного шкафа из красного дерева? Всеми виной египтяне? Какая-то компиляция мебельных мотивов, грубо очерчивающих форму человеческого тела, вдобавок с хромированной фурнитурой, как в междугороднем поезде. Предположу, что гроб должен красиво смотреться в церкви, соответствовать деталям интерьера – блестящим подсвечникам, лавочкам с похожими, натёртыми до блеска ручками, а ткань внутри должна сочетаться с одеждами святых отцов и прочими тряпками. Всё вместе – некая театральная постановка. Ну оставляли бы тогда всю эту красоту там – зачем в землю закапывать, пачкать? Можно переложить во что-то попроще или вывалить в яму. Хорошо,

не вывалить – аккуратно положить. Неудобно. Получается, гроб скорее транспортное средство? Вроде повозки, только без колёс и лошади...

Всё это никому не нужно, простая формальность.

Дешёвый гроб – это хороший срез жизни семьи Янсен, дань религиозной традиции. Нужно как-то утилизировать тело, убрать с глаз долой. Никто из присутствующих не хочет тут находиться, никто не любил тётю. Гроб с дешёвой тканью и рюшами. Похоронная служба рада угодить любому, особенно тому, кто считает, что предание земле всё равно лучше кремации. Даже такое пошлое. Помолиться фальшивым богам, испытать фальшивую скорбь, закопать человека в фальшивом гробу. Возможно ли иначе?

Находиться тут и думать об этом становится всё более омерзительно. Чёрт, почему не обычная большая картонная коробка? Как из-под обуви, – кажется, в таких хоронят мелких домашних животных. Я смотрю на тётю и понимаю – последние годы её жизни были именно как у больного домашнего животного. И вот её обувная коробка.

Затем происходит не менее унылое чаепитие с людьми, которых я не знаю, и каждый из них, кроме усталости, не испытывает ничего – ни потрясения, ни сострадания. Джейн иногда мне подмигивает, вытаскивает из этого болота. Она, как всегда, неприлично красива, о чём-то болтает с толстоватым мужчиной в очках. Наконец, по установленному мной самим этикету, я дожидаюсь первого ушедшего и через несколько минут тоже покидаю мероприятие, сославшись на то, что ещё нужно успеть к юристу. Оказавшись на свободе, с облегчением выкуриваю сигарету.

Я не соврал – мы сразу отправились к юристу, решил не оставлять это на потом. Я не ожидал, что встречу приятного человека, этот день вообще не предвещал ничего приятного до самого конца, и вот я вижу лысого худощавого господина.

– Здравствуйте, я от Корнелии Янсен, по поводу дома.

– Да, вы... Ренс Роланд, правильно? Да... Секунду.

Господин встаёт и подходит к шкафу, ковыряется в ящиках, достаёт пухлую синюю папку, возвращается к столу. Папку не открывает, кладёт рядом, затем достаёт из стола конверт.

– Даже и не знаю, не представляю, зачем вам такая лачуга, но наследство есть наследство, моё дело – сделать всё по закону, а вы уж сами решаете. Мой вам совет – поскорее продайте эту рухлядь. Знаете, цены в том регионе падают, ведь там периодически случаются землетрясения. Да и с политической обстановкой сложности. В общем, совершенно непривлекательное место. Я ведь так понимаю, у вас уже есть прекрасный дом?

– С чего вы взяли? – Меня интересует синяя папка, и я периодически на неё поглядываю. – Мало у кого сейчас есть дом. Это ведь такая редкость.

Юрист меня раздражает, он явно пытается копировать кого-то из кино, будто он с Уолл-стрит, не иначе. Надел синий полосатый костюм, который ему велик, а на комодке среди фотографий детей и жены фотография королевы, будто они друзья или родственники.

– Хах. Ну как вам сказать, вы теперь местная звезда, – нахально улыбается и взглядом указывает на свёрнутую газету. – Наша контора, знаете ли, многопрофильная, – коллеги могут вас проконсультировать по данной проблеме, понимаете, о чём я?

– Не совсем. – Я придвигаюсь ближе к газете, чтобы понять, о чём идёт речь.

Юрист, заметив интерес, раскрывает её и толкает ко мне. Там моя фотография у машины, моё лицо в смятении. Я не сразу понимаю, но потом вижу рядом фото девушки с размазанной тушью. Распознав ситуацию, я сразу откатываюсь на стуле назад.

– Давайте вернёмся к дому. – Я еле сдерживаю раздражение и уже прикидываю, как поеду в редакцию этой вонючей «Верности» и устрою там погром с поджогом.

– Как скажете, но если что – обращайтесь. Тут и клевета, и...

– Давайте продолжим с наследством, пожалуйста.

– Хорошо. Вот эти документы – её завещание. Мы всё сделали, заверили. Прочитайте и, если всё правильно, подпишите тут и тут.

– А эта папка, мне что-то нужно с ней сделать? – не выдерживаю я.

– Что? Нет, это сейчас не нужно. Извините. Ваше только вот это.

Каков говнюк. Что за идиотские игры. Я подписываю всё молча, беру документы и ухожу. Джейн улыбнулась, как только я вышел, растворив мой хмурый вид.

– Тебя можно поздравить?

– Пока разве только с тем, что я отделался от шайки кретинов.

– Надо отпраздновать. Сегодня у нас открытие выставки – приходи, тебе понравится.

– Что за выставка?

– Приходи и увидишь. А сейчас отвези меня домой – нужно принять ванну и отдохнуть от этих весельчаков.

Я не стал предлагать поехать ко мне, решил, что не хочу выслушивать очередную лекцию на тему эмансипации. Обычно мне это интересно. Не сама тема, а факт общения с Джейн, её полноценное мнение и принципы, исходя из которых она действительно живёт. Но увы, мой запас внимания истощён людьми намного глупее. Я отвёз Джейн и отправился домой.

Идея с ванной оказалась заразительна, и, покормив Каризму, я сразу пошёл наверх – хорошенько прогреться и смыть всю налетевшую за день дрянь.

Всегда приятно возвращаться в свою реальность. По дороге на второй этаж цепляю бутылку бурбона и тяжёлый стакан. Слова Джейн про празднование чего бы то ни было означали лишь то, что мне разрешено прийти на её праздник и побыть немного с ней. Так что я решаю отпраздновать на пару с Каризмой. Он, кстати, уже тут – пробрался вперёд меня и развалился на ковре. Надо было захватить два стакана.

Я погружаюсь в горячую воду, пена переваливается через края ванны и опадает, чувствую приятный зуд в скулах, сегодняшние события улетают в прошлое, не имеющее уже никакого смысла. Джейн, которая никогда не жила тут больше пары дней, тем не менее присутствует незримо в виде моих же собственных мыслей, которые приходят в голову, только когда я тут. В тепле и уюте. Один.

* * *

Откуда у Джейн этот навык? Люди, с которыми она без конца знакомится, – неужели все они ей интересны? Эксцентричные, безалаберные артисты, вечно беспокойные, обсуждающие вещи, которые и в голову не придут никому. Никому из кого? Кого я противопоставляю им? Уж точно не себя, ведь в моей голове периодически и не такая дребедень возникает. Может быть, я такой же? Как она вообще меня выбрала и так ли сильно я от них отличаюсь? А если нет, может ли она заменить меня на кого-то из них? Я прекрасно помню, как она подошла ко мне первая, тогда, в библиотеке. Что же я делал в библиотеке?

Я учился в университете на последних курсах и с Брайаном и Жаклин активно занимался проектами с её подростками, а также кое-какими собственными экспериментами. За пару недель до нашей очередной встречи я собрал целую кипу листов – различные наблюдения и комментарии, первые опыты с ЭЭГ и наши с Брайаном наивные наработки, попытки проникнуть в человеческий разум. И вот я решил разобраться с собранным материалом и пошёл в библиотеку: тихое место подходит идеально. Атмосфера тесной квартиры совершенно меня не воодушевляла, – вечная мамина суета и готовка, низкие потолки и жёлтые обои. Для своих занятий я выбрал библиотеку Академии художеств, так как до неё ближе от дома и само здание вдохновляло меня больше, чем нововозведённый корпус нашего университета. Но оказалось, в библиотеке нельзя сидеть просто так и нужно записаться и взять книгу, работать только с этой книгой и обозначить проект и предмет, над которым трудишься. Что ж, правила есть правила.

Я с умным видом прошёл вдоль рядов полок, пару раз остановившись, якобы моё внимание привлекла одна из книг. Но нет, это не она, не та, что я ищу. Сделал так пару раз, периодически поглядывая на библиотекаря. Казалось, ему нет до меня дела, но я продолжал свой театр. Через минуту я таки определился – выбрал тяжёлый альбом с чёрной суперобложкой, отметил и прошёл дальше в зал, подальше от входа. Для достоверности раскрыл альбом посередине, а сам приступил к своим делам – вытащил кипу бумажек, огляделся и начал в них рыться, а позже совсем обнаглел и достал небольшой калькулятор: данные требовали вычислений.

Примерно через полчаса позади раздался голос, мягкий, тихий, но чёткий. В этот же момент он стал естественной частью моего пространства, вырос из меня, как часть тела.

– Творчество Рублёва, конечно, сложно, но разве настолько, что требуется калькулятор?

– Эм, Рубл...? – Я повернулся в сторону голоса и остальную часть вопроса закончил мимикой. Положил руку на калькулятор и медленно потянул на себя в уверенности, что человек позади меня – библиотекарь. Какой-то другой библиотекарь, красивый и молодой.

– У тебя «Русское искусство XV – XVII веков». – Она аккуратно, одним пальцем закрыла альбом, придерживав второй рукой, и строго тыкнула пальцем в название. Затем отодвинула, дав понять, что мне эта книга больше не пригодится.

– Ну да.

– Над чем работаешь? – Она села рядом и немного придвинулась, аккуратно убрав ноги под стул, оперлась подбородком на руку и с интересом посмотрела на меня и на мои бумажки.

Я сразу заметил её забавные уши, но быстро отвёл взгляд – не каждый день девушки знакомятся со мной, и надо бы постараться не пялиться.

У прекрасной Джейн ещё не было ни галереи, ни художников, которыми она жонглировала, ни загадочных практик, но уже тогда она точно знала, что делала, и вот-вот я должен был стать частью её плана. Её уверенность немного пугала. И уверенность, и внезапное внимание ко мне.

– Это... – Я растерялся. – Своего рода дневник наблюдений. – Какая глупость, каких ещё наблюдений – я что, за птицами наблюдаю? Я пытался сосредоточиться. – Кое-какие данные... – Тоже звучало не очень. Я выпрямился и быстро проговорил: – Мы с другом изучаем поведенческие паттерны. Работаем над одним проектом.

Я подробно рассказал, чем занимались мы с Брайаном. У меня не было заготовленного описания, и я импровизировал. До этого момента, кроме нас с Брайаном, нашей деятельностью интересовалась только Жаклин, но иначе, для своих целей. Цели же этой девушки мне были неясны. Я чувствовал подвох. Помню, как машинально сгрёб бумажки в охапку, будто это последнее, что у меня есть.

– Я Джейн, – она протянула руку, но весьма необычно – ладонью вверх и так, будто она кормит меня, как птицу.

Обычно девушки подают руку ладонью вниз, в дань традиции, что мужчина должен поцеловать костяшку сверху. Жест Джейн явился призывом к чему-то обратному. От этого стало уютно и безопасно.захотелось стать маленьким, улечься в эту ладонь, свернувшись калачиком. Всё это захватило меня, и она заметила, что я отвлёкся, смотрю на руку, будто не понимаю, что от меня хотят. Спohватившись, я схватил её руку таким нелепым образом, что в самой ладони оказался только мой большой палец, а остальное – снизу. Кажется, в момент рукопожатия она считала всю нужную информацию, добавила в каталог, и мне оставалось лишь указать своё наименование для корешка.

– Ренс.

– Это Лоуренс или Флоренс? – Джейн игриво забарабанила пальцами по обложке с Рублёвым.

– Это просто Ренс. – Я, в свою очередь, раз десятый, наверное, разобрал и собрал шариковую ручку.

– Знаешь, просто Ренс, – Джейн заметила мои нервные манипуляции с ручкой и выразительно взяла её у меня, – тут можно оформить студенческий абонемент, и тебе не придётся беспокоить все эти бедные книги.

– Вообще-то, я не отсюда. Учусь в Политехническом. Но ваша библиотека мне нравится больше. Тут очень красиво. – Я виновато посмотрел на стол, а потом сделал нелепую попытку соорудить ей глазки. Она улыбнулась – в этом и была моя цель.

– Я наблюдала за тобой – ты весьма увлечён. – Она ухватила за край листочка и игриво потянула на себя, я рефлекторно придавил лист рукой, и это развеселило её. – Это интересно. Почти поверила, что ты не ради студенток сюда пожаловал.

– Но ты даже не знаешь, что это. – Я с деловым видом сложил развалившуюся кучку листков в ровную стопку.

– Ты же рассказал. Помогаете слепым видеть, а глухим слышать. Это интересно.

– Всё намного сложнее, – важно ответил я.

– Интересно то, что тебе интересно.

Когда Джейн говорила, то практически не отводила от меня глаз, даже на секунду, в сторону, чтобы вспомнить что-то или подумать, будто она знает все реплики и ответы наизусть или ещё хуже – у меня на лбу высвечиваются субтитры. Это казалось отчасти зловещим, мистическим, но затягивало, хотелось продолжать показывать ей эти субтитры, ведь только она может их прочесть. Её слова про увлечённость мне понравились, я ведь и вправду увлечён.

– Ты увлечён, и это прекрасно, значит, из этого родится нечто по-настоящему большое.

– Большое и полезное? Или только большое? – продолжил я наивно флиртовать.

– Не знаю, вдруг ты великий злодей. Куколка злодея.

– Как в «Джеймсе Бонде»? А это мой план по краже ядерных боеголовок?

– Почему нет?

Передо мной сидела девушка, называла меня куколкой, подала руку ладонью вверх, будто смотрела на меня не только сквозь одежду, но и сквозь кожу и гендерную оболочку. Все эти первичные сигналы чётко дали понять, как к ней относиться и дополнять её личность, пройдя мимо этапы утверждения половой принадлежности и борьбы за внимание. Ей подобная борьба казалась ужасной глупостью, и периодически она подшучивала над однокурсниками, бегающими друг за другом, «как голуби или кошки». Но возможно, дело не только в глупости этого процесса, но и в том, что Джейн будто хотела побыстрее разобраться с этим этапом жизни и перейти к следующему – взрослому, созидательному. Видимо, когда я попался ей, она уже точно знала, что делать. Эта мысль мне не очень нравилась, в ней моя роль носила формальный и сторонний характер. Я будто был материалом, средством. Разобраться с этим мне не удалось до сих пор.

Библиотечный флирт предсказуемо перешёл в прогулки и разговоры. Мы встречались, ходили в кино, я рассказывал про наши с Брайаном достижения, она рассказывала про мечту о галерее с лучшими художниками со всего мира. В общем всё вполне обычно.

* * *

Галерея Джейн располагается в недействующем кирпичном маяке девятнадцатого века, в пригороде, в местечке Хеллевуотслэйс, это примерно в сорока минутах езды из центра, но от дома пришлось добираться целых два часа. Весьма экстравагантный выбор для размещения арт-галереи, но, по словам Джейн, они не испытывают проблем с посещаемостью и к ним не заходит кто попало. Вторая причина – человек, добравшийся туда, проводит больше времени в галерее и в результате приобретает работы художников, в отличие от того, как если бы галерея находилась в центре города и каждый прохожий заглядывал бы мимоходом. Джейн – адепт «медленного движения», культуры замедления ритма жизни. Она считает, реше-

ние о приобретении произведения искусства невозможно принять в суете, даже если деньги вываливаются у тебя из карманов и для тебя покупка картины то же, что и покупка газеты в киоске.

Я наконец подъезжаю, мой автомобиль выделяется своей серостью на фоне остальных машин на парковке. В маяке три этажа, и на каждом горят жёлтым крошечные круглые оконца, утопленные в массивную стену. На первом этаже большие картины, пластика и инсталляции, на втором – мелкие предметы, те, которые возможно поднять по узкой винтовой лестнице. На последнем этаже – маленький офис Джейн и её команды. В залах тесно, как в небольших гостиных, поэтому люди толпятся на улице, несмотря на то что сегодня прохладно.

Я вхожу в толпу у входа и читаю название на стоящей рядом табличке: «Вневременное послание: Гарлемский Ренессанс и современное искусство Нидерландов».

В описании сказано следующее:

«Выставка – соединение ретроспективы художников первого Гарлемского Ренессанса и актуальных художников Нидерландов, отражающих в своих работах тему возвращения к истокам социальной справедливости через искусство. Культурные и нравственные отголоски, взгляд на новую жестокость и аспекты враждебности в современной среде. Мы погрузимся в трагедию и драму Гарлемского Возрождения и работ современных авторов. Эта выставка объединяет две схожие волны в изобразительном искусстве, возникшие с разницей в 50 лет, и проливает свет на ограничения и несправедливость, с которыми сталкиваются маргинализованные сообщества. Через призму искусства мы исследуем темы рабства, насилия и ущемления прав, открывая для себя художественный взгляд на проблемы общины и примеры борьбы человеческого духа. Маяк – символ надежды и просвещения – служит подходящим фоном для этой эмоционально заряженной демонстрации».

Отлично, сегодня день трагедии и драмы. Однако наряды гостей у входа и их настроение отнюдь не трагичны. Видимо, в этом и суть борьбы. Все одеты броско, а некоторые даже вызывают. Девушки в облегающих платьях с пайетками пурпурных, зелёных и золотых цветов. Боа из перьев, жемчуга, нелепые шляпы и вульгарный макияж. Похоже на маскарад. Мужчины в костюмах времён Великой депрессии, в широкополых шляпах и с галстуками едких цветов, в туфлях на каблуках и с массивными запонками. Всё это бесчинство заправлено обилием парфюма и марихуановым духом.

Я пробираюсь к фуршетному столу и занимаю позицию пассивного наблюдателя, разглядывая картины и гостей в доступном окружении. Взглядом ловлю Джейн – мне от неё ничего не нужно, просто хочется как-то заземлиться. Я прекрасно понимаю, что долго тут не задержусь, но отсчёт времени начнётся лишь после того, как я «отмечусь» у Джейн. Я пью шампанское и листаю журнал *Arte-n* о современном искусстве Латинской Америки, стопка которых лежит тут же на столе. Журнал на испанском и, как мне кажется, не соответствует тематике мероприятия. По всей видимости, галерея получает его по подписке. Номера свежие. Кому нужны эти иностранные претензионные журналы, к тому же на испанском? Будто бы сама эта экзотичность делает информацию в них ценной.

Рядом со мной группа из трёх парней и девушки. Я краем уха подслушиваю – обсуждают какой-то постмодернистский подход к истории и то, что «неправильно разделять поток эмиграции во всём мире на волны и бороться с ними, а надо принять тот факт, что этот процесс постоянен и неиссякаем – поток обмена культурой и генетическим материалом». Или культуры на генетический материал. В общем, как-то так... Короче, «пока власти элит этого не примут, будет так, как будет». Как именно будет, я уже не понял, но мне понравилось определение «постоянен и неиссякаем». Надо будет использовать его как-нибудь в самый неподходящий момент.

Образ некоторых посетителей проще и современнее – пиджаки с квадратными плечами, блузки с галстуками в виде лент, но иногда это дополнено тематическими аксессуарами: жем-

чугом, бисером и шёлковыми перчатками. Вспомнился один фильм и фраза из него: «Если вы собираетесь использовать только один палец, для чего вам перчатка по локоть?» Кто-то воспринял всё слишком буквально и одет в этнические африканские наряды – объёмные платья и вариации тоги с орнаментами. Есть и те, кто бойкотировал дресс-код. Такие люди пришли в обычных чёрных брюках или синих джинсах и вязаных свитерах. Стараются выглядеть интеллигентно, у кого-то даже очки в толстой оправе – весомый аргумент. Чаще всего ради таких людей и устраиваются подобные мероприятия, с расчётом на хорошие отзывы, длинные обзоры в модных журналах или выгодные заказы. Примерно в таком же виде пришёл и я. Разумеется, не специально.

Кажется, я пропустил самое начало, и публика уже заметно весела.

Я допиваю бокал шампанского и решаю пройти по экспозиции. Как я помню из описания, тут представлены работы как конца 20-х годов, так и нашего времени, и надо сказать, различие заметно, причём почти всегда не в пользу последних. Кажется, актуальность повестки для них не столь остра. Но о чём я могу судить? Тем не менее меня заинтересовывают три работы. Они представляют собой угловатые коллажи, отдельные кусочки которых пугающе реалистичны, словно вырезаны из фотографий, но если присмотреться, лица на фотографиях неестественно искажены, имеют странный оттенок кожи, весьма трагичны и болезненны. Остальные составляющие вырезаны из цветной бумаги либо из бумаги, облитой краской или чем-то измазанной. Некоторые очертания грубо напоминают кошек и собак, кресты, здания и части тел. В работах остальных художников также прослеживается наивность, тревожность, анатомия и ломаность. Вообще, это модернистская выставка, а в модернизме всегда сложно отличить настоящие шедевры от барахла. Больше всего в такие моменты я боюсь, что ко мне кто-то подойдёт и спросит, что я думаю.

Я наконец вижу Джейн. Когда она говорила, что ей нужно переодеться, она скромничала. На ней сине-фиолетовый двубортный пиджак и широкие бархатные брюки изумрудного цвета, ярко-розовый берет с крошечным белым пером, а также сапоги на толстом высоком каблуке. На левом лацкане клетчатого пиджака крупная золотистая брошь с двумя кошками. Во всём этом, очевидно, есть отсылка к афроамериканским революционерам.

– Недавно приехал? – Джейн приходится говорить громко, поэтому её привычная манера акцентов и пауз на время ушла. Она приятно пьяна и суетлива. Я люблю такое её состояние.

– Полчаса назад.

– С кем-нибудь успел познакомиться?

– Нет. Все эти люди – твои друзья?

– Почти никто. – Джейн забавно улыбается и смотрит исподлобья мне в глаза, затем подаёт знак, что хочет что-то сказать на ухо. Это несложно: на этих каблуках она с меня ростом, что меня весьма будоражит. – Для меня загадка, почему они сюда приходят. Знаешь, больше половины из них совершенно не разбираются ни в чём и не знают ни про какой Гарлем.

– Как и я, они пришли посмотреть на тебя.

– Тебе тут кто-нибудь нравится? – Джейн реагирует на комплимент и вполне однозначно приближается.

– В каком смысле?

– В обычном смысле – нравится кто-нибудь из людей?

– Имеешь в виду их наряды?

– Ренс, не придуривайся. Кажется, вон та парочка ничего, – Джейн показывает на высокую худую темнокожую девушку лет двадцати пяти и рослого bruneta, похожего на француза.

– Ты знаешь их?

– Нет, но если хочешь – познакомимся. В них есть что-то притягательное, я бы провела с ними время.

– Думаешь, они пришли сюда ради искусства?

– Не думаю, посмотри, как она хороша. Посмотри, какая у неё гладкая и матовая кожа. Кажется, они полны жизненной силы и жажды нового, и, возможно, мы бы им понравились. Как считаешь? – Джейн, не дождавшись моего ответа, смотрит куда-то позади меня: её кто-то позвал. В ответ она махнула рукой и принялась жестикулировать.

Пока она отвлечена, я пробую лацкан её пиджака на шелковистость, цепляясь пальцами за блестящую брошь. Забираюсь выше на плечо, высвобождаю волосы из-под ворота пиджака и прячу за ними появившиеся ценные уши, украшенные серьгами в форме крошечных виноградных гроздей.

– Я считаю, ты тоже хороша, и мне нравится твой румянец. – Я приближаюсь и целую Джейн в скулу.

– Хочешь, и ты покраснеешь? – Она протискивает два пальца в передний карман моих джинсов и притягивает к себе. Я заметно смущаюсь.

– Давай попробуем.

– Знаешь, – поворачивается она к присутствующим и говорит слегка поджимая связки, – в какой-то момент их интеллектуальная близость исчерпает себя, они напьются и захотят близости физической, более естественной, понимаешь? Большинство вообще приходит сюда только ради этого.

– И как это происходит? Технически...

– Многие приехали на автомоби-и-иле, – Джейн растягивает последнее слово и смотрит в толпу, словно говорит о ком-то конкретном. – Кто-то снял номер неподалёку. Некоторые наивные полагают спрятаться тут, но у меня повсюду капканы и стрелы с ядом, так что ничего не выйдет.

– Хорошо, что у нас есть автомобиль, – реагирую я после небольшой паузы. – Хочешь, захватим тех двоих? – Конечно же, я шучу, но хочу поддержать игру.

– Обязательно! О, кажется, мне удалось! – Джейн смеётся и щипает меня за щёку. – Ты раскраснелся!

– Это шампанское.

– Твою машину можно использовать лишь строго по назначению, так что поедem на ней к тебе домой.

– Разве наша интеллектуальная близость исчерпана? И кто будет выгонять всех этих пьяных искусствоведов?

– Наша физическая и интеллектуальная близость друг другу не мешает. Ты так не думаешь?

– Моя уж точно. Ты хочешь уйти в самый разгар вечеринки?

– Да, так и надо делать, если хочешь, чтобы вечеринка удалась. Всё, жди меня через полчаса, сильно не напивайся. – С этими словами Джейн убегает наверх по винтовой лестнице, на которую даже смотреть страшно.

Я сразу распределил эти полчаса. Сначала я постою на этом месте столько, сколько смогу, глядя в толпу, будто кого-то жду. Затем не торопясь пойду на улицу и постою там столько, сколько смогу, также делая вид, что кого-то жду. Возможно, выкурю сигарету, а потом ещё одну. Когда перестану чувствовать руку, вернусь в зал греться и досматривать выставку, поднимусь на второй этаж и там встречу Джейн, напомню о себе.

Почти всё задуманное сбывается. Пока я стою на улице и курю, происходит небольшой диалог.

– Вы тоже обратили внимание, что острота темы некоторым образом притупилась за эти пятьдесят лет? Что скажете? – раздаётся голос слева.

Я поворачиваю голову и вижу одного из тех, кто не поддался дресс-коду, – человека в чёрной водолазке и серых шерстяных брюках.

– В моём Гарлеме свой ренессанс, знаете ли. Я не очень хорошо разбираюсь во всём этом.

– Понять это на все сто могли лишь современники авторов, сражавшиеся спина к спине в этой борьбе, являвшиеся своего рода пилюлями, уничтожавшими горечью искусства недуги общества. Что вообще мы знаем об этом?

– О пилюлях?

– Любая, даже самая смелая метафора будет лишь преуменьшением той реальности. Сейчас нам несравнимо слаще и теплее. К чему все эти вторичные попытки ухватить за хвост память?

– В общем да. Затея глупая, – отвечаю я с понимающим видом, поворачиваясь к собеседнику и многозначительно выдыхаю струю дыма в прохладный воздух.

Я решаю подыграть и слегка высокомерно оглядываю его сверху вниз. Судя по всему, он один из обозревателей выставки, журналист, критик или всё вместе. Из тех, кого не приглашают, но, попав сюда, они становятся самыми уважаемыми гостями.

– Для чего нужны эти постоянные отсылки, будто актуальные проблемы недостаточно вдохновляют авторов на новое? Вместо того чтобы тащить этих стариков с того конца океана.

– Может быть, в этом и суть – показать разницу и невозможность сравнивать эти два периода? Закрывать тему и двигаться дальше?

– Да, но как же название выставки? И все эти слова про связь, общую борьбу?

– Кто знает, возможно, организаторы таким образом попытались выявить способность распознать подвох. Ведь название – это установка. Насколько сильно меняется ваше представление и ожидание после прочтения названия или критики? Насколько комфортнее накладывать увиденное в реальности на подготовленный фундамент?

– Несомненно. Но вы предполагаете, тут многим доступна такая тонкая ирония, думаете, организаторы выставки способны на это?

– Думаю, это и неважно. Цена ошибки невелика, а вот цена удачи – очень даже. Важно то, что организатор даёт пищу для размышлений. Неоднозначность и загадочность, достигнутая такими простыми методами, – прекрасный, но хрупкий инструмент. Это работает, пока такие, как мы, говорим об этом, и перестаёт работать, когда ответ получен.

– Да, но это не совсем честно. В таком случае подача должна быть совершенно нейтральна, никаких названий и описаний. Нужно предоставить право зрителю решить эту задачу и рассудить.

– Опять же, отсутствие названий и какого-либо описания сразу повышает градус и подвешивает в воздухе вопросительный знак. Но подвесить этот знак – тоже задача зрителя, а не куратора выставки. В нашем случае, когда всё выглядит как традиционная выставка, посетитель не ждёт подвоха. И можно сказать, что это и есть та самая справедливая нейтральность, о которой вы говорите. И вторая причина – как мне кажется, описание нужно для того, чтобы люди не чувствовали себя глупыми, ведь уловить смысл может не каждый, а мрачные рожи тут совершенно ни к чему. Не должно быть конфликта с теми, кому не нужен скрытый смысл. Это, конечно, вопрос чисто коммерческий, но всем надо на что-то жить.

– Да, это интересно. Хотите сказать, большинство тут ради праздного веселья?

– Да, и не только тут.

Я вспоминаю слова Джейн про то, что надо вовремя уходить. Не дожидаясь, пока этот господин захочет со мной познакомиться, я энергично тушу сигарету, киваю в знак того, что стоило бы нам всем поразмыслить над этой проблемой. Далее теряюсь в толпе расфуфыренных гостей.

Кое-что в моём плане проходит не гладко – поднимаясь по винтовой лестнице в поисках Джейн, я попадаю в дурацкую ситуацию. Дело в том, что по этой лестнице можно передвигаться либо только вверх, либо только вниз, и если сверху кто-то одновременно спускается – вам не разойтись. Убедившись, что никого нет, я поднимаюсь, и вот мои глаза пересекают уровень пола, и я вижу пространство второго этажа, продолжение экспозиции и Джейн. Тут

я останавливаюсь как вкопанный, не понимаю, как реагировать. Джейн стоит с тем статным брюнетом, и он так обнимает её за талию и прижимает, что я решаю, что при виде меня он не отдернет руку, так как не знает, кто я, а Джейн – как она себя поведёт? Скажет ему, или сама уберёт, или... А если не случится ничего? Если, увидев меня, они так и будут стоять обнявшись и ждать, пока яотреагирую? Как тогда быть? Все эти мысли проносятся за две секунды и заставляют меня запнуться, отшагнуть на пару ступенек ниже, но сзади уже скопилась приличная очередь тех, кто хочет попасть наверх, – приходится идти. Я до последнего делаю вид, что не замечаю их, но затем вижу, как Джейн сама приближается, а тот парень уже рядом со своей темнокожей подружкой.

Мы молча спускаемся и садимся в машину. Первые пятнадцать минут я изображаю внимательного водителя. Джейн зашвыривает берет на заднее сиденье, высвобождает себя из тугого пиджака и откидывается на подголовник, закрыв глаза.

Я решаю намекнуть на то, что видел.

– Кажется, ты ушла в самый разгар?

– И сильно устала.

– Ну, я мог уехать один, а ты бы продолжила веселиться – вроде тебе было хорошо.

Джейн поворачивается ко мне и многозначительно молчит, по дрогнувшим пару раз губам я понимаю, что она не уверена в ответе и обдумывает, что сказать. Мою обиду она распознала.

– Знаешь, это очень тонкая грань. Важно почувствовать момент, когда ты получил максимум от ситуации. В противном случае ситуация начнёт вытягивать всё обратно. Задача в том, чтобы не стать рабом собственного плана, – начинает Джейн в привычной манере – спокойно, акцентируя ударения в важных словах, слегка растягивая гласные.

– И как же ты определяешь этот момент? – Я в свою очередь даю понять, что не ведуся на гипноз, говорю быстро и громко.

– В каждой ситуации по-разному.

– Рассмотрим ту, где тебя тискает симпатичный паренёк, про которого минуту назад ты говорила, что неплохо бы провести с ним время. Крепко тискает, не по-приятельски. – Чтобы скрыть нервозность, мне приходится делать вид, будто нечто на дороге требует моего внимания.

– Поверь, какое бы тебе намерение ни чудилось, оно совершенно неосуществимо, – отвечает Джейн после недолгой паузы. Она явно надеялась, что я не затрону эту тему. – И если бы ты не пришёл за мной, поверь, никуда дальше его рука не проскочила бы.

– Так просто? Не будет никаких сложных спекуляций на тему величия человеческой воли и власти разума над телом? Лишь пошлое «поверь»? А если бы я не пришёл?

– Я бы нашла тебя сама.

– Ты понимаешь, о чём я. Если бы я вообще не приехал сегодня в галерею, чем бы всё закончилось?

– Я бы уехала домой на такси. Как обычно.

– И тот, кто тебя так крепко прижимал, не захотел бы присоединиться?

– Какое мне дело до его желаний? И что уж скрывать, тот, кто крепко меня «прижимал», не появился бы рядом, не будь там тебя, – как бы сдаётся Джейн. – Я же прекрасно знала, что ты придёшь, ведь мы договорились.

– И что это значит?

– Теперь ты думаешь обо мне, ты зол, и ты не воспринимаешь моё присутствие в твоей жизни как должное. Ты ревнуешь, и не такой, каким хотел бы быть. На самом деле ты собственник и одиноличник.

– Каким, по-твоему, я хочу быть?

– Ты не веришь в реальную свободу. Ты считаешь это моей идеалистической фантазией. Поговорить с тобой об этом в иных обстоятельствах невозможно, и теперь я поймала тебя с поличным. Ты обычный собственник, и кто-то покусился на твою игрушку.

– О, наконец-то. Кажется, можно было найти способ проще и не подвергать себя таким «испытаниям». Хотя вроде ты не сильно страдала. – Я нарочно выбираю саркастический тон, чтобы не иметь шанса быть непонятым. – Мне тоже есть что сказать. Мне, в отличие от тебя, не нужно доказывать свою независимость. Я не буду якшаться с кем попало не потому, что жду того же от тебя, а просто не хочу этого. Не хотеть и не делать – вот в чём свобода.

– Нельзя абстрактно не желать чего-то, у всего есть причины.

– Нет, чтобы чего-то не делать, причины не нужны, оно само происходит, как данность. И данность такова, что другим женщинам нужно меня заинтересовать, а этого не происходит.

– Да, не происходит, пока... пока не произойдёт.

– Так можно сказать про что угодно на свете – этого нет, пока не появится. Могу сказать точно – чужие люди вряд ли помогут разобраться с этим. Ты же думаешь иначе.

– Что ты имеешь в виду?

– Как оказалось, тебе нужен я, чтобы утвердиться. Как минимум. Я был о тебе другого мнения.

– Но ты не чужой!

– Я другой человек, а значит, чужой.

– Факт есть факт – ты ревнуешь, а значит, не свободен.

– Да, этот твой факт – вполне естественная, физиологическая реакция, и я её не стыжусь. Я, знаешь ли, не возвожу человека в ранг божества и прекрасно понимаю, как всё работает. Но также есть ещё один факт, который ты опускаешь. – В этот момент я сосредотачиваюсь на сложном развороте, но это выглядит как многозначительная пауза, и Джейн заинтересовано поворачивается всем телом, полагая, что молчу я намеренно. Завершив манёвр, я продолжаю: – Что-то вышло из-под твоего контроля, ты перешла грань и не успела уйти с вечеринки в нужный момент. Но ты не можешь признаться, что тот парень просто обнял тебя, в том, что ты была пьяна и хотела внимания! Простые истины не для тебя.

– Ты прав, так и было, – сдаётся Джейн. – Но это не исключает сказанного мной ранее.

– Чего конкретно?

– Ты говоришь про естественность, но ты испытываешь дискомфорт. Зачем? Думаешь, что это неизбежно, хотя вполне мог бы прожить это безболезненно.

– Я не хочу проживать безболезненно то, что поможет мне скорректировать опыт этой самой болезненностью. Что-то вроде прививки. Как иначе я должен почувствовать это?

– Я не про эмоции, а про то, что ты мог чувствовать их и при этом не съесть себя.

– С чего ты взяла, что я себя съедаю? – Меня начинает утомлять это жонглирование словами. – Как получается, что в нашей больнице всегда я пациент, а ты врач? Образность и многозначность твоих доводов не скроют того факта, что в этом конфликте виновата ты, понятно? Ты сделала то, что стало причиной этого разговора. Ты проявила слабость и теперь преподносишь это как очередное испытание для меня, какую-то глупую проверку. Я тебя раскусил, это совершенно точно. А других людей тут нет, никто не усомнится в твоей непогрешимости и авторитете, не волнуйся! Пожалуй, ещё тот парень, но он, кажется, без лишних разговоров всё понял, и твоя загадочность не явилась для него помехой.

– Звучит обидно. Будто я дешёвка.

– А ты не обижайся, не испытывай дискомфорт, не съедай себя.

– Рано или поздно это должно было произойти. – Джейн как-то нетипично горбится, складывает ладони между коленями и напряжённо смотрит в окно. По тому, как она периодически высвобождает одну руку из замка колен и подносит к лицу, я понимаю, что она плачет. Через несколько минут добавляет: – И как ты к этому относишься? Загадки больше нет?

– Я... Я люблю тебя не за загадки, так что ничего не изменилось. И я ждал, когда это произойдёт. Точнее, не ждал, а... в общем, понимал, что так будет. И если всё, что я знаю, – это действительно всё, то прошло вполне безболезненно.

– «Всё» – это моё фиаско? И что дальше? Я бы не хотела, чтобы ты переживал из-за этого дурацкого случая. – Джейн немного успокоилась. – Правда, в этой среде такое вполне обычно. Я не говорю, что это нормально, я пришла в арт-бизнес не ради сомнительных встреч, и этот случай – глупость и, по сути, простая сублимация. Понимаешь, о чём я? Я тебя не обвиняю, но, опять же, этого бы не произошло без тебя. – Убедившись, что я больше не сопротивляюсь, добавляет своим привычным тоном: – Воспринимай это как прелюдию, мы же, кажется, договорились кое о чём, помнишь?

Джейн в итоге мастерски вышла из этого разговора. И вот она уже спокойна и уверена в себе. Но сегодня ей было нелегко, считаю это своим маленьким достижением. Она долго ковыряла илистое дно палкой и что-то нащупала – свести всё к любовным играм. Браво. И что это было? Меня так легко купить? Польстить мне в том, что я обладаю женщиной, в руках которой другие всего лишь куклы, инструменты? Такие инструменты, при помощи которых она доказывает свою любовь? Изошрённо. Плевать. Даже если это всё полный бред, мне приятен факт, что кто-то придумал эту историю ради меня. Даже если за всем стоит обычная похоть. Я устал об этом думать и успокоился. Для себя отметил вот что: можно сколько угодно возвышать любые человеческие отношения, любовь, дружбу, можно считать их исключительными и достигшими невозвратного уровня великолепия, но в самый пик этого возвышения всё испортит простая, банальная и пошлая хрень – смерть, измена, ревность и ненависть.

Для отрезвления даже не нужны кризисы и катаклизмы. Банальные вещи возвращают в реальность, как бы ты ни ограждался. Все усилия, направленные на то, чтобы изжить этот анахронизм в отношениях, уничтожить и забыть, оставить героям кино и другим людям, на самом деле сжимают всё в точку. Точку настолько малую, что её практически нет. При этом масса точки увеличивается, и рано или поздно она коллапсирует. По всей видимости, то, что произошло сегодня, – это хороший пример, как избежать подобного и стравливать лишнюю энергию постепенно, не давая точке сжиматься.

– Как, думаешь, мне поступить с наследством? – перевожу тему я.

– Тебе нужен второй дом?

– Никогда об этом не задумывался.

– Самое время.

– Вопрос стоит иначе. У меня уже есть этот дом, теперь надо решить, что с ним делать.

– Я бы для начала взглянула на него.

– Может, продать его как-то без моего непосредственного участия? Сделать доверенность и всё прочее.

– Почему? Ты не хочешь посмотреть?

– Понимаешь... – Я делаю паузу, так как сам не до конца сформулировал, почему именно не хочу ехать. – Это место запомнилось таким, как в детстве, и я не уверен, что хочу сейчас наблюдать разруху и портить образ.

– Да, но ты не сможешь бесконечно себя обманывать.

– Если кто-то это купит и перестроит, мне будет уже всё равно.

– Не будет. Рано или поздно ты всё равно туда приедешь. Ну правда. Только в этом случае ты расстроишься, потому что теперь там будут чужие. Ещё тебе нужно разорвать связь между этим домом, тётей и сестрой – сделай его своим, выгони из него этот дух и посели свой.

– Опять твоя метафизика?

– Как угодно. Но даже если без неё. Прости, но, кажется, мы сейчас опять будем обсуждать тебя. Ты не против?

– Я привык.

– У тебя есть особенность – ты боишься начинать новое. Ты думаешь, что не готов или чего-то не хватает, в то время как люди более заурядные вполне справляются.

– Правильно. Зачем множить дрянь?

– Есть и вторая часть – когда ты видишь результат других, ты расстраиваешься, потому что сделал бы намного лучше, будь у тебя тот же набор инструментов.

– Не знаю. Когда такое было?

– Вспомни, как у вас всё начиналось, как ты рассказывал об идеях и о том, какой можно сделать препарат, о том, что у вас с Брайаном всё готово и нужно начать, найти первого клиента и попробовать.

– Мы так и сделали – нашли, попробовали.

– Не совсем. Вспомни, как долго ты носился с этим? И что произошло?

– Разработки были сырыми. Нельзя просто брать людей и ставить над ними эксперименты.

– И ты зачем-то начал работать с Жаклин, над её проектами, которые в результате ни к чему не привели. Ты делился опытом, энергией и тратил время.

– Её проект тогда казался более полезным, чем наши сугубо индивидуальные и эгоистичные игры.

– Правда веришь в её альтруизм?

– Тогда верил, сейчас уже не очень, но и какая разница, в чём её личный интерес. Суть в том, что она реально хотела помочь людям.

– Хотела ли? Поддерживать постоянное внимание к себе – да, занимать людей своими мыслями и идеями – тоже да. Но была ли в этом законченная цель? Не думаю.

– Она никогда тебе не нравилась.

– Вспомни, как это было.

– Ладно, но это один пример, и тот... не такой уж очевидный.

– Хорошо, вспомни, как ты начал заниматься фотографией.

– Да ну, это вообще детские фантазии.

– Но вспомни, почему ты перестал. Ты же начал. И остановился. Почему?

– Я решил, что недостаточно хорош для этого. Многие вокруг по-настоящему талантливы, стоит оставить творчество им.

– А я уверена, причина в том, что ты не нашёл того, с кем разделить увлечение. Тебе всё время нужен какой-то формальный наставник. Так же было и с вашим препаратом, когда вы хотели его выпускать серийно. И только не говори, что это была идея тех идиотов.

– А чья же ещё.

– Идея висела в воздухе и была настолько очевидна, что тебе нужен был лишь толчок. И вот ты нашёл этих двух. Особенно ван Гилс – ты постоянно рассказываешь, какой он идиот и насколько бесполезен.

– Это уж точно...

– Зачем ты постоянно окружаешь себя такими людьми?

– Похоже, без них никак. Они делают массу работы, которую я не хочу делать.

– Ты себя успокаиваешь. Ты их ненавидишь и рад был бы сделать за них всё быстрее и лучше.

– Я думал об этом недавно. Но кто же знал тогда, что они окажутся такими бесполезными?

– Ты сам знал. Тогда к тебе мог подойти кто угодно, озвучить тебе твои же идеи и ты рад был бы пойти за ним.

– Ты говоришь так, будто я какая-то собачка.

– Ты не собачка, но в тебе есть доля детской доверчивости и постоянного ожидания, что кто-то удивит тебя и окажется лучше, чем кажется.

- Но ведь совсем без веры в людей нельзя?
- Ты вроде сам говорил, что вера для тебя понятие сомнительное.
- Ты слушала? – Я правда удивлён, обычно Джейн не интересуется моей работой и уж тем более интервью на местном радио.
- Да. Тебя это удивляет?
- И? Что думаешь?
- Думаю, ты любишь своё дело и защищаешь его. Этого точно нет у твоих партнёров.
- Спасибо, но вряд ли бы ты сказала иначе. Или хорошее, или ничего. Я точно не знаю, зачем именно давал это интервью. Решил, что так нужно.
- В этом и секрет всех правильных решений.
- Давай обсудим дом.
- Уверена, тебе нужно поехать туда и всё увидеть. Теперь он твой и ты можешь делать что захочешь, никто тебя не осудит. Да, тебе придётся принять самостоятельное решение, и уверена, ты не ошибёшься.
- А тебе неинтересно взглянуть?
- Для меня это не то же самое, что для тебя. Плюс я не хочу влиять на твоё решение.
- Ты делаешь это прямо сейчас.
- Сейчас я хочу, чтобы ты попробовал. И вообще, что за странная идея везде таскаться вместе. Моё мнение только запутает тебя.
- Просто не хочешь смотреть на рухлядь.
- Это тоже.
- Не всё в моём детстве было ужасно. Что бы сказала тётя, если бы я его снёс или продал?
- Хорошее никуда не денется. А тёти больше нет. Сейчас дом занимает в твоей памяти слишком много незаслуженного места. Ты повзрослел, и теперь это просто вещь, с которой волен делать что хочешь. В конце концов, да, ты всегда можешь продать его.
- Ты права.
- Помнишь Татьяну? Вы никогда не виделись, но она помогала с твоим домом в Блумендале. Уверена, ей было бы интересно помочь и тут. Кажется, она неплохо справилась?
- Да. Ещё я думал, что это наш дом, а не только мой.
- Ты всё ещё обижаешься?
- Нет. Я понял, что ты своего рода вампир и не можешь без этого.
- Интересно. – Джейн делает искусственно доброе заинтересованное лицо, поднимает брови и слегка наклоняет голову.
- Да, ты же сама говорила, что питаешься любой энергией. – Уголки моих губ подёргиваются, я подшучиваю над ней, но Джейн воспринимает это всерьёз.
- Так и есть, в этом моя стратегия выживания. Иначе не могу, – защищается Джейн.
- Как и вампиры. Они просто питаются чужой кровью.
- И в чём же сейчас мой вампиризм? – Джейн очень интересуется этой темой, она даже немного выпрямляется и разворачивается в мою сторону. Ей нравятся мои попытки выдумывать психологические теории, и сейчас она видит во мне соперника.
- Ты знаешь, что я люблю порядок во всём. Не порядок, а скорее определённости. Некоторые социальные установки, какими бы дурацкими они ни казались, лично мне помогают добиться этой определённости. Подразделить явления в жизни, сгруппировать.
- О каких именно установках ты говоришь?
- Ты прекрасно понимаешь о каких. Речь не о том. Так вот, ты в данном случае питаешься энергетикой этой неопределённости, чувствуешь слабость. Но...
- Ренс, что за глупость?
- Не перебивай, выслушай. Так вот. Но теперь я эту энергию не испускаю, так как уже привык и меня больше не будоражит, как раньше, понимаешь?

– Прекрасно. Может, и не было там ничего будоражащего? Я же, кажется, тебе объясняла, в чём дело? – Джейн явно не хочет обсуждать давно решённые, по её мнению, вопросы.

– Неубедительно.

– Почему нужно всё время тебя убеждать? Есть вещи, которые просто происходят, нравятся тебе это или нет. Это одна из них.

– Тогда не нужно интересоваться моей реакцией. Бессмысленный разговор.

– Ты сам начал. – Джейн скрещивает руки на груди и на минуту отворачивается, затем мягко произносит: – Ты устал. Я не хочу ругаться.

– Тогда поубавь свой наставнический тон и хватит анализировать каждое моё слово.

– Прости. – После недолгой паузы Джейн продолжает: – Разговор как-то помог тебе понять, что делать с домом?

– Надо попробовать, ты права.

– Отвези меня домой?

– Хорошо. – Я смотрю на Джейн, пытаюсь по её виду понять, почему она передумала ехать ко мне. Видимо, всё-таки обиделась из-за вампира. – Мне остаться?

– Нет, я устала. Кроме нытья, от меня сегодня ничего не дождёшься.

– Ты давно меня не приглашала, я бы мог зайти завтра в обед, что скажешь?

– Ты знаешь, моя квартирка весьма аскетична и не приспособлена для приёма гостей. И в обед я буду в галерее. В конце концов, есть твой прекрасный просторный дом, и он подходит нам обоим.

– Я хочу узнать, как ты живёшь.

– Ты знаешь, как я живу, сейчас я прямо тут перед тобой и живу. – Джейн произносит это с содроганием в голосе, будто не уверена в том, что говорит.

– Ты понимаешь, о чём я. Ты же не можешь прятать свой быт бесконечно.

– Я и не прячу, но считаю, что имею право не афишировать то, что неинтересно. – К концу фразы Джейн совсем поникла. Я взял её за руку и дал понять, что больше не буду задавать вопросы. Странно видеть её такой уязвимой.

На самом деле есть одно предположение. У всего, что избегает Джейн, два верных спутника – обыденность и однообразие. Она не говорит этого прямо, потому что не осознаёт или не хочет признаваться, что чего-то избегает. Думаю, дело в том, что она не знает, как себя вести в быту, воспринимает его как враждебную, скучную, ненужную ситуацию, как болезнь, которую нужно перетерпеть, причём так, чтобы никто тебя в этом состоянии не видел. Как должна себя вести женщина, постоянно находясь с одним и тем же мужчиной? Когда он не смотрит на неё, не думает только о ней и занят своими делами. Как перестать обращать на себя внимание? Как построить себе дом и жить в нём с кем-то? Или поехать куда-то далеко и долго молча находиться вместе? Как делать что-то в промежутках между выходами на сцену? Эту теорию я придумал давно, и каждый такой случай подтверждает её. Вообще, это не противоречит объяснениям Джейн, но ощущение, что она ходит вокруг да около, не покидает меня, а её новые идеи, которые призваны всё это прикрывать, быстро утомляют. Хочется взять и поместить её в ситуацию, когда она не сможет не признаться в том, что совершенно не приспособлена к повседневной жизни и ей стыдно быть причастной к любой рутине.

Джейн просит остановиться в начале бульвара, говорит, что хочет прогуляться. Мы прощаемся, и я еду домой.

Некоторые ритуалы мне помогают. Точнее, это не какие-то специальные ритуалы, а часть текущих, естественных процессов. Но пользоваться ими я научился недавно. Например, мы договорились созвониться с Джейн, когда я приеду домой. Ехать мне около пятидесяти минут. Я проделываю психологический трюк. В тот момент, когда Джейн исчезает из поля зрения всех зеркал машины, она перемещается в мой дом, точнее, в телефонную трубку. Пусть так странно, неполноценно, но лучше, чем совсем никак. Я еду домой и понимаю, что она уже там

и ждёт меня. Этот обман помогает не чувствовать себя одиноким, не чувствовать, что ты едешь в пустой дом, построенный для двоих. Есть ещё один приём: эти пятьдесят минут дороги, еду я с работы или от дома к Джейн, – они нужны мне. Подсознательно я учитывал это при выборе дома. Быть одиноким в городе среди людей – неправильно, нелогично. Имел бы я возможность телепортироваться, я бы всё равно выбрал автомобиль. Эти пятьдесят минут – мой плацдарм, понятное, справедливое условие одиночества и также возможность успеть привыкнуть к тому, что следующие двенадцать часов ты будешь один, и это твой осознанный выбор.

7. Буду праздновать всё, что захочу

Очередное совещание, и я снова не понимаю, зачем трачу время. Что делать, если специалистов вроде полно, но никто не способен трезво оценить ситуацию в комплексе? Я назвал это концепцией трёх... поросят, если угодно. Допустим, у вас течёт кран и к вам приходят три поросёнка – поросёнок-плотник, поросёнок-электрик и самый толстый поросёнок – сторож, и все видят текущий кран впервые. Один поросёнок построит вокруг крана красивый дом, второй – проведёт электричество, третий – будет всё это охранять. Ценность проекта возрастет, все забудут про кран и постоянно будут обсуждать, как улучшить работу друг друга – кому новую форму купить, кому новые инструменты и так далее. Если предположить, что Марк, Адриан и Брайан – эти три поросёнка, складывается логичный вопрос: не я ли поросёнок-сантехник, который должен починить, наконец, чёртов кран?

– Ренс, что думаешь насчёт новых каталогов? Видел их? – начал Марк Офнер. – Ты спишь, что ли, Роланд?

– Я бы рад поспать, да вы орёте тут, как стая чаек. – Я и правда сижу в дальнем углу, уронив лицо в согнутый локоть. – Да, я посмотрел. Пойдёт.

– У нас новый художник, видел его?

– Да. – На самом деле нет, но иначе привели бы знакомиться, а это совершенно пустая трата времени. Поросёнок – художник.

– Есть и новый слоган! Патрик, покажи! – Марк кладёт руку на плечо молодому длинноволосому парню в джинсовке.

Парень тут же активизируется:

– Напишу для наглядности.

Патрик работает в отделе рекламы, и его присутствие на собраниях всех бодрит и означает, что мы будем обсуждать его невероятные идеи, с понимающим видом выбирать и вносить idiotские правки. Патрик переворачивает доску и синим маркером начинает писать, заглядывая в черновик.

– Первый вариант такой: «Оживите важные моменты вместе с ERA». Суть в чём, – Патрик принимается энергично говорить шаблонными фразами, – этот слоган подчёркивает способность продукта улучшать воспоминания о конкретных событиях, позволяя пользователям заново пережить свои самые ценные моменты. Акцентируя внимание на эмоциональных преимуществах продукта, слоган призван привлечь потребителей, которые ценят воспоминания о важных событиях в жизни.

Отчеканив это дерьмо на одном вдохе, довольный, как мышь, он щёлкает колпачком маркера, ожидая оваций.

– А кто-то, бывает, не ценит? – спрашиваю я сухо, барабая пальцами по столу. Настроение у меня глумливое, и я мысленно беру маркеры и обвожу кружочками глаза Патрика, а на носу рисую красную точку.

– Что? – Патрик, похоже, не ожидал, что будут вопросы. Держит маркер, будто ручку невидимого римского щита.

– Ты говоришь: «для тех, кто ценит» или что там... Но ведь нет тех, кто не ценит. И вообще, наш препарат не этим занимается.

– В том-то и дело, что слоган смягчит восприятие препарата на рынке, – вмешивается Марк.

– Да, тут суть в словах про то, что ERA именно улучшает и не добавляет ничего нового. – Щит Патрика приобретает вполне реальные очертания.

– А кто-то думает, что он что-то там добавляет? – не успокаиваюсь я.

– Хм. Не знаю. Вам виднее, – Патрик шкоднически ухмыляется и смотрит на Марка, будто знает какую-то сплетню.

– Ещё варианты есть? Не надо путать людей и отклоняться от назначения ERA. Могут возникнуть недопонимания.

– Хорошо. Давай следующий вариант, – Марк подмигивает Патрику.

Всё это напоминает презентацию самодельных ёлочных украшений невменяемому деду. Известный приём – готовишь один основной вариант и несколько для прикрытия, показываешь сначала проходные, а потом тот, ради чего всё и затевалось. Иллюзия выбора. Мне почему-то отведена роль локального заказчика этого барахла, якобы я лучше всех разбираюсь в дизайне и слоганах. Или, наоборот, я кочка на пути их совершенного продукта, богатства и успеха.

– Хорошо, вот второй вариант: «Запечатлейте прошлое. Улучшите настоящее. С помощью ERA».

– Ясно. – Не ждал, что меня удивят, но что будет настолько бездарно, я тоже не ждал. Процесс начинает меня утомлять.

– Тут как раз с технической точки зрения всё корректнее. Человек исправляет прошлое, и это ему позволяет полноценно жить в настоящем.

– Полагаю, это и был ваш основной вариант?

– В смысле?

– Ренс хочет сказать, что...

– Давай я сам. – Манера Марка сглаживать углы иногда выводит меня. Марк не понимает, что этот прекрасный навык совершенно не обязательно использовать везде. – Хочу сказать, что ты придумал всего один слоган, утвердил его заранее с остальными партнёрами и притащил сюда, чтобы разыграть весь этот театр. Господин ван Гилс, например, вообще не пришёл. Зачем вы, ребята, тратите время, зачем втягиваете меня и раскручиваете эту историю? Я против каталогов, а значит, и против всех его отrostков – дизайна, тупых слоганов и прочего. – Я откидываюсь на стуле и развожу руками, охватывая всех присутствующих. – Не кажется ли вам, что есть дела поважнее? Вам самим решать, как развивать фирму, но можете в таком случае не звать меня на собрания по веткам тем, против которых я голосовал?

– И что, будешь делать вид, что в этой ветке ничего не происходит?

– Пока вы сидите и обсуждаете слоганы, люди сходят с ума. Я лучше буду с этим разбираться.

– Мы же почти уверены, что они... эм... испытывают сложности с продуктом именно по причине недостаточной информации. – Марк ведёт глазами в сторону Патрика и дёргает бровью в знак того, что рекламщику не стоит знать обо всех подробностях ситуации.

– И что, причина тому – отсутствие англоязычного слогана?

– Нет. Из-за того, что позиционирование товара некорректное, не подробное и непонятное, клиент допускает ошибки при выборе и так далее. – Кажется, Марк действительно верит в эту чушь.

– Марк, не будь наивным, всё они знают. Тебе не приходило в голову, что аптеки хотят продать больше препарата?

– Мы даже доплачиваем им за это.

– Отлично, доплачивайте дальше, и они встанут у входа с воронкой для бензина и каждому будут щедро отсыпать сразу, без выяснения причин страданий. Зато продажи будут великолепные. На хер слоганы, на хер каталоги! Обсудим дизайн воронок?

– Ренс, ты капризничаешь. Если у нас так будут все собрания проходить, мы ни к чему не придём. Не истери! Предложи что-нибудь!

– Предлагал и повторю ещё раз: если человек не знает, что ему нужно, – не продавать. Строго. Вы не понимаете? У нас не универсальный препарат от всех бед, это серьёзное вещество. От этого и пляшите в своих маркетинговых изысканиях.

– У нас полторы сотни наименований. Но можно придумать ещё. Это не проблема! – вмешивается Патрик. Он явно недооценивает накал страстей.

– Что? – Я забыл о существовании этого парня.

– Вы говорите, что препарат не универсальный и поэтому не каждому подходит. Можно сделать так, что он станет универсальным, – это маркетинговая задача, могу попробовать.

Воцарилась тишина. Марк положил руку на лицо в предвкушении моей реакции, и она не заставила себя ждать.

– Ты тупой?

– Ренс, полегче. Парень не так тебя понял. Патрик, спасибо, нам понравился второй вариант, спасибо, – Марк торопливо старается вывести парня из-под огня, но я и не думаю продолжать.

– Я считаю, что неплохо справляюсь с этой работой! Не понимаю, почему... – Патрик несколько секунд корчит подобие возмущения и обиды, но видно, что он из тех, кто недавно начал карьеру и готов терпеть всё, лишь бы его перлы хоть кто-то услышал.

– Зря ты так, – Марк садится рядом со мной и пытается успокоить.

– Зачем нам эти лентяи?

– Мы делаем массовый продукт, его продают именно так. Думать, что возможно обойтись без компромиссов, – ошибка. Если не будем рекламировать себя, про нас забудут, такова суть потребления, даже если товар полезен. – Марк разводит руками. – В общем, ты сам понимаешь, реклама нужна.

– Есть что-то ещё?

– Да, точнее, это не для обсуждения, а лишь информация. Есть пара судебных дел, в которые нас хотят втянуть.

– Отличная новость. – Я действительно немного рад: это может стать толчком для начала решения проблемы и высвечивания её как вполне реальной. – И в чём суть?

– Не всё до конца понятно. На нас подают в суд пока только родственники, формулировки обвинений размыты, нет никаких фактов, и у всех всё разное. Они сами не знают, чего хотят, и толком не понимают, на что жалуются.

– Что разное, ты про что?

– Как бы разные побочные эффекты, симптомы, жалобы.

– И? Что сейчас происходит? Коллективный иск?

– С этим работают юристы, вроде пока ничего серьёзного, зацепиться не за что. И вряд ли дело дойдёт до коллективного иска. Опять же, все они разнятся и противоречат друг другу. Единственное – это не очень хорошо для репутации, поэтому мы стараемся быть максимально корректными с этими людьми.

– И в чём корректность?

– По большей части в нашей пассивности. – Офнер виновато чешет бровь. – Мы не спорим, выслушиваем, задаём много вопросов, пока они не сдуваются. Не буквально, конечно. Нам якобы нужны уточняющие факты о приёме препарата, чтобы понять, в чём проблема, и этих фактов нам нужна тьма-тьмушья.

– По сути, вы заговариваете бедолагам зубы.

– Что-то действительно нужно знать, ведь мы сами не понимаем, в чём проблема. Мы даже не знаем, все ли из пришедших имеют отношение к реальным больным, а те, в свою очередь, – к нашему препарату, или это чьи-то умыслы.

– Можно до бесконечности видеть умысел и тянуть время, а можно потратить ресурсы, чтобы разобраться в проблеме изнутри.

– Но ты сам говорил на интервью...

– И где сейчас твой микрофон?

– Это твой препарат, Ренс! Вы с Брайаном его придумали. Я не вижу его, где он? Предъявляй претензию ему! – не выдержал Марк.

– У меня к тебе нет претензий, но пойми, препарат работает исправно, это я знаю точно. Брайану нечего предъявить, – слукавил я, прекрасно понимая, что дело именно в составе препарата.

– Значит, и проблемы нет! – Помимо сглаживания углов, Марк знает, как меня подцепить, но я не ведусь, ведь он отчасти прав: я и сам запутался.

– Ладно, я поговорю с ним.

– Есть ещё кое-что, но я пока не понял, проблема это или нет.

– Меня словно месяц тут не было. Выкладывай.

– Это просто нисходящий тренд, я уже вижу разворотный паттерн, скоро всё наладится. – Марк иногда несёт чушь про фигуры и паттерны – это термины из его биржевого прошлого. – Смотри, – показывает мне распечатки с информацией по поставкам, накладные, в которых значатся необычно большие объёмы.

Но странными выглядят и другие две вещи. В поставках указаны равномерно все наименования препарата, одинаковые количества каждого из ста пятидесяти ERA. Вторая странность – место, куда отправлялся груз.

– Кто так много заказывает? И чья это сделка?

– Ван Гилса. Заказчиком значится некое лесничество в Дортмунде.

– Так разбирайся с ван Гилсом.

– Он не особо это комментирует, ему поставки не кажутся странными.

– А тебе кажутся?

– Да.

– Кто-то в лесу решил взяться за свои воспоминания? Интересно. Думаешь, они что-то химичат с препаратом и перепродают?

– Это первая мысль. Но почему они делают это так неприкрыто?

– Они же не нарушают закон? Чем это опасно для нас?

– Пока ничем, но если там какие-нибудь хиппи, производящие из нашего препарата наркотики, – будет скандал.

– Из него нельзя сделать наркотик, ты же знаешь, – нет активного вещества.

– Так или иначе, ситуация странная, согласись.

– Соглашаюсь. Ладно, подумаю над этим. – Я беру со стола каталог, накладные и отправляюсь к себе.

В кабинете я листаю новый каталог, чтобы освежить память о том, что вообще мы продаём. На первом развороте меня встречает привычная семейка с рекламных плакатов, но теперь они занимаются чем-то более интеллектуальным. Кто-то пишет книгу, кто-то изучает науки в университете. По всей видимости, ментальные потребности семейства выросли. Их расовая принадлежность до сих пор вызывает вопросы, но это уже не важно: все они на разных страницах и заметить несоответствие почти невозможно. Пёс лейтмотивом влез в каждое событие, его даже пустили на лекции отца и в лабораторию матери семейства, которая почему-то похожа на индийскую танцовщицу из кино. Сколько всякой ерунды мы придумали, с ума сойти. Я усмехаюсь этой иронии и, пролистав дальше, натыкаюсь на раздел «Отношения и семья». Чёрт, как я сразу не догадался: девушка в свадебном платье в моём дворе – наверное, жених сбежал со свадьбы. Но при чём тут ERA? Мы же работаем с прошлым. Почему она обвиняет меня? Может, она не поняла принцип работы препарата?

Я кладу каталог на стол и перевожу взгляд вдаль – в конце кабинета большое окно, а за ним точно такой же фасад такого же здания с таким же окном. Не удивлюсь, если там сидит такой же Ренс Роланд и думает над этой же проблемой. Ему не хватает совсем других деталей, и, объединив наши усилия, мы поймём, в чём дело. Успех нам также придётся поде-

лить поровну, так что лучше пока оставаться врозь. Забавно. Почему меня вообще так зацепила эта девушка? Я ведь даже не знаю её, хотя лицо на фото в газете показалось знакомым.

Странно и пугающе осознавать, что кто-то выбрал меня в качестве мишени и обвиняет в неудачном браке. Какой абсурд. Неужели она так отреагировала на то, что препарат не сработал? Но какая связь? Я думаю об этом всю дорогу до дома, и никаких вариантов, справедливых для такого поступка, я не нахожу. Надо купить больше кассет в машину, надоели эти фортепианные пьесы.

Подъезжая к моей улице, я ловлю себя на мысли, что теперь еду осторожнее, затаившись, будто ожидая засаду. Именно эта реакция, а вовсе не оставшаяся на швах кирпичной кладки краска и является целью актов нарушения личного пространства.

Засады нет, но как только я вхожу в дверь, раздаётся телефонный звонок.

– Ренс, привет. Это Жаклин. Как поживаешь? Узнал?

– Привет. Конечно. – Плавный и бархатистый голос Жаклин де Конинг сложно спутать с чьим-то другим даже спустя годы. – Тебя давно не слышно. – Стряхиваю обувь, освободившейся ногой отпихивая кота, чтобы тот не наступил в мокрые следы.

– Нужно встретиться. Я знаю про проблему с препаратом, и у меня есть предложение для вас.

– Для «нас»?

– Да, для вашей фирмы. Это может помочь.

– С чем?

– С пациентами. То есть с клиентами. Ты понял.

– Можешь приехать в любое время с десяти до семнадцати. Ты же знаешь, как попасть к нам?

– Смогу быть завтра в двенадцать.

– Если это так срочно... да, договорились.

– Спасибо. Спокойной ночи, Ренс. – И Жаклин положила трубку.

День кажется совершенно неплодотворным и пустым. Я поднимаюсь в спальню на второй этаж, ложусь на голый матрас и включаю телевизор. Посмотрев серию «Далласа» и половину девятичасовых новостей, чувствую голод. Я спускаюсь на кухню, цепляю из холодильника недоеденные картофельные шарики с селёдкой. Каризма отирается у ног и завистливо шевелит крошечным кожаным носом. Я награждаю оголодавшего порцией дополнительного корма и отправляюсь в кабинет.

Если честно, я не знаю, зачем мне кабинет, я никогда не использовал его по назначению. Это что-то сакральное – он просто должен быть. Я сижу и смотрю на тревожный интерьер картины Хоппера. Из-за дополнительной секции книжного шкафа пришлось снять её со стены, и теперь она просто стоит в углу, словно портал в иной мир.

Заканчивать этот день на ноте Жаклин я не хочу, и требуется как-то себя развлечь. Из немногочисленных записей в музыкальной тумбе я выбираю «Японский альбом» Аструд Жилберту. Его подарила Джейн на день рождения, и пластинка стоит запакованная почти год. Нужно послушать хотя бы раз, и я поднимаю запылившуюся крышку проигрывателя. Деликатный суховатый девичий голос заставляет смущаться. Становится неловко за эту несчастную селёдку. Я быстро доедаю, отношу тарелку на кухню и понимаю, что хочу послушать пластинку до конца. Я будто на свидании, и для упреждения стеснения требуется немного алкоголя. Певица так аккуратно подбирается к каждой ноте, что хочется подносить их ей на ладони. Второй стакан бурбона растворяет барьер между нами. Я представляю себя со стороны, вижу свой дом в темноте с единственным горящим окном, вокруг шевелятся чёрные кроны. Кажется, я учусь получать удовольствие от одиночества. Куда девать глаза, когда слушаешь музыку? Можно разглядывать конверты – этот, например, чёрный, с надписями на японском и нечётким изображением певицы, которая напоминает саму Джейн. Я откладываю конверт и закурываю,

выхожу на улицу и понимаю, как громко звучит музыка. Это меня не смущает, даже по-хулигански бодрит. Всё будет продолжаться, пока я этого хочу. Я возвращаюсь в дом, дослушиваю пластинку, осторожно нажимаю кнопку – фоновый шум исчезает. Примерно минуту я стою в тишине, на сетчатке висит негатив зелёного прямоугольника. Я обещаю себе, что этот вечер будет эталоном времяпрепровождения дома. Тут я буду праздновать всё, что захочу, и всё, что понятно лишь мне одному. На этой мысли, словно укладывая её спать, я тихонько выключаю торшер и выхожу.

Побродив немного по дому, я отправился в спальню. Несмотря на все сегодняшние конфликты, день закончился неплохо. Приятно осознать, что я не разучился получать удовольствие. Является ли одиночество обязательным условием для этого? Не важно.

Лёжа в кровати, я думаю о появлении Жаклин после трёх лет – оно застало меня врасплох. Бывает ли вообще, чтобы после такого долгого перерыва никто не был сконфужен? Может быть, такие встречи в принципе неестественны – раз уж вы так давно не общаетесь, то и не нужно начинать? Но проблема не в этом. Её осведомлённость – именно она стащила предпоследнюю рубашку с моих плеч перед погружением в ледяную воду.

* * *

Я проснулся в пять утра в лёгком похмелье и тревожном состоянии. Накопилось много нерешённых вопросов, и все они, соревнуясь, всплыли именно сейчас.

Я лежу с открытыми глазами, уставившись в древесный паттерн на потолке. Не могу понять, что беспокоит меня больше – странные отношения с Джейн, ситуация на работе или история с домом на Юге. Ещё эта внезапная всезнайка Жаклин. Почему люди так делают, почему сразу не говорят, что им нужно? А если бы я отказался с ней встречаться? Наверное, Джейн права – нужно поехать и увидеть тётин дом, иначе сама по себе эта проблема никуда не денется, а воспоминания так и будут бродить, как в ржавой консервной банке. Нужно сдвинуть это с мёртвой точки, и неважно, в какую сторону. Кажется, Джейн что-то скрывает от меня. Может, дело не в ней, а в моём освободившемся внимании? Мне скучно, и я начал смотреть на что-то, кроме себя? Что, если у неё кто-то появился? Как я отреагирую? Мы перестанем общаться? Хочу ли я знать, кто это? Точно не тот француз с выставки, слишком банально. Эти дурацкие совещания, я с каждым днём чувствую, что теряю власть. Даже не власть, а точки, к которым раньше мог себя применить. Власть сама по себе мне ни к чему. Кажется, теперь я балансирую между тем, чтобы быть ненужным и мешать. Что за странные лесные поставки? Нужно ли с этим что-то делать? Надо начать с чего-то одного, с чего-то простого и очевидного.

Так я пролежал до будильника, а потом, как обычно кукожась от утреннего холода, отправился к машине, сдвинул дворниками росу с лобового стекла и поехал в офис – наблюдать за тем, как вокруг меня всё происходит.

До встречи с Жаклин полтора часа. Сидя в кабинете после очередного бестолкового совещания, я пытаюсь угадать, о чём же она хочет поговорить. Не люблю сюрпризы.

Я знаю Жаклин де Конинг десять лет. Сначала она работала педагогом и психотерапевтом, но большую часть времени курировала молодёжные проекты – внедряла всякие инструменты в культурные обучающие программы для неблагополучных подростков и инвалидов. И тогда её очень заинтересовали наши с Брайаном разработки, мои наблюдения и всё, чем мы были увлечены. Последний раз, когда мы виделись с Жаклин, она занималась частной практикой и с подростками уже не работала.

Мы познакомились в буфете «Синерамы». Она привела на фильм «Беспечный ездох» группу ребят, но они сидели поодаль, и казалось, что она одна. Я наблюдал за ней, а затем

спросил, на кого она оглядывалась весь фильм. Это был первый случай, когда я решился перевести «близкий контакт третьей степени» в непосредственный. Она понравилась мне как женщина или, скорее, как старшая сестра. Была в ней какая-то надёжность и обстоятельность. Мне нравилось, как заботливо она рассказывает про подопечных, нравилось, как завязывает шёлковый шарф вокруг шеи и как перебирает крошечное зеркальце в руках, пока думает, – словно фишку казино. Тогда она казалась подходящим вариантом, чтобы вывести мои наблюдения в свет и как-то применить. Наше знакомство и праздный интерес друг к другу перерос в работу, суть которой, в двух словах, была в том, чтобы у людей с нарушением, например, зрения генерировать переживания, близкие к тем, которые получают люди при просмотре кино или других визуальных произведений. Для людей с нарушением слуха то же самое предполагалось с целью генерации эмоций от прослушивания музыки и так далее.

У нас начало получаться, и мы были на финишной прямой к тому, чтобы перевести наш проект из чисто теоретического в экспериментальный. Но это требовало вложений, и Жаклин подалась на грант, который так и не смогла выиграть. В целом проект был весьма сложен, так как приходилось работать с каждым испытуемым индивидуально – длительные и трудоёмкие тесты, анализы и горы данных, описывающих эмоциональное состояние лишь одного человека в определённый момент времени.

Однажды Брайан решил, что нужно не просто добиться специфической и индивидуальной эмоции от чего-либо, а дать возможность реально увидеть и предоставить испытуемым выбор, какие эмоции почувствовать. Позже выяснилось, что именно эти смелые фантазии и напугали Жаклин. Нам же это безумием не казалось, и мы продолжали работать, но, удивившись в том, что с настоящим мы не справляемся, переключились на прошлое. Жаклин эту идею считала глупой: зачем менять то, что уже прошло? Мы с Брайаном думали иначе.

Мы собирались расширить возможности методики – научиться вызывать эмоции по целому комплексу причин. Это могли быть не просто картины из музея Бойманса или концерты Баха, а полноценные жизненные ситуации, большие массивы переживаний. И задача состояла не в том, чтобы заново воспроизвести эмоцию, – это было промежуточным этапом. Задача состояла в том, чтобы пережитую эмоцию скорректировать и зафиксировать в нужном виде в памяти. Чтобы опробовать методику, нам нужен был живой человек, ведь субъективную эмоциональную реакцию могло описать лишь существо, обладающее языком и абстрактным мышлением, чем не могли похвастаться мыши и кролики. Наши эксперименты и фантазии порой были так смелы, что это вконец напугало Жаклин, и однажды наши пути разошлись. Сейчас, спустя годы, я почти уверен, что история с грантом имела иной финал, но Жаклин решила оградить от нас своих подопечных, так как мы зашли слишком далеко.

Первый испытуемый, однако, появился именно благодаря Жаклин. На свидании мужчина поделился с ней историей о том, как долго строил дом в прекрасном месте, вложил много сил, но теперь никакой радости не испытывает, так как за время, пока он этим занимался, его цели размылись, жизнь изменилась и фантазия о доме поблёкла. А вместе с ней и сам дом. В общем, дом этот и всё, что с ним связано, он ненавидел всем сердцем за потраченное время, силы и бесконечные конфликты с родственниками и бывшей женой. Одинокая Жаклин рассудила, что это намёк – мужчина хочет начать жизнь с чистого листа и взять Жаклин в качестве спутницы. И после очередного бокала, поняв, что птичка в клетке, Жаклин роняет пару слов о знакомых студентах, которые как раз работают над проблемами отягощающих воспоминаний, но пока что ошастливили только пару сотен белых мышей и десяток кроликов, однако вот-вот возьмутся за существ покрупнее. Уверен, вечер тот закончился вполне логично, но информация о «студентах» засела у дядьки в голове так глубоко, что он отыскал нас. После нашего опыта с этим мужиком Жаклин продолжала принимать его в своём кабинете психотерапевта, несмотря на этические противоречия. Кажется, любовь у них так и не сложилась. Но важнее

то, что мы стали отправлять к ней испытуемых и это помогало следить за действием наших разработок. Затем она исчезла, и вот звонок...

Надя уведомляет меня, что Жаклин де Конинг тут и ей назначено на двенадцать.

Жаклин делает пару шагов вглубь кабинета и осматривается, будто не сразу меня замечает, поворачивается и сдержанно улыбается. Надя стоит в дверях. Есть у неё такая привычка – провожать посетителей женского пола, убеждаться, что они заняли безопасную для меня позицию и настроены дружелюбно. После их непродолжительного зрительного контакта я снова становлюсь объектом внимания Жаклин.

На ней чёрный пиджак, кремовая блузка и узкая юбка по колено, волосы в строгом пучке. Она не постарела и так же привлекательна. Жаклин напоминает скорее англичанку, чем немку: тонкая структура лица, высокие скулы, серые глаза и округлые тяжёлые веки, острый нос словно держит подвешенными слегка тревожные губы. Всё это складывается в образ спокойный, уравновешенный и непринуждённо элегантный. Лишь при близком рассмотрении на лице заметны мелкие морщинки вокруг глаз и уголков рта, которые выдают в ней какую-то бытовую внезапную одержимость. Объектом такой одержимости в своё время был я. Для остальных она всегда та, кем кажется при первой встрече. Женственность Жаклин скорее властная, чем мягкая и податливая, и стиль поведения и речи всегда предполагает безоговорочное послушание.

Кабинет наполняется запахом незнакомого мне парфюма. Перед тем как сесть, Жаклин крепко меня обнимает. Прижавшись щекой к волосам, я будто чувствую движение её скулы, чувствую, как её глаза закрылись в секундном успокоении. Высвобождаясь, она по-матерински придерживает мои локти, осматривает снизу вверх, будто проверяя, всё ли на месте. Слегка обескураживающее поведение было в стиле Жаклин, ей важно это эмоциональное выравнивание, и выравнивателями служат различные приёмы – объятия, прикосновения и всякие штучки, которые должны погасить лишнюю энергию и настроить на нужный лад. Я, впрочем, никогда не был против этих манипуляций – наши с Жаклин тактильные отношения в зоне её пространства имели долгую историю, но носили характер скорее родственный, чем любовный.

Совокупность характеристик Жаклин вполне устраивала нас с Брайаном в начале карьеры, и мы, как две запуганные кобры, замороженные мелодией дудочки, выползли из мешка и послушно вились. Нам нужен был наставник и кто-то, способный вытащить нас из берлоги на свет, привести в чувство, умыть и показать людям. В сочетании с её женскими качествами всё работало прекрасно. Но мы выросли, и эта магия перестала работать. Жаклин превращалась в странноватую занудную женщину с комплексами по поводу власти и неразрешённых семейных проблем. У неё этого не более чем у остальных в её возрасте, тем не менее шарм иссякал, дудочка играла всё тише, и она теряла авторитет наставника. Сейчас же Жаклин, напротив, выглядит свежо и уверенно. Так бывает, когда долго не видишь знакомого и в памяти о нём остаётся только хорошее. Лучше бы она и дальше сидела передо мной и молчала.

– Рада тебя видеть. Рада, что ты хорошо выглядишь и у вас всё получилось, – громко и тоном чуть выше привычного проговаривает Жаклин словно заготовленную фразу.

– Точно рада? – усмехаюсь я. Наконец-то чувствую себя взрослым с ней. Не до конца, конечно, но теперь для неё я точно не ребёнок. Возможно, брат. Хоть и не равный, но по крайней мере вполне состоявшийся младший брат. Двоюродный.

– Как Джейн? – не реагирует на мой флирт Жаклин.

– Всё хорошо, она открыла галерею, как и мечтала, – продолжаю важничать я.

– Прекрасно. – Жаклин задумывается и смотрит в сторону. Затем продолжает чуть громче и чётче: – Прекрасно, что есть люди, которые могут позволить себе делать то, о чём мечтают.

– Как у тебя дела? Давно не виделись.

– Я в общем занимаюсь всё тем же. Не хочу нагонять тоску: помню, ты быстро устаёшь от досужей болтовни.

– Я же сам спросил.

– Моя жизнь не так динамична. – Она кладёт ногу на ногу, открывается белое колено, руками в замке она обхватывает его, настраиваясь на деловой лад. – Расскажу, зачем пришла.

– Хочешь чего-нибудь? – Я, продолжая вспоминать правила этикета, приподнимаюсь с кресла.

– Да, воды. Я помню этот роман, ты читал его тогда, в наших поездках.

– Какой? – я поворачиваюсь в сторону, в которую нацелен нос Жаклин.

На полке среди немногих выставленных из коробки старых книг сиротливо лежит роман «Цветы для Элджернона» с замятыми углами обложки.

– Да уж, эта книга добавляла меланхолии к нашим и без того «весёлым» каникулам. Как ты запомнила, что я читал её? – Вопрос был глупым: Жаклин запоминала всё, что со мной связано.

– Мне нравились эти каникулы. Мы были как семья, нельзя недооценивать это. – Жаклин внимательно разглядывает кабинет.

– Пожалуй. Но без многого я бы, пожалуй, смог прожить. – Я чешу в затылке.

– Знаешь, всё это время я думала о том, какую роль я сыграла в ваших делах. Я всегда считала, что человеческая мысль, память – продукт из тончайшего шёлка и ничего лишнего туда вплести нельзя.

– Оказалось, можно, – говорю я по-злодейски. – Но да, Коч тогда знатно упарывался. Пару раз я даже думал, что вот-вот он пропадёт с радаров.

– Я чувствую вину. Я не смогла предостеречь вас от опасности, была занята другим – собой.

– Дети выросли, так ведь?

Она не ответила. Странно и несвоевременно слышать всё это сейчас от Жаклин. Я не хочу спорить и освежать память, но по большому счёту не то чтобы она пыталась нас переубедить – скорее, боялась испортить свою репутацию. Сейчас я сижу и жду, пока она перейдёт к сути. Но Жаклин продолжает прелюдию.

– Нельзя было нам этим заниматься с самого начала. Нарушать естественный процесс, понимаешь?

– Тем не менее ты возилась с нами.

– Мы попали в зависимость друг от друга. Я была против вашего проекта, но не могла вас бросить, особенно... – Жаклин замолчала, будто забыла что-то. – ...Брайана. Не тогда. Он бы просто погиб. Сейчас я чувствую вину за эту глупость. Я была малодушна.

– Джеки, мы не можем вернуться в прошлое, – не выдерживаю я и повышаю голос. – Ты говорила, что у тебя есть предложение. – Я вынужден выдернуть её из воспоминаний. Вся эта остаточная сентиментальность и ностальгия звучит сейчас нелепо и надменно.

– Было и приятное. Мне нравились наши с тобой сеансы психотерапии. Но теперь между нами барьер. – Она кладёт обе руки на стол ладонями вниз, будто он и есть барьер.

– Я бы не называл это сеансами. Мы просто подолгу болтали и смотрели друг на друга.

– Жаль, что это закончилось.

– Что ж... – мысленно развожу я руками.

– В общем, я долго думала над всем этим и решила, что не брошу вас. – Жаклин встала, расправила юбку, сменила позу и на мгновение задумалась, затем наконец принялась излагать суть: – В течение нескольких лет моя деятельность была сопряжена с поездками в психиатрические лечебницы, и выяснилось, что многие из них пустуют.

– Было бы лучше, если бы наоборот?

– Есть весьма приличные, красивые, прекрасные здания, – не реагирует она на мой сарказм. – Они, конечно, требуют ремонта и вложений, но я считаю это несравнимо меньше, чем последствия, которые могут повлечь случаи с побочными эффектами от ERA.

У Жаклин есть дурацкая особенность начинать мысль не с начала, а с плохого. Сама мысль может быть вполне собранная, но не её вербальная часть. Такие речевые особенности порой делали невозможным понять её. Я решаю прикинуться дураком, так как любое недопонимание сейчас может сыграть против меня. Чтобы избежать манипуляций, я переспрашиваю:

– Прости, я не совсем понимаю, что ты предлагаешь. При чём тут психиатрические лечебницы?

– Мы можем использовать их для несчастных.

Под несчастных в моей ситуации попадают все клиенты: и больные, и здоровые.

– Случаи участились, и больше нельзя это скрывать. – Она продолжает ходить вокруг да около, но я не сдаюсь:

– Конкретнее, Жаклин, пожалуйста. Какой проект ты хочешь предложить?

– Реабилитационный центр, – наконец выдыхает она. – Мы создадим условия для содержания и лечения этих людей.

– Да, но их не так много. И к тому же, сделав это, мы признаем, что причиной их недугов стал ERA, а это не совсем так.

– Совершенно необязательно. Во-первых, можно сделать всё не явно. Твоя компания может спонсировать любую психиатрическую клинику, а моя задача – направить туда нужных людей и назначить им терапию.

– Ты даже не знаешь, от чего их лечить.

– Все известные случаи имеют похожие черты, и я начала их изучать.

– Все?.. – Я вспомнил слова Марка о том, что потерпевшие как раз, наоборот, жалуются на разное.

– Двое моих клиентов заявили, что принимали препарат, и ещё несколько не являются клиентами, но я познакомилась с ними в клиниках.

Почти каждая фраза Жаклин вызывает минимум два вопроса, а мне приходится выбирать один, самый важный. Её приёмы заставляют меня окончательно расчехлить комплект былых эмоций. Я начинаю раздражаться и видеть всё больше морщин на лице Жаклин.

– К тебе ходят люди, которые жалуются на наш препарат, и ты только сейчас об этом сообщаем? – Мне вдруг стало совершенно неудобно сидеть в кресле, и я заёрзал.

– До этого момента они просили не сообщать. Это врачебная тайна. И жалуются они не на препарат, а на своё состояние.

– Ясно. А когда они жаловались, они знали, кто ты?

– В каком смысле?

– Они знают, что ты участвовала в проекте и не можешь заниматься терапией по этому вопросу?

– Я не считаю себя причастной напрямую. К тому же считаю, что должна помогать людям и не важно, каким образом.

– По-моему, ты сама себя запутала. – Я не уверен, что хотел сказать именно это, и лишь оформил в слова возмущение.

– Я хочу помочь вам и им, это всё. Ренс, ты стал слишком подозрителен.

– У меня появилась ответственность. И моя «подозрительность» помогает мне не обращать внимания на всяких идиотов и не скатываться в беспочвенные подозрения и теории. – Конечно же, я слукавил: именно беспочвенными подозрениями и теориями я и занимаюсь последние пару недель.

– Ты не о том думаешь. Важно лишь то, что я хочу помочь и предлагаю решение. Давай попробуем, пожалуйста.

Я встаю из-за стола и иду к окну. Помимо соседнего здания, видно серое небо и кусок города с машинами. Что-то в этой истории не клеится. С чего вдруг Жаклин из-за пары пустых жалоб выдумывать целый реабилитационный центр? Но, может быть, и правда я стал слишком

подозрителен – все эти пустые разговоры вокруг совсем меня доконали, а это станет шагом вперёд. Почему я так враждебен к ней? Мы действительно ничего не потеряем, в худшем случае отдадим деньги на благотворительность. Жаклин хоть и не умеет читать мысли, но прекрасно знает, о чём я сейчас думаю, поэтому молча ждёт. Через минуту я возвращаюсь к столу и продолжаю:

– У тебя есть план? Ты же понимаешь, мне нужно что-то показать партнёрам.

– Конечно, вот, – она достаёт из кожаной папки стопку бумаг с таблицами и расчётами.

– И... что тут? Парикмахерскую открываешь?

– Тут изученные мной люди. Опросы и их личные дела. Некоторые аналогии и намётки по поводу терапии. Пока что я предлагаю когнитивно-поведенческую, экспозиционную и за счёт изменения их образа жизни – нужно создать наиболее благоприятные условия, чтобы это не выглядело как психиатрическая больница. Возможно, какая-то профессиональная практика для тех, чей образ жизни предполагает работу или хобби. Всё остальное – это информация о том, как нужно оборудовать эти центры, варианты расположения и расчёты по инвестициям.

– Инвестициями это сложно назвать, – качаю я головой, пытаюсь разобраться в бесчисленных таблицах.

– Поначалу да. Но кто знает, вдруг мы решим вашу проблему и получится принимать платных пациентов? Пока об этом рано думать, но исключать совсем я бы тоже не стала.

– Четыре тысячи в месяц на человека. Кажется, я сам себе обхожусь дешевле. Эта сумма включает все расходы на проживание и уход, в том числе на обслуживающий персонал? – В таблицах я дошёл до финансовой части.

– Да, я для ясности свела всё к общей сумме, но по ходу дела мы ещё с этим разберёмся. Из-за индивидуального подхода суммы на каждого будут различаться. Возможно, получится договориться о льготной аренде. Многие больницы находятся в плачевном состоянии, и местные власти хотят их восстановить, готовы содействовать.

– Понятно. – Я складываю всё обратно в папку и кладу перед собой на стол, прижав ладонью. – И ты будешь этим заниматься одна?

– Нет, не одна. Кое-кто из моих студентов согласился помочь. Надеюсь, ты тоже не останешься в стороне.

– В роли твоего студента?

– Ренс.

– Ты многим про это рассказала? Не боишься журналистов?

– Нет. Я говорю только то, что нужно. Всё самое важное находится в этой папке, и о ней знаем только мы.

– Знаешь, им достаточно лишь намёка... – качаю я головой. Но эти комментарии уже формальны, Жаклин поняла, что ей удалось меня убедить.

– Я понимаю, я не дура, Ренс. Есть ещё одна проблема. У нас нет для этих людей основной, направленной терапии.

– Ты же мне назвала что-то.

– Это не основная, это поддерживающая. Она нацелена на то, чтобы снять тревожные состояния и среда, в которой они живут, не ускоряла процесс их разрушения. И так как мы до сих пор не знаем причин, почему у одних препарат срабатывает как надо, а у других даёт такой эффект, мы не знаем, как направленно лечить, понимаешь?

– А какой эффект?

– В папке всё есть, изучи.

– Джеки, пойми...

Я сажусь глубже в кресло и задумываюсь, смотрю сквозь неё, в окно в дальней стене, а через него – на окно в соседнем здании. Интересно, как бы себя повёл мой двойник, что бы он ответил сейчас? Я мысленно приближаюсь к этому окну так близко, что уже будто вишу между

зданиями, заглядываю внутрь и вижу второго себя сидящим за столом с точно такой же папкой. И ровно в этот момент, когда я нахожусь в метре от окна, прямо передо мной опускаются жалюзи.

– Ты в порядке? – Жаклин пытается поймать фокус в моих глазах.

– Да. Пойми, ты пришла сюда, имея некоторое мнение на этот счёт. У тебя есть пациенты, и ты бывала в разных местах, но...

– Что, в чём сомнения?

– Помимо того, что мы не знаем, как лечить это, мы даже не знаем... Когда я говорил, что мы скомпрометируем себя, я имел в виду, что я не уверен, что всему виной препарат. Понимаешь? Всё, что ты говоришь, и это, – я ласково глажу папку, – очень важно и действительно может помочь, но только при одном условии – пациенты действительно будут «нашими», понимаешь? Иначе мы потратим деньги на то, чтобы вконец опозориться.

– Люди, которых я изучила, больны. По-настоящему. Все они принимали ERA. Я это знаю точно. Динамика их болезни абсолютно нетипична, понимаешь? Это нечто новое, не связанное ни с депрессиями, ни с наркотиками.

– Я тебе верю. Мало того, скажу честно – я сам в глубине души осознаю, что препарат способен на нечто большее, чем просто «улучшать» воспоминания.

– Вы обсуждали это с Брайаном?

– Да, но ты знаешь его, он не любит говорить о последствиях. Я не давлу на него и не хочу лишний раз разжигать его фантазию.

– Бережёшь его?

– Не совсем. Вся его энергия направлена в одну сторону – изобретать. И иногда у него едет крыша. Не уверен, что сейчас нам это нужно.

– Согласна. – Жаклин произнесла это как-то неуверенно, поправила волосы и снова оглядела кабинет.

– Спасибо, что веришь в меня, и за твоё предложение. Мне надо хорошенько всё обдумать, понять, как это презентовать остальным.

– Главное, что я убедила тебя. Мне ведь удалось?

– Скорее да, чем нет. – Я не стал рассказывать Жаклин про конфликты и кризис управления, но, кажется, она и так поняла: с интуицией у неё всё в порядке.

– Мне приятно видеть, что в чём-то ты не изменился. – Сказав это, она встаёт и подходит к двери.

Я выпускаю её, прощаюсь и провожаю взглядом между рядами офисных столов до самого лифта. В чём конкретно я не изменился, я не понял.

Я попросил Надю назначить совещание на вечер, а сам пошёл изучать содержимое чёрной папки. Читая истории болезней, я по частям начал собирать общую картину и осознавать серьёзность ситуации. Брайану я решил рассказать об этом позже.

...Как ни странно, мне всё же удалось убедить партнёров в значимости проекта Жаклин. Понимаю, что в этом согласии есть доля снисходительности, но сейчас эмоциональная составляющая не так важна. И это тоже можно отпраздновать.

8. Автобус

На следующий день я принялся разбирать коробку с фотоальбомами. Захотел найти что-то связанное с детством и домом на Юге. Эту коробку в числе остальных я привёз в офис во время переезда из старой квартиры, и она оставалась нетронутой, пока из других я доставал нужное. Я специально храню старые фотографии тут, на работе, – таково было условие переезда в новый дом – никаких ассоциаций с прошлым.

Как обычно бывает при просмотре старых фото, я увлёкся, и у меня в руках уже четвёртый альбом – последние классы школы, общие фото, я заправляю футболку в красные шерстяные брюки, все мы одинаковые, как амиши. Интересно, почему я сейчас ни с кем не общаюсь? Будто я не знаю ответ, – одноклассники и тогда не особо были мне интересны. Из рассказов мамы я узнал о судьбе некоторых. Вот, например, мой товарищ Йос ван ден Бринк. Спокойный парень, стал неплохим инженером, строит дамбы. Первые несколько лет после школы мы общались. Придурок Роми де Врис – мог только заниматься спортом и пинать меня и остальных слабаков. Скорее всего, сейчас тренирует детей в бесплатной секции или спился. Старина Франк любил науку, как и я, но мы с ним не сошлись характерами: я считал его слишком отбитым парнем. Потом я познакомился с Кочем, и Франк стал казаться безобидным ботаником по сравнению с ним. А это Николет с нелепой стрижкой. Чёрт, никогда не обращал внимания, какая она кудрявая и щекастая. Сейчас она кажется очень даже симпатичной. История о ней ограничивается лишь тем, что она рано вышла замуж. Ещё бы, с такими-то щеками. Мартин Мейер работает в нашем офисном здании на восьмом этаже. Кажется, фирма занимается удобрениями. Никогда не видел его на парковке – скорее всего, живёт рядом и ходит пешком. Рик. Можно было предположить, что его постигнет та же участь, что и Роми: они вместе занимались спортом, помимо нашей секции, но я уже тогда понимал – Рик Берендс не так прост. Кто тут ещё? Франсин тоже строит мосты и осушает земли. Эмбер Стивенс – она любила театры и... Эмбер? Не может быть. Это же была Эмбер, там, у моего дома! Я рассматриваю её фотографию ближе, но не понимаю зачем – я и так точно знаю, что это она. Минутка ностальгии превралась. Я вытаскиваю фотографию из альбома, будто блеск целлофана мешает мне лучше её разглядеть, остальные фотографии небрежно собираю и кидаю обратно в коробку, отпихиваю ту в угол. Я не могу оторвать взгляд от снимка, на ощупь добираюсь до кресла, держа фотографию кончиками пальцев, как ценный древний документ.

Как-то слишком много мыслей возникло, будто кто-то закинул в палитру новый цвет, которым теперь надо дополнить все старые картины. И что дальше? Она существует, и она знает, где я живу, – это пугает меня? Я не могу понять, что меня больше поражает – что я не узнал её сразу или что это именно она. Почему она так поступила? Она понимала, что это мой дом, или это нелепая случайность? Надо разобраться. Она была в свадебном платье. И что? Нет никакой логики. Совершенно непонятно, что произошло, виноват ли я или дело в препарате. Стоп, она до сих пор в полиции? Вряд ли за такой проступок положено так долго держать людей. Нужно позвонить тощему офицеру и сказать, что я её узнал и чтобы от неё отвязались. А если она действительно не в себе? Даже если и так, вряд ли она убьёт меня или что-то сделает – с чего бы ей держать на меня зло? Но ведь она сделала то, что сделала, – стало быть, зло всё-таки держит.

Я сижу и усиленно пытаюсь вспомнить любые детали нашего с Эмбер школьного сосуществования. Мы нечасто общались, она увлекалась танцами, музыкой. Некоторые считали её не от мира сего, но мне она такой не казалась, так как сам относился к этой категории. Возможно, она пыталась поступить в ту же академию, что и Джейн, но не уверен. Совершенно не знаю о её судьбе после школы. Может, она хотела выйти замуж и у неё что-то не получилось? Но опять же, при чём тут я? Всё это не важно, нужно позвонить офицеру. Да, и потом

позвонить Рику, вдруг он знает про неё что-то. Или нет – он может заподозрить неладное. А тут есть неладное?

Я налил выпить и, походив кругами по кабинету, кое-что вспомнил. Со стороны Эмбер пару раз были попытки подружиться со мной. Это было немного нелепо, но сейчас я понимаю, что возможно... страшно представить... но что, если она была влюблена в меня? Хорошо, допустим, это так. А что сейчас? Для чего она приняла препарат? Неужели обвиняет меня в своём несчастном браке? Может, она призналась своему возлюбленному, что на самом деле любит только меня или что-то в таком духе... Фантазировать на эту тему я могу бесконечно, почему-то меня это очень увлекло. Зато теперь я знаю, что это она, а не какой-нибудь маньяк. Но так ли я уверен, что она безопасна? Ведь маньяки тоже когда-то учились в школах. Женщины вообще бывают маньяками?

Побродив по кабинету минут десять, я принялся ощупывать куртку и карманы штанов. В результате найдя-таки номер телефона, снял трубку и почти начал набирать номер, но повернулся в сторону окна в коридор. Там, между полосками жалюзи, мелькнул силуэт женской спины и бёдер, и я понял, что сейчас, после нажатия последней цифры, в трубке раздастся слегка заметный щелчок, причиной которого будут не помехи и даже не установка сигнала на подстанции. Это будет Надя, которая способна через стекло и закрытые жалюзи почувствовать надвигающуюся порцию классных сплетен и незаметно, как она считает, втиснуться между мной и собеседником. Всё это время особенных секретов у меня не было, а моя болтовня с Риком о футболе ей быстро надоедает. Пару раз мы специально минут десять обсуждали один-единственный пас ван Ханегема Тео де Йонгу, пока не дождались характерного щелчка, после чего я начал специально хохотать через каждые пять секунд, громко выкрикивать кодовые слова-триггеры – фальшивые подробности личной жизни, на которые могла повестись Надя, и поглядывал на неё через стекло. Но сейчас лишние уши мне ни к чему, и я решаю куда-нибудь её спровадить. Подходящими направлениями были дела, связанные с романтикой и домашним уютом, например покупка цветов. В этом, по мнению Нади и многих женщин, мужчины разбираются из рук вон плохо, и уж на что и нужны секретарши, так, например, для подобных поручений. Сформировалось задание – сходить за цветами якобы для офисной кухни. Я видел, как она периодически покупает туда цветы, и решил, что дело это для неё вполне привычное. Для правдоподобности выхожу с чашкой из кабинета и не торопясь следую в кухню. Постояв несколько минут у кофеварки, возвращаюсь.

– Надя. Ты как-то покупала цветы на кухню. Наверное, из-за ремонта и этих запахов. Получалось неплохо это скрасить. – Я нелепо машу руками в воздухе, пытаюсь собрать образ то ли букета, то ли кухонной вони. – Может, и сейчас поставить туда букетик?

– Ренс, я покупала цветы потому, что был ваш день рождения. А потом мой. Вы не помните?

– Но ведь ты ставила их именно туда, вот я о чём, понимаешь? И конечно же, я помню, что это были за дни. – Естественно, я ничего такого не помню, и мне становится неловко. – Так что, купишь что-нибудь?

– Прямо сейчас? Я занята вообще-то. – Надя смотрит на меня будто поверх очков, хотя со зрением у неё всё прекрасно.

– Да, почему нет? Думаю, это может подождать. – К слову, я совершенно не понимаю, чем она занята, ведь никаких заданий я не давал.

– Если вам нужен красивый букет для любимой – так и скажите, нечего тут стесняться. – Надя подходит ко мне ближе, поднимается на носочки и говорит всё это шёпотом. В такие моменты очень сложно сопротивляться, но я не сдаюсь.

– Нет, это не для подруги, – отвечаю тем же шёпотом, затем отступаю на полшага, пытаюсь сохранить остатки личного пространства. – Нужен душистый букет... на кухню. Может, лилии

или... хочется немного украсить это унылое место. Понимаешь? И вообще, такая погодка на улице...

– Я вас поняла. Конечно. Эта ваша скрытность. Я выберу подходящий. Лучший. – Она говорит это на выдохе, опуская голову на каждой фразе, будто соглашаясь сама с собой.

– Не сомневаюсь. – Я встаю рядом, даю понять, что жду её ухода.

Надя немного опешила, затем осмотрелась, взяла плащ и зонт, суетливо поправила что-то на столе, будто собираясь домой, а не до цветочного магазина, и быстрым шагом отправилась к лифту, иногда оборачиваясь.

У меня появилось достаточно времени для звонка. Я сообщаю офицеру всё, что хотел, но он удивлён моим хлопотам, ведь девушку отпустили в тот же день. Так или иначе, на этом я считаю свою миссию выполненной.

Расквитавшись с этим, я упираю взгляд в потолок – в голову залетают новые мысли. Рассказать ли Джейн? Всё-таки она помогала мне справиться с ситуацией и наверняка захочет знать правду. А какая правда? Что одна из моих одноклассниц приняла мой препарат и сошла с ума или наоборот? Всё остальное, про влюблённость и так далее, – мои фантазии. Подозрительно приятные фантазии, а стало быть, Джейн об этом знать точно не нужно.

Есть риск, что Эмбер захочет сотворить ещё какую-нибудь шалость. Но что поделать?.. Пожалуй, я готов немного развеяться и поехать на Юг, посмотреть дом. Чего я боюсь? Неужели это место окажется не таким прекрасным, как в моих воспоминаниях? Или я боюсь встретить людей, которых подсознательно избегаю?

Обычно я путешествую на машине, но, взглянув на карту, понимаю, что не готов пускаться в двухдневную поездку. Полечу на самолёте.

Надя появляется с пышным букетом роз спустя час с небольшим. За это время я мог обзвонить всех – и живых и мёртвых.

– В Голландии закончились цветы?

– Я всегда выбираю лучшее. Отойдите, пожалуйста, – Надя лёгким движением локтя двигает меня в сторону и заходит в кабинет, где деловито находит вазу для букета. Первый раз её вижу.

– Я бы не хотел, чтобы ты ставила эту вазу туда: мне её девушка подарила и она не подходит для кухни.

– Почему вы называете её «девушка»? Её зовут Джейн, мы с ней знакомы. Она у вас очень хорошая. Ни на какую кухню я ничего ставить не собираюсь. Как такие цветы можно на кухню? Их же там обдерут.

– Обдерут?

– И вообще, что вы за человек, – почему нельзя сказать, что цветы для Джейн? Скажи бы, что за повод, – было бы проще, а так пришлось три квартала обойти по холоду. Смотрите, какая лента.

Лента и правда красивая.

– Надя, пожалуйста...

– Очень давно, кстати, здесь не было Джейн. Как у вас дела? Это, конечно, не моё дело... – Надя суетливо бегает вокруг меня с ножницами и всё-таки исчезает на кухне. Кричит оттуда, но я разбираю не всё. – Последний раз она выглядела очень воодушевлённой и свежей! Но почему она больше не заходит в гости?

Я решаю не орать на весь офис, к тому же мне особо нечего ответить. Вернувшись с вазой и цветами, Надя ставит их себе на стол.

– Вы сегодня домой когда пойдёте, возьмите их. Пока тут постоят.

Она крутится ещё немного вокруг стола, поправляя цветы, вазу, предметы на столе, стряхивая с себя невидимую пыль, и наконец усаживается, удовлетворённо складывает руки перед собой.

– Другое дело. А то купила бы сейчас «на кухню». Надо же придумать такое. – Надя выдыхает лишний воздух, успокаивается.

– Надя, вот адрес. Я собираюсь поехать в это место на выходные, забронируй, пожалуйста, гостиницу и билеты на самолёт.

Оставив, как мне кажется, предельно чёткие указания, я собираюсь уходить.

– Ренс, а что гостиница? У меня же родственники там – сестра с мужем. У них дом свой. Живут рядом, километров пятнадцать от вашего этого места. Давайте я им позвоню?

– Позвони. Но гостиницу забронируй.

– Так ведь домашний уют лучше, чем в гостиницах мёрзнуть.

– Это лишнее. – Меня как раз и пугает этот самый «уют». Почему обязательно мёрзнуть?

Чёткость указаний не спасла. Надя очень любит как бы вариативность. Ничего не имеет конечного пути разрешения, и всегда можно рассмотреть ещё вариант, договориться, поторгаться.

– Они хорошая семья!

– Я не сомневаюсь, но при чём тут я?

– Так у них можно пожить, зачем платить? Сейчас несезон, и они могут вам выделить комнатку. А то что вы там в этой гостинице будете есть? К тому же совсем один. – Говоря это, она начинает немного привставать со стула, будто поток информации в ней твердеет и требует более прямого пути из недр тела.

– Я не хочу никого беспокоить, я чужой человек, не стоит за меня переживать.

– Как «чужой»? Мне не чужой, – Надя смотрит мне прямо в глаза.

– Закажи гостиницу, хорошо? Пожалуйста. – Я кладу руку ей на плечо и усаживаю обратно. – Я обязательно навещу твоих родственников в следующий раз, летом. Хорошо? – Делать этого я, конечно, не собираюсь, но только так можно это закончить.

– Как скажете, вы тут босс.

Надя ловко поворачивается на стуле и лезет в ящик за справочником, поглядывая на меня, – стою ли я до сих пор рядом. Отыскав нужное в справочнике, Надя тянется к телефонной трубке. На правой руке на безымянном пальце у неё большое серебряное потемневшее кольцо с коричневым камнем. Если Надя нервничает или изображает, что взволнована, она натирает камень кончиками пальцев, смешно выпрямляет спину и поправляет блузку. К слову, нервничает она постоянно. Она любит все женские аксессуары – шарфы, простые и роскошные украшения: объёмные бусы, обычные бусы, брошки и прочую мелкую чепуху. Красит ногти всегда в один и тот же вишнёвый цвет, аккуратна и пахнет чистотой вперемешку с неизвестным мне подростковым парфюмом. Она не толстая, но ни мышц, ни костей в её теле я не замечал, – всё такое равномерно мягкое, как у выдры или сурка. Надя среднего роста или чуть выше, округлые черты лица, тяжёлый подбородок и мягкая улыбка – губы всегда сомкнуты, и за ними прячутся крупные белые зубы и мощная верхняя десна. Видимо, она этого стесняется. Волосы, густые, светло-золотистые, отливающие рыжиной, она заплетает в толстую косу или укладывает в объёмный пучок. В целом мне нравится её стиль – нордическая внешность и южный характер. Летом под ретушь пудры я замечал у неё веснушки на носу, что на фоне вездесущей серости и бледных рож выглядело весьма свежо. Как секретарша Надя исполнительна, дотошна и находчива, но иногда нервирует суетой и вопросами про личную жизнь, здоровье и питание. В её жизни присутствует культ родственных отношений и завтрака. Сама она одинока, насколько я могу судить. Пару раз пьяный даже хотел пригласить её куда-нибудь, но сдерживался. Добиться от неё педантичности с графиком не удалось – часто она приходит позже или исчезает посреди рабочего дня. Когда я пытаюсь выяснить, в чём дело, она с экспрессией рассказывает, много и громко, иногда переходя на шёпот, приближаясь ко мне слишком близко, или, наоборот, уходит в другое помещение и кричит оттуда, как было сегодня. По её интонации не всегда можно сказать с уверенностью, в каком она настроении и кто из нас

секретарша. В итоге я успокаиваю себя тем, что, когда она мне нужна, она всегда рядом. Надя не любит, когда я прихожу на работу в выходные или остаюсь позже неё. В такие моменты она иногда звонит мне и проверяет. По всей видимости, это связано с тем, что я перестаю быть под её чутким контролем и наверняка плохо питаюсь. Она дочь каких-то советских эмигрантов из Восточного Берлина, но как и зачем она попала сюда, я до сих пор не выяснил. В Советском Союзе, насколько я знаю, она ни разу не была, так что происхождение её экзотических манер для меня загадка. Однажды я поймал себя на мысли, что стесняюсь пить и курить при ней, и в острые моменты предлагаю ей отправиться на обед или за чем-нибудь в магазин, как было сегодня. Партнёры раньше посмеивались над нашими отношениями с Надей, но, оценив её преимущества, заткнулись. Их секретарши скучны и не отличаются ни изобретательностью, ни экзотичностью, ни уж тем более таким знанием фольклора и астрологии. Правда, знакомство Джейн с Надей выглядело будто знакомство невесты с родителями. Я до последнего момента оттягивал этот момент. В результате Джейн стало так интересно, почему я не приглашаю её на работу, что однажды она сама внезапно появилась и познакомилась, с кем хотела. После того как я ей всё объяснил, она очень долго смеялась и ещё полгода припоминала мне, что я прятал её от «красотки-секретарши». А ещё забавно, что иногда Надя сама решает, кого пускать ко мне в кабинет. Например, если с партнёрами мы долго ругаемся в переговорной и Надя понимает суть конфликта, подслушивая сквозь тонкие стены, то остаток дня никто из участников конфликта ко мне не заходит. Как выяснилось позже – Надя им запрещает.

Вечером я таки забрал цветы домой. Не знаю почему, но мне хотелось поддержать фантазию о загадочной женщине, для которой они предназначались. Некоторые подобные игры меня занимают, и что-то внутри требует подчинения и продолжения.

* * *

Я уже забыл, насколько длительными бывают поездки, и в особенности перелёты. Пока я проходил регистрацию и паспортный контроль, началась активная фаза аэрофобии, я видел вокруг знаки, и мои скулы сводило. Два часа, проведённые в аэропорту, утомили, и при объявлении рейса я в числе первых втиснулся в очередь на посадку. Меня встретили добродушные темноволосые стюардессы в красной форме, забавно имитирующие приветствие на неизвестном им языке. Я прекрасно знаю природу своих страхов, но в какой-то момент смирился с тем, что никакие логические объяснения не смогут пересилить простое биологическое нежелание болтаться в воздухе – среде совершенно неестественной ни для кого, кроме птиц и насекомых.

В самолёте свежо, но чувствуются нотки табачного дыма после предыдущего полёта. Я никогда не курю в самолётах – не люблю хлопоты с сигаретами в закрытых пространствах. Алкоголь в самолёте я тоже не люблю, так как употребление спиртного ассоциируется с отдыхом, а тут уж совершенно не до этого. В общем, не люблю я летать и, сидя в самолёте, направляющемся в одну сторону, уже беспокоюсь за перелёт в обратную.

Мы разгоняемся и взлетаем. Я крепко держусь за подлокотники и упираюсь коленями в кресло спереди, от напряжения меня трясёт, но, кажется, это незаметно в общей тряске. Внутренним усилием я расслабляю ушные перепонки так, чтобы слышать всё вокруг. Звук при взлёте великое множество, все они знакомы, тем не менее всегда пугают, я вслушиваюсь так внимательно, что ощущаю связь между звуком, вибрацией и манёврами, пытаюсь понять, достаточно ли синхронно работают шасси, в какой именно момент закрываются люки. Любой наклон, подъём самолёта сопровождается усилием по сжатию подлокотников и попытками наклоном тела выровнять самолёт. Вряд ли я делал что-то глупее в своей жизни. Зачем этот бесконечный писк и лампочки? Может ли пилот вдруг сойти с ума? Люди сходят с ума вот так просто, внезапно? Что в таком случае сможет предпринять команда? Моя вот ни хрена не может.

Самолёт прорывается сквозь слой серых облаков в голубое пространство и выравнивается, медленно сворачивая на нужный курс. Облака под нами становятся единой плотной ровной скатертью, и на них, как на большом столе, лежит солнце, прицельным светом освещая салон. Несколько минут мы летим в закатном полумраке, с резкими тенями в форме голов и подголовников на белой обшивке салона. Тени плывут в сторону кабины пилота и там исчезают. Слышатся удары пластиковых шторок. Самолёт набрал эшелон, повернулся хвостом к солнцу, и после характерного сигнала зазвучали щелчки ремней и чирканья зажигалок. Я немного расслабился. Кто-то встал и принялся копошиться в сумках, разворачивать газеты, шурша ими. Неужели нельзя посидеть полтора часа спокойно? Зачем вам новости земли, пока вы в воздухе?

Рядом со мной сидит седой мужчина с чёрными густыми бровями, похожий то ли на араба, то ли на турка. Он посматривает в моё окно. Заметив, как сильно я сжимаю общий подлокотник, решает завести разговор. Предположение о его национальности подтвердилось заметным акцентом.

– Тоже не любите летать? – он немного наклоняется ко мне и смотрит поверх очков.

– Не представляю, что тут можно любить.

– А представьте, каково космонавтам.

– Они хотя бы не делают вид, что это нормально. Да и вообще, кажется, у них со смертью свои отношения.

– Это точно, – он отстраняется обратно, но тут же дёргается и поднимает указательный палец: – На миллион полётов всего полтора несчастных случая! Это я про самолёты.

– Смотрю, вы изучили вопрос. Но я никогда не любил статистику. Она бесполезна для тех, кто находится в этом одном с половиной самолёте.

– Тоже верно.

Изначально я сидел потеснившись, так как мужчина полноват, но теперь вдобавок он поставил руку на подлокотник и занимает ещё больше места. Я не против, но пришлось сдвинуться к окну.

– Раз уж это так безопасно, – продолжил он, – почему не придумать какую-нибудь штуку, например наркоз? Сразу после регистрации ложишься на кушетку в уютной комнате, тебя насыщают сладковатым газом – и вот ты уже просыпаешься на такой же кушетке, только красно-синего цвета, прилетевший и отдохнувший.

– Или не просыпаешься. – Мне понравилось словосочетание «тебя насыщают».

– Даже если и так, лучше умереть спокойно, чем в панике и тщетной борьбе за жизнь.

– Можно вусмерть напиться и быть в похожем состоянии.

– Это вреднее и сложнее спланировать. Хотя, несомненно, приятнее.

– А если сон не позволит вам принять нужное решение во время полёта, и вы не спасётесь, в то время как все будут спасаться? Вряд ли вас кто-то вытащит на себе в такой суматохе. Вообще, я бы не справился с мыслью о том, что я тут на диванчике, возможно, вижу всё в последний раз.

– Да, есть в этой отсрочке смерти нечто зловещее, как в ящике с тем котом, помните?

Мы пролетаем над германским лесным массивом, и я вспоминаю про загадочные поставки в Дортмунд. Всё-таки нужно туда съездить. Вдруг этот кот уже мёртв? Разговор немного отвлекает от тревожности полёта, и я продолжаю:

– Да, только кот был единственным наблюдателем и мог констатировать факт своей жизни или смерти чуть раньше тех, кто снаружи ящика. Ну как мог – по-кошачьи. К тому же смерть его наступит только в том случае, если он произведёт внутри ящика определённое действие. Мы же совершенно беспомощны.

– Я про то, что, будучи наблюдаемым на радарх другими (котами) – сторонними наблюдателями, мы как бы находимся в суперпозиции, не живы и не мертвы до тех пор, пока не сту-

пим на матушку-землю. Ведь только там наша естественная среда и только там мы сможем оценить, насколько живы. И в отличие от ситуации с субатомными частицами роль наблюдателя тут совершенно не имеет значения.

– Это и порождает страх. А ещё осознание того, насколько может быть бесполезно твоё тело. Схоже с тем, когда не умеешь плавать, – тело двигается, но толку никакого. – Он уже был готов как-то отреагировать на это, но я решил добавить: – Полёт на самолёте – это своего рода крах культа тела, культа, который возник из-за нашей привычки делать с помощью тела всё. – Мысль не моя, и можно догадаться чья: решил опробовать слова Джейн на других людях.

– Интересно. Уверен, в будущем появится терапия, целью которой будет изжить одержимость пассивным контролем.

– Тоже боитесь летать?

– Испытываю неконтролируемую тревогу, мандраж, но у меня есть пара приёмчиков. Могу поделиться.

– Помимо веселящего газа?

– Да, – добродушно усмехнувшись, он выпрямляется, ставит обе ладони рёбрами на подлокотники. – Для начала я пытаюсь работать с неестественностью среды. Вот, например, тряска. Вы же не боитесь ездить на автобусах?

– На автобусах? – зачем-то уточняю я. – Значительно меньше, чем на самолётах.

– Ага. Но трясёт в них сильнее, согласитесь. И ваша нелюбимая статистика говорит о том, что автобусы намного опаснее самолётов. Вы про это наверняка слышали.

– Ещё бы, – я качаю головой, ожидая кульминации.

– Это из-за иллюзии, будто вы контролируете ситуацию, – едете по земле и в любой момент сможете уйти по ней от опасности. Вы смотрите в окно, на дорогу перед водителем, следите за ним, за машинами вокруг – и всё это дарит вам иллюзию контроля. Так вот, я принял это и теперь представляю, что самолёт – это автобус и мы едем по дороге. А если представить, что сидишь за рулём, то вообще прекрасно, ведь тряска – естественный спутник любой, даже ровной дороги.

– Спасибо, теперь я боюсь ездить на автобусах.

– Да ну, что вы.

– Ладно, звучит весьма очевидно, – я отвечаю вежливо, но скептически. Опять эти представления.

– А вы попробуйте. Также можно представить, будто вы плывёте на моторной лодке. Это, скажем так, более релевантно.

– Да, но дело не только в контроле. Если у автобуса что-то откажет, он с высокой вероятностью не взорвётся прямо на ходу, словно наполненный гелием цеппелин. Он остановится и будет стоять. На земле. То же самое и с лодкой – даже если она начнёт тонуть, можно запрыгнуть на дельфина и спастись. Самолёт может либо лететь, либо падать. Второе нам не подходит.

Наши мрачные разговоры привлекают внимание женщины в соседнем ряду. До этого она лишь угрюмо поглядывала на нас, как бы пытаясь понять, кто именно говорит все эти циничные вещи, но теперь решается высказаться.

– Простите! – вытягивается она к моему собеседнику через проход. – Вы не могли бы эти темы оставить на потом? Всё-таки прямо сейчас мы летим в самолёте и не всем интересны ваши разговоры про аварии и смерть.

Не дождавшись ответа, она принимает прежнее положение и отворачивается. Она явно долго планировала эту реплику, и всё, что ей требовалось, – высказаться. Так обычно делают люди, испытывающие в общественных местах безличное напряжение в отношении того, кто, по их субъективному мнению, ведёт себя неподобающе. Кто-то из присутствующих, даже если ему всё равно, должен высказаться, и эта задача падает на плечи того, кто ближе всех. Сняв с себя возложенный обществом крест, женщина забывает про нас.

Выслушав даму, мой сосед поворачивается ко мне с физиономией нашкодившего школьника и продолжает:

– Так вот. – Он пододвигается ближе и немного понижает голос: – В целом так и есть. Но в данном случае мы обмануты чувством свободы выбора. Самолёт может либо лететь, либо не лететь, это так. Но вероятность того, что автобус во время движения врежется в другой автобус или у него оторвётся колесо и он полетит в пропасть, намного выше, чем вероятность любой поломки, даже незначительной, в самолёте.

– Но доля вероятности всё же есть?

– Есть, но сама вероятность крайне мала.

Мы немного подсакиваем в креслах, стюардессы торопливо катят свои столики к концу прохода, а пилот объявляет о зоне турбулентности. Я цепляюсь за подлокотники и напрягаюсь. Кровь отливает от лица, я гипнотизирую кресло спереди, но мужчина спокойно продолжает:

– Вот этого вообще можете не бояться. Я бывал на авиаконструкторском предприятии, и там производили испытания этих самых самолётов – гнули их в разные стороны, роняли с высоты и всячески издевались. Нагрузки любой турбулентности – смех по сравнению с тем, какая прочность заложена. Очень советую сходить туда на экскурсию, многие страхи пропадают.

– Меня удивляет даже не мой страх, а то, почему не все этот страх испытывают. Взять, например, эту женщину, – я аккуратно показываю пальцем в сторону выразившей возмущение дамы. – Её больше беспокоят наши слова про смерть, чем реальная возможность умереть.

– Судя по всему, у вас неплохая фантазия. Вы, в отличие от многих тут, способны представить, что с вами может произойти в случае аварии.

– Каждый вариант лучше другого.

– Вот. А им фантазия жить не мешает. – Мужчина снова добродушно смеётся. – Мы почти прилетели. Видите, болтать весь полёт – тоже неплохой способ отвлечься.

– Не всегда попадается интересный собеседник.

– Взаимно. Как вас зовут?

– Я Ренс.

– Гассан Сааб, – вытаскивает из тесноты правую руку и жмёт мою. – Чем занимаетесь, Ренс?

– У нас небольшое... – Я на секунду задумываюсь. В свете последних событий, возможно, неплохо бы сохранять конфиденциальность. – Химическое производство. Пищевые добавки.

– А, понимаю. Это популярное сейчас направление. Все хотят выздороветь, даже если не больны. Так?

– Вроде того. А вы?

– Я учёный. Физик. Ездил к коллегам в Германию, затем на симпозиум по макромолекулам в Гаагу и теперь лечу домой. А вы тоже по делам или на отдых? Там сейчас не очень безопасно из-за землетрясений, да и погода...

– Скорее по делам. На выходные.

Как только я решаю рассказать про ситуацию с домом и, возможно, посоветоваться, самолёт начинает активно снижаться, и я чувствую неприятные перепады давления, переходящие в секундные спазмы паники. В целом разговор можно заканчивать. Я вжимаюсь обратно в сиденье и следующие десять минут терплю манёвры. Темнеет, я вижу полосу с огнями, и самолёт тут же наклоняется в её сторону, заходя на последний разворот. Земля и дома рядом с ней приближаются, и наконец момент заветного контакта. Я набираю побольше воздуха в лёгкие, откидываю голову и чувствую облегчение. Мой собеседник замечает:

– Интересно, что с самолётом сразу после приземления может произойти много интересных аварий. Всё-таки скорость ещё высока. Но это почему-то уже никого не беспокоит. Все рады, что оказались на земле.

– Ведь теперь это просто автобус.

– Теперь это автобус, так точно, – повторяет физик более утвердительно.

У него всего одна сумка, и та стоит в ногах. Мы прощаемся, и он торопливо выходит из самолёта.

9. «Аргентина»

Уже восемь, и заметно стемнело. Отель, который забронировала Надя, называется «Аргентина». Уточняю у таксиста, правильно ли я понял. Меня без каких-либо разговоров сажают в синее такси и везут в город. Таксист на полную включает печку в машине, пахнет сыростью. Приоткрыв окно, сразу ощущаю влажный холод в ногах. Либо вонь, либо холод – мне совершенно неуютно. Несмотря на то что я прилетел на юг, температура воздуха кажется тут ниже, чем дома. По всей видимости, без Гольфстрима у нас бы уже давно лежал снег. Но лучше уж снег, чем эта промозглость.

Через два часа мы приезжаем в нужное место. Это типичная курортная гостиница, как в фильмах про студенчество. На фоне маленьких серых каменных домов вокруг это белое чудище смотрится весьма нелепо. Вытянутое здание с балконами, напоминающими ковши экскаватора. Вокруг большая пустая территория с истоптанным желтеющим газоном, осыпавшимися пальмами и другой пожухлой и пыльной растительностью. В самый разгар осени отдыхающих тут практически нет. Я регистрируюсь и прохожу внутрь. Меня не провожают, а лишь показывают, где находится лифт, и выдают ключ с брелком из затёртого прозрачного пластика с золотистой рельефной цифрой. Открываются двери тесного лифта. Я нажимаю кнопку с цифрой шесть.

Интерьер холла моего этажа довольно аскетичен – пусто, чисто, старомодно. Где-то в конце коридора мигает флюоресцентная лампа. От лифта расходятся два коридора. Судя по обозначению на стене, нужно идти в сторону мигающей лампы, в противоположном крыле свет вообще не горит, и после нескольких метров, освещаемых лампами холла, коридор превращается в кромешно-чёрный тоннель. По всей видимости, там нет постояльцев и для экономии отключили свет. На полу вездесущие полосатые ковровые дорожки, периодически наслаивающиеся друг на друга краями, а под ними скрипучий паркет.

Из-за сквозняка дверь в номер захлопывается за мной так сильно, что в ванной что-то со звоном падает в раковину. Но зато с отоплением тут всё в порядке – пришлось даже открыть окно, которое, к слову, открылось лишь на треть. И жарко, и холодно. Страшно представить, что тут происходит летом. Вдалеке виднеется Адриатическое море, мигают огни марины – ощущение от них приятное, море сложно испортить плохой архитектурой и протёртыми коврами. Тянет морским холодом, сквозняк усиливается, и я, постояв у окна пару минут, гипнотизируя темноту, захлопываю его. Ещё не хватает заболеть. Разбираю вещи, брожу по номеру, затем принимаю душ и ложусь в кровать: делать тут совершенно нечего. В тишине я слышу, как лифт болтается вверх-вниз примерно каждые десять минут, в коридоре что-то падает и создаёт тянущее эхо. Пару раз кто-то, так же как и я, не рассчитав силу, хлопает дверью. Громко, но это успокаивает – значит, я тут не один. Все эти шумы не особо мешают, и я, измученный дорогой и холодом, быстро засыпаю.

Утром я отправляюсь на поиски тётиного дома по адресу, указанному в завещании. По памяти сделать это не представилось возможным, хотя некоторые улицы кажутся знакомыми. Часть пути еду на такси. Затем таксист останавливается и, вытянув ладонь в сторону движения, что-то говорит. Он, кажется, ждёт ответа, но я смотрю на счётчик, достаю деньги и выхожу.

Вспоминать близлежащие адреса из детства бесполезно. Тогда я их не знал и не гулял дальше километра от дома, труднопроизносимые надписи постоянно приходится сверять с картой, вокруг много новых магазинов и домов. Примерно через тридцать минут я оказываюсь в нужном месте. Люди вокруг справедливо смотрят на меня как на заблудившегося туриста. Очень бы не хотелось встретить тут старых знакомых, бывших детей с футбольной площадки и особенно ту девочку, чью мать я рисовал в своих заметках.

По адресу я долго пытаюсь понять, тот ли это дом. Никаких обозначений на нём нет. Сверяю с адресами соседних домов и сравниваю с фотографией. Дом в ужасном состоянии. Лучше бы он был таким же чёрно-белым, как на фото. Не могу поверить, что когда-то я тут жил. Тогда всё казалось больше и ярче, и самое главное, я никогда не смотрел на дом с такого ракурса. Буквально, мне было не до того – я не разглядывал его снаружи, не пытался понять его размер или пределы земли, на которой он стоит. Тогда он казался просторным и светлым, сейчас же это обычная каменная руина, фаршированная сгнившими досками. Этим камням лет триста, и иначе как часть рельефа они уже не воспринимаются. Интересно, сколько циклов такой разрухи пережил этот дом, вряд ли я первый, кто стоит тут в полном отчаянии. Хотя нет, моё отчаяние нельзя назвать полным. Я держу в голове мысль, что занимаюсь этим, пока получается, и всегда могу сесть на самолёт и улететь прочь. Приехать в такое место – отличный способ понять, насколько твоя жизнь хороша.

Я стою на дороге, смотрю на дом и всё никак не решаюсь зайти. Уже достал ключи и кончиками пальцев проверяю их на прочность, в подсознательной попытке сломать. Кажется, в доме никто не жил уже лет пятьдесят, хотя на самом деле около пятнадцати. Не хватает черепицы на крыше, разбиты окна. Это значит, что внутрь давно попадает вода и ветер. Возможно, там даже живут дикие звери и летучие мыши, которых я до ужаса боюсь.

Крошечный участок земли, на котором стоит дом, не идеальной прямоугольной формы, и угол, граничащий с улицей, скруглён по форме пешеходной дороги. Она представляет собой множество равноудалённых ступеней с длинными пролётами – площадками. Помню, как мы играли на них. В отличие от дома, ступени сохранились в лучшем виде. Дом стоит на возвышении, вокруг которого идёт эта лестница, словно спираль огибает и вплетается в остальные улицы выше и ниже. Я подхожу ближе. Входом служит дощатая калитка, которая последние лет сто не функционирует, сейчас она колыхается по ветру, словно флюгер. Дом разделяет участок на две части – двор со стороны улицы полностью вымощен камнем, тут практически нет растительности, кроме редкой, пробивающейся между камнями травы; вторая часть – задний двор с крошечным садом. Пробраться с переднего двора на задний можно только сквозь дом, и я вспоминаю, как наша детская беготня туда-сюда всегда злила тётю.

Всё-таки я решаюсь и прохожу через калитку. Открыть её оказалось непросто: с внутренней стороны сразу за забором гора мусора, накопившаяся, вероятно, от проходящих туристических групп. Крыльцо без черепицы, декоративные окна разбиты, а древесина настила истлела. Внизу валяются расплывшиеся от воды почтовые конверты. Рядом – ковёр мха и кошачьи артефакты.

После нескольких попыток я всё-таки проворачиваю ключ в замке. Меня обдаёт зловонной прохладой, влажностью и затхлостью. Запах старости тут был всегда, ещё в моём детстве, но раньше он разбавлялся воздухом с улицы, запахом еды, свежих фруктов и детской неспособностью фундаментально ненавидеть что-либо и лишь по одному запаху выстраивать нарратив о жизни целого поколения. Как я и ожидал, рядом с окнами зияют прогнившие участки пола, кое-где проросли мелкие растения, из сада забрался виноград – стёкла больше не ограждают среду его обитания. В задней части дома всё ещё хуже. В спальне, где я когда-то жил, обрушилась крыша и часть стены. По остаткам веток я понимаю, что упало огромное дерево. Наверное, соседи распилили его на дрова, а ситуация с крышей их не озаботила. Позже я обнаружил на кухне сквозную трещину размером с палец, но, побродив вокруг дома, не понял, откуда она взялась, – нет очевидных следов просадки грунта или чего-то в этом духе. В комнатах валяется старая мебель – драные диванные подушки с плесенью и торчащими пружинами, стулья с разохшимися сиденьями, тумбы со вздувшимся шпоном – что-то из этого тётя купила после того, как я перестал сюда приезжать. О том, как она жила всё это время, я даже думать не хочу.

Через окна со стороны заднего двора в дом можно забраться, и, видимо, даже если тут и было что-то ценное, о нём позаботились малолетние мародёры. На полу валяются окурки, пивные бутылки и старая одежда – куртки из дерматина и тряпочные кеды. Ванна наполнена черепицей – кто-то пытался её сохранить для реставрации крыши, но потом оставил эту затею. Умывальник лежит расколотый на полу. На кухне распотрошённая пожелтевшая газовая колонка. Газовую плиту никто не тронул: видимо, она оказалась совершенно неуязвимой ввиду своей громоздкости. Но возможно, потому, что на неё обрушились кухонные шкафы и заслонили от невзгод. В тёткиной комнате осталось основание кровати на ножках с колёсами – металлический каркас с сеткой. Кроме него, в комнате валяется разодранный чемодан и высохшая дохлая птица. Ох, это бы очень не понравилось Наде. Сквозь обрушившуюся штукатурку с зелёными разводами видны доски крыши и щели между ними. В этом месте крыша тоже сильно протекает.

Сад произрастает на высоте около трёх метров над улицей, и никакого забора там отродясь нет. Желаящих лезть в то время на трёхметровую стену не нашлось, от всех остальных угроз защищали кусты и большой старый каштан – друг нашего дуба в Блумендале, такой же огромный и отстранённый. Каштан корнями выталкивал камни на улицу, словно деревяшки в игре дженге, и заполнял получившиеся дыры, но со временем успокоился. Сад запущен настолько, что экскурсия по нему чревата травмами – всё завалено старой мебелью, оконными рамами, битым стеклом и торчащими обрезками ржавых труб. В углу разорённая поленица из трухи вместо дров, всё заросло лианами, перекинувшимися с соседних хозяйств, на земле догнивают плоды одичавшего апельсина.

Напоследок я захожу в мастерскую. Тут изменилось не многое. У верстака не хватает основания, а сама столешница стоит у стены, на стенах висят пустые деревянные шкафы, торчат крючки и петли, на которых когда-то развешивали инструменты. Само помещение в порядке, тут даже почти не воняет, есть целое окно и ворота – ставни, выходящие на улицу.

Я захватил фотоаппарат и рулетку с блокнотом, но решаю не торопиться с измерениями. Я ещё не уверен, что этим стоит заниматься вместо того, чтобы продать за бесценок. Вполне возможно, какие-нибудь местные энтузиасты захотят открыть тут ресторанчик или магазин.

Состояние дома, увядающая природа вокруг, пасмурная погода и то, что я нахожусь тут один, погружает меня в тоску. На стене кухни висит календарь шестьдесят второго года. На нём девушка с густыми чёрными бровями зачем-то прикладывает к лицу виноградную гроздь. Джейн была права – не так уж это и страшно. Мои ожидания насчёт сохранности дома были завышенными, но я ничего не чувствую – ни жалости, ни разочарования. Только лёгкая ностальгия по детству, но она не так важна. Тот ребёнок, который жил в прекрасном доме, – другой человек, не я. И дом другой. Теперь я знаю это точно. А с этим домом я могу делать что хочу, это теперь моё. Я знаю, что сейчас на мои решения воздействует слишком много факторов, и, наверное, нужно подождать, разобраться. Минимальный план – всё увидеть и позвонить с отчётом Джейн.

* * *

Эволюция семейных отношений всегда находит свой расцвет в Доме. И так уж вышло, что для нашей немногочисленной семьи именно этот дом стал местом такого расцвета. Находясь тут, можно понять взаимоотношения всех членов семьи. Никто не мог относиться нейтрально к этим стенам. На всё были причины, а дом – точка пересечения этих причин, призма, улавливающая все лучи и преобразующая их в более правдивые, разложенные на спектры. К сожалению, тогда я не мог понять это и вообще меня больше занимали другие, чужие люди. Я не мог критически оценить ситуацию, воспринимал всё как должное. Поведение родственников для меня было непонятным, но вполне привычным и естественным.

Позже, будучи взрослым, я узнал, что тётя не в себе, но до последнего не хотела переезжать к моей маме, а дядя Марк от неё ушёл и забрал Корнелию. Вообще-то, Корнелии тут никогда не нравилось, и, чтобы тётя совсем не унывала, привозили меня. Ей необходимо было о ком-то заботиться. Странное дело. Все в семье, кроме меня, понимали, как это работает. Я же был ребёнком и не подозревал, что, оказывается, существуют сумасшедшие и общество старается изолировать их, как неугодных и бесполезных. Даже моя ранняя любовь к наблюдению за эмоциями окружающих не помогла распознать в тётке сумасшествие. Да, бывали причуды, но сложно представить, что они могут сделать из человека изгоя. Я не замечал этого, видимо, потому, что не успел окунуться в этот мир, приобрести оценочный взгляд и узнать про параметры, по которым все друг друга группируют. Параметры, как те, по которым я группировал камни на пляже. Сумасшествие тётки совершенно не мешало ей воспитывать меня и заботиться обо мне. Когда я перестал к ней ездить, я был уверен, что с ней всё в порядке, потому что и было всё в порядке, пока я был с ней. Потом я узнал, что её отправили в лечебницу. Там она и умерла. Об этом можно думать и рассуждать бесконечно, но больше всего поражает то, с какой грубостью и однозначностью мои родственники подходили к ситуации с тёткой. Они не стеснясь говорили об этом: «Сначала она была нормальной, а потом сошла с ума». Вот так просто. В один прекрасный день она перестала быть предсказуемой.

Вернувшись в гостиницу, я первым делом позвонил Джейн и поделился впечатлениями.

– Дом хуже, чем я представлял. Не уверен, что нам стоит браться за это.

– Сфотографировал что-нибудь?

– Нет, завтра сделаю. И завтра всё измерю. Но...

– Не спеши. Говоришь, дом совсем плох?

– Стены в порядке, кое-где дыры в крыше, трещины и... В общем, не знаю, что с этим делать. Там мусор везде, всё заросшее, воняет сыростью.

– Твой дом тоже когда-то вонял сыростью, вспомни.

– Да, но не так. В моём доме всё-таки возможно было жить и до меня.

– Это так важно?

– Я пока не понимаю ценности всего этого.

– Место и то, что с этим можно сделать, – потенциал. И ещё кое-что – история. Сейчас она тебе не нужна и ты отворачиваешься, но когда приведёшь всё в порядок, сделаешь по-своему... Не мне тебе объяснять, как всё происходит, так ведь?

– Кажется, я вполне обходился и без этой истории.

– Чем-то тебе твоё прошлое придётся заполнить, Ренс. Сейчас у тебя есть выбор.

– Я пока не чувствую сил всё это разгрести. Не понимаю, с чего начать, там всё ужасно.

В тёткиной спальне валяетсядохлая птица.

– Мы её похороним в саду. Устроим церемонию. – Джейн сделала небольшую паузу. – Ренс, я помогу, сфотографирую всё, не думай сейчас, что с этим делать. Правда.

– Думаешь, получится?

– Знаю, бывают ситуации, когда невозможно составить план, но ты знаешь примерное направление, и можно посмотреть под ноги и увидеть место для следующего шага. Это место – твои очевидные действия. Выполнишь их – появятся следующие и так далее, пока поле твоего зрения не расширится.

– Хорошо. Джейн, у меня дома цветы для тебя. Забери, если заедешь. Я попросил Гретту кормить Каризму, пока меня нет, если что, но он будет рад получить от тебя добавку и внимание.

– Я заеду, посижу с Каризмой. Цветы забирать не буду, пусть остаются там. По какому они поводу?

– Без повода.

– Надя купила, – хихикнула Джейн. – Не важно. Что будешь завтра делать?

– Помимо фотографирования дома? Пока без идей. Тут весьма уныло, но в деревне симпатично, самобытно. Буду околачиваться там весь день.

– Встретил кого-нибудь?

– Нет, и, надеюсь, не встречу. У тебя уставший голос, ты не болеешь? – Джейн и правда говорит как-то тихо, пониженным тоном.

– Нет, всё хорошо. Провозилась сегодня с закрытием выставки.

– Что-нибудь купили?

– Да, около пятнадцати картин. Это, можно сказать, успех.

– Рад слышать.

– Почти все критики написали хорошие отзывы, даже самые мерзкие. Кто-то даже увидел потаённый смысл, скрытую самоиронию или как-то так. Забавно.

– А её не было?

– Знаешь, когда ты начинаешь делать что-то, тебе просто интересно, затем ты цепляешься за исконные идеи, и они толкают тебя вперёд – раскрывать новые и новые произведения, авторов. Параллельно с этим раскрывается и контекст, и в какой-то момент эти параллели расходятся, ты понимаешь, что следишь уже не за искусством, а за контекстом.

– Я понял, но не очень.

– Картины, которые мы вешаем в галерею, – конечный продукт. После них в этой мешанине споров, условий и всего, что является материалом, дровами для розжига, нет ничего. Это и есть смысл. Всё ограничивается способностью восприятия конечного смысла. Так вот, проблема в том, что многие ставят контекст выше искусства, без конца его обсуждают, критикуют тех, кто выпадает из контекста, неактуален, копирует и подражает.

– Но, подражая, ты не сможешь сделать честное, новое. Разве не так?

– Чаще всего нет, но иногда – да. Подражание может быть твоим начальным импульсом. Ты подражаешь стилю или конкретному художнику, конкретной картине – какая разница? Позыв художника сделать нечто часто упирается в технические, формальные нюансы.

– Например?

– Один из них стиль. Другой – как раз то, о чём и была выставка. Тема, на которую все пришли... Настоящему художнику не нужен ни стиль, ни тема, для него это материал, инструментарий, как холст и подрамник. Мог бы художник не использовать холст, думаешь, он бы отказался рисовать красками сразу в пространстве? Так вот, у нас не было никакого потаённого смысла, так как сложности основного смысла было достаточно.

– Никогда не думал об этом. Это интересно.

– Так вышло, – продолжает Джейн, – что подражание стало верным спутником плохих художников. Просто плохих, бездарных. Тех, кому совсем нечего сказать. И подражанием они пытаются имитировать сказанное другими. Но само по себе подражание – косвенное следствие бездарности и по определению не является чем-то плохим.

– Кажется, ты говорила, что ничего по определению не является ни хорошим, ни плохим.

– Да, и только что я привела тебе пример.

– Почему ты не говорила об этом там, на выставке? Ты же знаешь, я в этом вопросе как бы...

– Ты можешь это понять. А они нет. И это коммерция. Не всё нужно говорить опять-таки.

– Думаешь, совсем никто не поймёт?

– Те, кто поймёт, и так знают. Посредственных художников покупают посредственные коллекционеры. Нет ничего ужасного в этом процессе, ведь он изолирован. Плохой вкус не заразен, в отличие от хорошего.

– Тебе хочется об этом поговорить с кем-то твоего уровня.

– Я только что это сделала. А теперь я пойду спать, и ты. Спокойной ночи, Ренс.

* * *

Перед тем как ещё раз поехать в дом, и на этот раз всё сфотографировать и измерить, я хочу развеяться. Внизу на стойке администратора лежат буклеты с туристическими развлечениями. Среди автобусных и катерных экскурсий есть экскурсия на местный винный завод. Я расспрашиваю девушку за стойкой и решаю, что это именно то, что мне нужно, а в дом успею вернуться за пару часов до заката. И уже через час я оказываюсь в старинном винном погребе, хожу с группой по каменным сводчатым тоннелям между огромных дубовых бочек и слушаю заунывного гида. Почти вся туристическая группа состоит из местных, так что я не пытаюсь завести разговор. В конце экскурсовод отправляет нас на дегустацию вин. Я пробую все, и ни одно из них не впечатляет. Экскурсия закончена, и свой план я считаю выполненным – я пьян, а время убито.

До дома ближе идти сразу от винного завода. По дороге, почти рядом с деревней, я нахожу небольшой магазин, в котором решаю купить ещё вина, так как наблюдать весь этот погром и дохлых птиц на трезвую голову нет никакой возможности. Продавца за прилавком нет, и я пытаюсь самостоятельно найти нужное на полках, по очереди неуклюже стягиваю бутылки, пытаюсь разобрать написанное на этикетках. Краем глаза замечаю светловолосую девушку, по всей видимости работницу магазина. Она что-то переставляет на полках с молочной продукцией. Заметив, что я на неё смотрю, она подходит ко мне и внезапно говорит по-немецки:

– Тут сложно разобраться. Хотите попробовать местное?

– Как раз нет.

– Кажется, поняла. Вот это неплохое, – она показывает куда-то вверх, вытягиваясь на носочках, пытается достать нужную бутылку. Я рефлекторно дёргаюсь, чтобы помочь, и случайно задеваю её локтем.

– Простите. Давайте лучше я. Да. Отлично. Это идеально подойдёт. Сколько оно стоит?

– Даже не знаю, тут с ценниками проблемы. Сама только что не смогла найти ценник на масло.

– А, простите, я решил, что вы...

– Нет, конечно, – она улыбается, виднеются кривоватые зубы. – Я также пытаюсь что-то купить, но уже минут двадцать никого нет.

– Предлагаю взять всё, что нужно, и бежать.

– Мне нужно так много, что это будет выглядеть весьма нелепо. Ну что же, пойду дальше.

Она уже собирается уходить, но я решаю продолжить разговор, так как за два дня немного заскучал.

– Живёте тут? Где-то рядом? – спрашиваю я в удаляющуюся спину девушки.

– Да, минут семь отсюда в ту сторону, – девушка поворачивается и вытягивает руку в сторону моего дома.

– Отлично, могу помочь донести сумки, если они у вас появятся.

– Теперь точно появятся. – Она снова по-девичьи смеётся. На этот раз ей кажется, что она делает это слишком громко, – подносит ладонь к лицу и на секунду замирает, положив руку на ключицу, будто собирается воспользоваться ладонью ещё раз.

В эту секунду я смог лучше разглядеть её лицо – плоское, немного угловатое, широко расставленные карие глаза, низкие тёмные брови, нос маленький и вздёрнутый. Совсем без косметики. При каждом вопросе или ожидании ответа на свой она хмурит лоб, подтягивает нижние веки, часто поправляет распущенные волосы. Цвет их неоднороден – от светло-русого до золотистого, запутанные, волнистые. Она одета в джинсовый бесформенный комбинезон, белую футболку. Сверху такая же бесформенная флисовая рубашка и куртка, из-под которой

эта рубашка торчит. Распознать её комплекцию в мешковатой одежде невозможно, но по костлявым кистям и всему, что открыто взору, я почти уверен, что она очень худая.

На кассе, пытаясь достать из кармана неестественно огромный кошелёк, она без конца поправляет волосы, куртка сползает с плеч, и я, всё ещё будучи немного пьян, решаю пофлиртовать, изображая вежливость.

– Разрешите помочь: кажется, заела молния. – Я подхожу ближе.

Действительно, замок зажевал кусок синтетики кармана изнутри, приходится поковыряться. Стоя рядом, девушка совершенно не пытается делать вид, что её интересует что-то ещё, как это делали бы другие, испытывая смущение. Я чувствую, как она изучает моё лицо, уши. Это прибавляет приятного волнения, но вот молния снова работает.

– Благодарю, сэ. – Она делает небольшой реверанс и накидывает куртку обратно на плечо, расплачивается и, положив продукты в пакет, собирается уходить.

– Если нам в одну сторону, я помогу, – говорю я.

Девушка без слов передаёт мне оба пакета, забирает мою бутылку и пристраивает её на руках, словно мать, укачивающая младенца.

– Вы в позднем отпуске? – начал я.

– Нет, у нас с отцом тут дом.

– Давно переехали?

– В начале лета. Тут так солнечно и невыносимо жарко в разгар сезона. У меня, кажется, все волосы выцвели от этого солнца. – Она снова запускает руку в волосы и закидывает назад, они непослушно скатываются обратно. – А вы?

– Я вчера приехал. А сейчас иду с винного завода.

– Знаю этот заводик! Папа говорит, что вино, которое там показывают, делают в другом месте – на крупном, настоящем заводе, а сюда привозят, чтобы веселить туристов.

– Да, было весело. Как вас зовут?

– Хёрдис.

– Ренс. – Я перехватываю оба пакета одной рукой и протягиваю ей левую. Хёрдис по-малышески хватает и трясёт её.

– Но вы же не на винный завод приехали? Вы фотограф? – она взглядом указывает на висящий на шее «Пентакс», который три года назад подарил Марк – привёз из Японии.

– Нужно сделать пару фотографий дома, который я... тут недалеко. – Я замешкался и не понял, хочу ли рассказывать про дом, который, возможно, скоро продам.

– Значит, вы не просто турист, решили приобрести дом?

– Почти. – Я вспоминаю, в каком он состоянии, и, наверное, если она живёт где-то рядом, знает его. – Сейчас я живу в отеле. Дом, в который я иду, старый и заброшенный. Думаю о его реконструкции. Нужно сделать несколько фотографий и замеров.

– Будете делать план реконструкции? Стало быть, вы архитектор?

– К сожалению, нет, – я смеюсь, решив, что совершенно не похож на архитектора.

– А кто же? – Она обгоняет меня, кладёт бутылку во внутренний карман так, что куртку нелепо перекашивает, и выставляет руки ладонями вперёд: – Подождите, я угадаю. Вы инженер?

– Холодно. Северный полюс, – качаю я головой. Я немного смущаюсь от её активности, останавливаюсь и мысленно складываю руки на груди. Мои настоящие руки заняты пакетами, и Хёрдис пользуется моей уязвимостью.

– Тогда-а-а... – Она подходит ближе, рассматривая моё лицо. – Вы спортсмен! – тыкает в меня пальцем.

– Так мне ещё никто не льстил. Ладно, вы всё равно не угадаете... Я...

– Неужели учёный? Только этого не хватало. Надеюсь, не математик?

– С каждым вариантом мне становится всё грустнее.

– Отчего же?

– Слыша все эти профессии, я пытаюсь вспомнить, где я свернул не туда. На самом деле всё проще – я произвожу пищевые добавки.

– Предположу, что это сложный процесс, – она снова игриво заглядывает мне в лицо, будто я должен раскрыть тайну. – В какой же производственной стадии вы участвуете?

– Я руководитель. Один из.

– У вас скучная работа?

– Последнее время да, пожалуй. – Я вижу свой дом, и одно смущение сменяется другим. – Вот этот дом, – так же мысленно вытягиваю руку вперёд.

– Где? – Хёрдис приподнимается на носочках, прекрасно понимая, что это вряд ли ей поможет.

– Каменный забор, большой каштан. Полуразрушенный... Да, совсем плохой. Наверное, его проще снести.

– А, знаю этот дом! И кажется, вас обманули, Ренс. За сколько вы его купили, если не секрет?

– Я... – Я глубоко вздохнул, давая понять, что, видимо, действительно заплатил больше, чем нужно.

– Поняла. Не говорите. Может быть, всё не так плохо?

– Сфотографирую, отдам архитектору, и посмотрим, что он скажет.

Не то чтобы девушка мне так сильно понравилась, чтобы называть Джейн архитектором. Это произошло как-то автоматически. К тому же, судя по всему, она младше меня, и я не решаюсь делать выводы о её привлекательности, так как молодость сама по себе красива. Возможен и вариант похуже – я разучился оценивать женскую красоту, которая падает как снег на голову. Последний раз знакомился с Джейн в библиотеке, и я не рассчитывал, что этот навык мне когда-нибудь пригодится. Тем не менее за пятнадцать минут, проведённых с Хёрдис, возникло ощущение, что мы знакомы пару лет. Точнее, не знакомы лично, а будто склеились в сумму всех знакомых черт, взятых от людей, которых знали. Мы общались свободно, и она будто испытывала ко мне интерес. Я пока не понял, как к этому относиться: странно чувствовать на себе внимание молодой девушки, пусть и обусловленное отсутствием других собеседников.

– Ого! У вас есть архитектор? Тогда точно нужно восстанавливать. Возможно, из этого что-то получится. Кто вам продал этот дом?

Мы останавливаемся у каменного забора. Ответа не требуется, и я не понимаю, стоит ли мне проводить её до дома с этими пакетами или попрощаться тут.

– Что ж...

– Давай, я дальше сама. А то скоро стемнеет, и ты снова ничего не сможешь сфотографировать. – Она энергично ставит вино на кромку забора и выхватывает пакеты. – Пока! Если хочешь, могу помочь тебе с замерами. Но сначала нужно отнести пакеты папе.

– Уверен, я справлюсь, но спасибо!

«Что за странное „снова“?» – думаю я и хочу спросить, но Хёрдис уже скрылась из виду.

Исполнив задуманное – израсходовав всю плёнку на подробные фото и сделав замеры, я отправляюсь в гостиницу. Темнеет, но я решаю немного прогуляться, так как в отеле делать совершенно нечего.

* * *

Методика, которую мы разрабатывали на проектах Жаклин, заключалась в обследовании группы людей, испытавших нужную эмоцию, и вычислении среднего результата. Его обладатель проходил более тщательное исследование, в том числе на электроэнцефалографе, а позднее и на МРТ. Вид человеческого мозга буквально на экране воодушевлял нас намного силь-

нее абстрактных графиков и волн. Всё это дорого, а главное, сложно было внятно объяснить врачам клиник, чем мы занимаемся и почему наши исследования важны. Медицинское образование из нас троих имела только Жаклин.

Во время исследований испытуемым в группе напоминали про увиденное ранее, например про картину, которая их сильно впечатлила. О том, что она их действительно впечатлила и они не лукавили, говорил тест на полиграфе и сложный подробный опрос. В результате мы имели множество графиков, вели видеозапись, а затем сравнивали покадрово со сказанным и закорючкой на графике, далее подбирали нужный возбудитель для имитации эмоций.

Брайан месяцами экспериментировал с методами транспортировки и диффузии, водородным показателем, степенью прессовки и новыми полимерными оболочками и наконец изобрёл главную хитрость метода – транспортную основу препарата. Все вещества в составе таблетки должны работать последовательно, с нужной интенсивностью, чтобы заново нарисовать графики, полученные нами у группы испытуемых. Это можно сравнить с фестивалем фейерверков – у каждой вспышки свой цвет и место на небе. Эксперименты Брайан проводил на мышах и на себе, поэтому с ним иногда было тяжело: мыши постепенно вымирали, а он либо находился в эмоциональной яме, либо чувствовал себя королём мира, радовался и требовал того же от остальных. Я понимал, что в целом эти качели ползут в нужную сторону и, если мы хотим достигнуть цели, нужно поддерживать Брайана, несмотря ни на что. Я придумал для нас специальные каникулы, которые назвал «неприёмные дни». Я стою у окна в гостинице и смотрю на чёрную морскую полосу. Вспоминаю, как у Брайана там, на пустынных пляжах Кале, случались нервные срывы с погромами в номерах, попытками утонуть в Ла-Манше и всё в таком духе. Я должен был развлекать его во что бы то ни стало, верил, что будет финал, вознаграждение. Позже Брайан научился держать себя в руках, но восстанавливал естественную выработку нейромедиаторов лишь для того, чтобы продолжить эксперименты. Почти всегда с нами были Жаклин и Джейн. С ними мне было не так тоскливо. Джейн не любила Брайана. Они постоянно спорили о целесообразности происходящего. Но больше всего её не устраивала в этом моя роль. Меня успокаивала мысль, что ввиду особенностей Брайана и его предрасположенности к подобным поискам он, скорее всего, занимался бы чем-то подобным и без меня. Иллюзия контроля и баланса.

Метод с записью и воспроизведением эмоций был сложен, а эмоции, получаемые испытуемыми повторно, – не такими яркими, как нам хотелось. Эффект первого впечатления повторить не удавалось. Эту проблему мы решили при помощи гипноза, что позволило работать не с конкретными вспышками эмоций, а с большими массивами и реакциями на длительные события, негативными или позитивными. Это был хороший и безвредный метод – заставить пережить событие ещё раз, понять, что там не так, и заполнить пустые ячейки. Гипноз позволял вытащить не только эмоции, но и информацию о событии – сам сюжет, заставивший пережить нечто. Важным нюансом, который сыграл нам на руку, оказалось то, что мы стали работать не с реальным явлением, а с интерпретацией. И да, человек в неё верит, так что детектор лжи покажет правду. Мы использовали интерпретацию испытуемого как каркас для новой истории – дополненной, красочной истории, рассказанной кем-то со стороны. Брайан предложил весьма экстравагантное решение. Для чего нам знать, как было? Что, если там не всё так здорово? Можно рассказать человеку новую историю, точнее, дополнить старую новыми яркими деталями. Это позволило не просто вызывать заново позитивные эмоции, но также корректировать негативные, имитировать в памяти подробности.

С Жаклин мы часто и долго обсуждали, как человек формирует воспоминания, меняя одни кирпичи на другие, приспособливая к актуальной реальности, так что с этической точки зрения мы не делали ничего противоестественного – лишь немного ускоряли процесс, а наши кирпичи были несравнимо прекраснее.

Нашим первым клиентом должен был стать кавалер Жаклин – парень, который построил дом и возненавидел его. Мы затыгивали и не решались его принять. Было страшно, но всё-таки мы поняли, что в худшем случае, если у нас не получится, испытуемый останется при своём. Дадим ему ударную дозу ноотропов, и он уйдёт счастливый. Кстати, ноотропы были хобби Брайана, и в результате он разработал идеальную комбинацию, ставшую сначала основой для фиксирующей части препарата, а потом нашими биодобавками. Биодобавки оказались настолько хороши, что мы спустя три года забыли о том, что продаём ещё что-то, кроме них. Но кажется, пришло время вспомнить.

Позже мы с Брайаном пришли к выводу, что часть активной «терапии» можно переместить в зону «обследования» без ведома испытуемого. Например, в процессе первого гипноза не только узнавать про жизнь, но и сразу подмешивать нужные воспоминания. После пробуждения клиенту тут же давался препарат, закрепляющий появившиеся эмоции. Вы видите сон, и в самом сне у вас нет эмоциональной реакции, она проявляется в первые секунды после, и вы либо закрепляете её, периодически вспоминая сам сон, либо забываете, если сон плохо вяжется с реальностью. Но ведь наш гипноз был нацелен на конкретные ячейки памяти и прекрасно встраивался в эту самую реальность. Так в итоге всё и работало. Как если вам снится, что вы едите мороженое, а при пробуждении чувствуете его вкус, холод и насыщение. Помню, как сам несколько раз засыпал на том удобном кресле между длительными процедурами.

Всё это походило на шаманский ритуал. Да, именно так это и выглядело – объект засыпал, и мы доставали бубны, маски и перья, потрошили кур, раскрашивали лица жжёной сиеной и меняли белые халаты на шкуры пум. Всё это мы представляли, когда носились с трубками, лампами и датчиками энцефалографа по кабинету, периодически роняя предметы на пол, цыкая и шикая друг на друга. Конечно же, я романтизирую, по большей части мы были возбуждены и немного безумны. Весёлое было время. И да, мы носили белые халаты, думая, что занимаемся наукой и вот-вот наше изобретение порвёт мир.

Когда всё было готово и клиент засыпал, мы звали главную звезду вечера – гипнотизёра. Особого шика и мистификации придавало то, что клиент не видел его – думал, что нас двое. Мы не скрывали, что применяем гипноз, но нам казалось, что тайный специалист добавит остроты обряду. Естественно, после этих напряжённых процедур мы втроём упивались вусмерть, и всё это становилось одним слитным актом безумия. Странное дело – этот парень, гипнотизёр, куда-то пропал, а позже Брайан сообщил, что он как-то загипнотизировал сам себя, предварительно приняв целый комплект дружественных веществ, и вышел в окно восьмого этажа. Байка это или правда, я так и не выяснил. В какой-то момент мы настолько глубоко запечатали эту историю в памяти, что и перестали вспоминать. Я тогда понимал, что промежуточным результатом наших экспериментов могла быть подобная жертва, и подсознательно рад, что это были не мы с Брайаном.

Наблюдая живого и невредимого человека в нашей пыточной, сложно было скрыть восторг. Во-первых, он проснулся и он в своём уме, уже неплохой результат. Первый испытуемый после пробуждения немного опешил от наших радостных рож, но быстро сосредоточился, вспомнил инструкции и успокоился. В инструкциях говорилось, что после пробуждения нельзя разговаривать, и делиться переживаниями, и вообще как-то контактировать с нами. О том, что нужно лежать и не беспокоиться, напоминала капельница, катетер которой торчал из вены нашей жертвы. В капельнице находился фиксирующий препарат, способствующий лучшему усвоению информации, полученной во время гипноза. Ничего не отвечая, мы тайно оставляли бедолагу в полной темноте и тишине. Это делалось для того, чтобы никакая новая информация не помешала усвоению сна в период всасывания препарата. Всё это время человек должен был думать только об увиденном во сне. Дальше вступала официальная часть программы. Мы выпускали человека на волю и давали указания по питанию, нагрузкам и прочему – нужно было до конца отыгрывать роли серьёзных специалистов. Затем назначали

дату повторного приёма и обследования, ведь испытуемый предполагал, что именно на втором сеансе произойдёт чудо. Нам это было нужно, чтобы проверить, насколько хорошо закрепилась новая история.

Спустя пару дней после окончания «курса» наш первый клиент появился, будучи на эмоциональном подъёме. Всё удалось. Он принялся рассказывать в подробностях о его доме, о родственниках, о том, насколько у него понимающие соседи и друзья, о том, как удачно всё совпало в его жизни и что теперь дом построен и всё на своих местах. Для нас эта история не была нова, ведь её придумали мы, но было интересно наблюдать, как именно в его голове всё смешалось – базовые воспоминания и подсаженные гипнотические образы. По сути, он теперь и не понимал, в чём, собственно, была проблема, но тревога и проблемы ушли, а значит, результат есть.

Работа гипнотизёра достойна отдельного рассказа. Он заранее, исходя из нужной истории, разрабатывал сложный словесный код. Но всё не просто – слова не складывались в осмысленные фразы, а произносились с разной интонацией, громкостью, паузами и нужное количество раз. Таким образом они, словно детали пазла, занимали нужное место в памяти, а манипуляции с ними – способ придать нужную форму этим деталям. В общем, это долго репетировалось и в конце концов выглядело как самый настоящий шаманский ритуал с мантрами, выкриками и странными песнями.

Через неделю после первого эксперимента мы с Брайаном получили чек на заранее оговорённую крупную сумму, но так как формирование стоимости «услуги» носило фантазийный характер, мы были приятно удивлены: нам впервые заплатили за то, что мы сами придумали и реализовали. Это было духоподъёмное, но весьма неустойчивое ощущение. Мы поняли, что придут и другие и нужно начинать развиваться, открывать лабораторию, а не арендовать кабинет зубного мастера.

Свой метод мы с Брайаном держали в тайне, иначе это казалось слишком просто – вас гипнотизировали, программировали. На фоне огромного количества шарлатанов того времени, предлагающих тот же эффект, был риск, что нашу лавочку прикроют. Но проводить исследования стандартными аппаратными методами можно сколько угодно, поэтому мы называли исследованиями всё что хотели, и никто не виноват в том, что пациент вдруг засыпал, ведь люди иногда засыпают во время процедур. Мы сняли целый этаж в небольшом офисном центре и водили клиентов из кабинета в кабинет, окутывая таинственностью и неопровержимой важностью. К слову, всё это помогало и в деле, работало на успех, так что театр перестал быть театром. Как бы сказала Джейн, носи маску, пока не станешь тем, кто на маске. Самим «продуктом» обозвали только капсулы в красивых баночках, которые выдавались после всех процедур. В них были ноотропы, прекурсоры и ещё какие-то стандартные тонизирующие добавки. Никто не подозревал, что вся суть именно в гипнозе, а содержимое баночек продаётся в любой аптеке. Я совершенно позабыл обо всех старых изобретениях Брайана, ведь теперь мы придумали простой и эффективный метод, не используя их.

Мы настолько втянулись в процесс и маркетинговые уловки, что сами начали воспринимать фиксирующий препарат в баночках как самостоятельный, отдельный продукт. По прошествии десятков процедур всё стало настолько предсказуемо, что мы наняли пару помощников, сократили своё непосредственное участие в сеансах гипноза и на этапе обследования. Нам становилось скучно, и мы поняли, что наше предприятие сложно масштабировать – страшно выпускать из поля зрения клиентов, открывать дополнительные филиалы и так далее. Многие завязано на комфортном, камерном обслуживании, клинической эстетике и хорошем сервисе. Наша услуга была чем-то вроде части оздоровительной программы санатория или курорта, но такой части, ради которой вообще-то и ехали в этот самый санаторий. Со стороны контролирующих структур это также походило на микрофилиал термальных источников Лимбурга, только вместо воды у нас внимание, депривация и самовнушение. О том, что мы конкретно пудрим людям мозги, никто не догадывался. Всё это было прекрасно, но сильно ограничивало

возможности расширения, несмотря на то что многое автоматизировано, компоненты разработаны и могли производиться где угодно. Загвоздка в самих клиентах – с ними много возни, с их дурацкими историями и проблемами. Казалось, к нам приходили одни и те же персонажи и по очереди жили жизнью друг друга, не могли придумать лучше развлечений, кроме как что-то построить, купить, жениться или научиться играть в гольф. Менялись только имена жён и номера ключей.

Брайан стал реже появляться на работе и однажды позвонил и сообщил, что скука разрушает его и он отправляется в ретрит без обратного билета. Что же, кто я такой, чтобы его останавливать. Это было апогеем – нужно было что-то менять, но сделать я это мог только с ним. Дальше всё пошло по инерции. К тому времени я привлёк Марка и Адриана к управлению фирмой. Переложил на них функции логистики, маркетинга и связей с клиентами. Сам я остался следить за исполнением инструкций во время процедур, за чистотой состава, качеством препарата и идеологической составляющей организации. В общем, ни хрена я не делал. Примерно за неделю до отъезда Брайана Марк Офнер – именно он отвечал за маркетинг и связи с общественностью – на собрании высказал идею, которая показалась мне дурацкой, но затем прижилась, стала логичной и естественной. Он предложил разработать препарат, который не требует изнурительных тестов и сбора данных. Его аргументом было то, что все данные, которые без конца собираются, похожи друг на друга и мы будто обследуем одних и тех же людей. По сути, тратим тонны бумаги и электричества, для того чтобы получать изо дня в день схожие результаты. И что самое главное – проблемы у этих людей похожи и их не так много.

В его словах был смысл. Но как же быть с нашим секретом – гипнозом? Ведь мы с Брайаном умудрились мастерски скрыть то, как на самом деле всё работает, это было наше с ним секретное оружие и самая важная часть процедуры, без неё эта горсть таблеток превращается в обычные растительные успокоительные, которые можно купить в любой аптеке без рецепта. Тогда, услышав на собрании предложение Марка, я сделал умный вид, принял все аргументы и, пытаясь скрыть фатальность ситуации, унёс всё это домой. Оттуда я позвонил Брайану и всё рассказал, после чего, не удостоив меня ответом, он сообщил мне о своём отъезде и повесил трубку.

Примерно три месяца я строил дурака – делал вид, что напряжённо думаю над проблемой. По коридорам ходил с кипой бумаг и озадаченным видом. На каждом совещании придумывал новые отмазки – причины, из-за которых серийный продукт не получится. Но уверял всех, что буду думать дальше, и отправлялся к себе в кабинет. Там я расслаблялся и целыми днями сидел и смотрел в одну точку; по умолчанию, я был готов к разоблачению и мысленно собирал чемоданы. Это было моё основное занятие – мой кабинет тогда находился в самом конце коридора и, казалось, про меня все забывали. Так себе стратегия для основателя фирмы. А ещё я постоянно врал, что созваниваюсь с Брайаном и мы обсуждаем идеи. Рассказывал всем о его невероятных приключениях, о том, как у него дела, передавал всем приветы и всё такое. Вот был бы смех, если б потом оказалось, что его засыпало лавиной где-нибудь в Гималаях. Партнёры бы долго решали, куда меня сдать – в тюрьму или психушку.

Через два месяца этот придурок звонит мне. Как сейчас помню, первое, что я ему сказал, – какая он мразь и чтобы не вздумал приезжать, так как я сказал всем, что он умер и теперь у нас новый химик, а Коча съели капуцины и остатки тела проросли грибницей. Брайан в ответ рассмеялся и сказал, что у него два изобретения – одно ерундовое, а другое способно решить почти все наши проблемы. Я попросил начать со второго. Оказалось, это некое средство для мужчин, которое можно использовать как шампунь, жидкое мыло и пену для бритья, а самое главное – всё в одной бутылке! «Похоже, ты окончательно проторчал мозги, – отреагировал я на это. – И что, когда начнём производить это дерьмо?» Брайан не ответил, но потом уточнил, что я унылый мудака, но он вытащит меня из тьмы. После обмена дружескими комплиментами, за секунду до того, как я собирался повесить трубку, он добавил: «Сухой гипноз...» Затем

попросил найти ему квартиру рядом с лабораторией и бросил трубку. Таков Брайан Коч, главный химик ERA.

...На первом этаже гостиницы есть бар. Я заметил его, проходя через холл. Вспоминая всё это, я понял, что уже не усну, и решил спуститься туда. Бар был полупустой. Я начал злиться на Брайана, на то, что он, неся этот образ вечного подростка – гения, которого все боятся обидеть, способен делать вещи, которые могут навредить людям. Откуда такое безоговорочное доверие к нему? Наоборот, неверие в то, что человек может сделать что-то на самом деле ужасное, или это привычка – видеть всё таким, каким оно было всегда? И если взглянуть на ситуацию трезво. Конечно, Брайан объяснял, он ведь любит всё объяснять, хвастаться. Конечно, он рассказывал всем и про «сухой гипноз», но что это было? Мы все так долго ждали решения проблемы, и вот появился тот, кто её решил. Важно ли как именно? Конечно, никто из нас так и не понял, что это за чёртов «сухой гипноз». Да и не пытались понять. Ну а теперь? Как вообще это возможно – почему никто не требует от него объяснений? Всё хорошо – и все забыли об этом, как о шутке сумасшедшего? Неужели всего-то и нужно – всё время прикидываться торчком и недоумком, чтобы всё сходило с рук? Всё это было странным набором несвязанных вещей, которые случайно собрались в бомбу. Я, который так устал от Брайана, что не ждал ничего нового, мои партнёры, которые считают его королём лабораторных мышей из чёрно-белого мультика, и люди, которые сами не знают, чего хотят, и готовы сожрать что угодно, лишь бы успокоиться. Последних понять можно – бедолаги были такими всегда. Прямо сейчас, пока я сижу в этом унылом баре, Брайан Коч, словно маленький ребёнок, сидит где-то в углу и тихо шкодит, пока родители, не зная беды, занимаются своими делами. Это похоже на него, и у него в руках сейчас может быть соседская кошка и папин бритвенный станок, но в роли кошки – те, кому посчастливилось приобрести ERA, а в роли бритвы – пресловутый «сухой гипноз» в недрах этой самой ERA.

10. Король Брайан

Лаборатория Брайана Коча находится на этаж ниже нашего и занимает половину его площади. Чтобы туда попасть, нужно, выйдя из лифта, насквозь пройти через пару офисов мелких фирм. Дверь в лабораторию всегда заперта, и посетитель вынужден претерпеть ряд унижений – стоять при всех, стучать в дверь, привлекать внимание окружающих, лоя возмущённые взгляды и возгласы. Иногда можно делать это минут двадцать, пока Брайан не откроет. Постепенно все привыкли, что без острой надобности в лабораторию ходить не нужно. Особенно чётко это уяснили партнёры, которые умудрились хорошенько опозориться, когда привели целую делегацию на экскурсию – хотели похвалиться оборудованием, а вместо этого получили насмешки обитателей офисных коробок. После этого, конечно, был скандал, где Брайана отчитали за безответственное поведение и подрыв корпоративного имиджа, но это только усугубило ситуацию. Для всех, кроме Брайана. С тех пор он забаррикадировался, как полковник Курц в джунглях Камбоджи, добавив к своему образу большей сюрреалистичности и злодейства. Все остальные устали с этим бороться и перестали вовсе приходить в лабораторию. Так Брайан, по сути, открыл собственный филиал со своими порядками. Чем он там занимался, известно одному богу. Одному из тех богов, чьи головы нанизаны в виде бусин у него на запястье.

И вот я, убеждённо желающий попасть к нему, уже десять минут долблюсь в дверь, изредка поглядывая на окружающих. Приложив ухо к двери, я слышу внутри музыку. Наконец моя настойчивость вознаграждена и дверь открывается. На пороге стоит бодрый и слегка дёрганный Брайан.

– Роланд – Рок-н-роланд! Какими судьбами в нашем королевстве?!

Он выглядит, как всегда, слегка неопрятно и неуместно: халат надет поверх камуфляжной куртки (как я угадал с Курцем), на которой не хватает пуговиц, в шортах и без обуви. Длинные жёлтые волосы собраны в подобие пучка на макушке. На пальцах бесконечные кольца, а в воздухе, естественно, марихуановый дух, куда без него.

– Знаешь, – не пожав руки, я толкаю его плечом и прохожу внутрь лаборатории, чтобы у него не было шансов выпроводить меня, – пока ты не отщепился в отдельное «королевство», дела у нас шли неплохо и мы даже работали вместе.

– Мы и сейчас работаем! Ты о чём? Просто ты там, – он тыкает пальцем в потолок, намекая на то, что я теперь босс и делать мне тут нечего, – а я – я тот, кто и был. Давай без негатива. Я немного занят. С чем пожаловал?

– Значит, такая постановка вопроса? – Я решаю мутузить его сразу, не дожидаясь заклинаний и превращений в оборотня. – Ты про нашу ситуацию слыхал?

– Про парочку чокнутых, которые решили выехать на нашем колесе? Эй, давай осторожнее, сюда нельзя садиться.

– Да, только их уже не парочка. – Я небрежно сдвигаю склянки и прочую ерунду на металлическом столе и сажусь. Мне высокогато и неудобно, но я понимаю, что только хамским поведением можно вывести Брайана из равновесия, а оттуда уже на нормальный разговор.

– Парочка не парочка, суть одна – чуваки хотят срубить денегат. Они прекрасно знают, что вы ссыкуны и лучше им заплатите, чем будете огребать по судам. Чего ты от меня-то хочешь? Я сижу работаю, идей пруд пруди. Знаешь, я такую офигенную штуку придумываю, короче...

– Заткнись, Коч! – В этот момент я, вытаскивая руку из кармана пиджака, случайно смахиваю со стола пустую склянку, и она, естественно, разбивается вдребезги. Я не специально, но получилось эффектно.

– Эй, полегче! – Брайан нервно пятится, раскинув руки.

– Короче, у меня есть пара вопросов к тебе, и чем быстрее ты ответишь, тем быстрее я покину твоё «королевство».

– Не томи. Хрен знает, чего ты там ещё не знаешь.

– Что за сухой гипноз?

– Брат, этой теме уже три года, а ты только сейчас решил спросить? Прикальываешься?

– Отвечай! – Я скрещиваю руки на груди и сверлю его взглядом. – Ты постоянно травишь какие-то байки. Конечно, все считают тебя гномом из подземелья. Партнёры до сих пор думают, что мы пищевые добавки производим!

– А что, нет? – Коч достаёт из кармана достаточно крупное печенье, вертит его, нюхает и продолжает: – Получили, что хотели. В чём проблема?

– В том, что это всё скоро закончится и нас посадят, к чертям.

– О чём ты? Всё путём – таблетка работает. Мы уже два года кормим людей этой фигнёй, и все счастливы – с чего бы им с ума сходить?

– В чём суть сухого гипноза? Как он действует? Рассказывай, чёрт тебя дер!

– Пойдём, а то эти офисные крысы... знаешь... ты зна-а-аешь... – Брайан смотрит на меня сквозь отверстие в печенье, затем заговорщически дёргает головой в сторону входной двери, хотя та закрыта.

– Ты опять? – Я решаю, что Брайан шутит, но потом, сторонясь битого стекла, он надевает тапки, а значит, дело серьёзное.

Мы проходим в глубь лаборатории, и я замечаю трёх молодых ребят.

– Я думал, ты тут один. Кто это?

– Твои сотрудники, ты им зарплату платишь, бизнесмен. – Брайан по-идиотски смеётся.

– И давно они... – Я вдруг понял, что действительно глупо предполагать, что Брайан работает тут один. Всё потому, что его образ совершенно не вяжется с наличием у него каких-либо помощников.

– Последние два года, – пожимает плечами Брайан и наконец кусает печенье. – Тебе надо чаще смотреть по сторонам. Не парься, они не знают про наши секретки. Тут так много всякой рутины, и им не до сплетен. – Крошки сыплются на пол, Брайан суетится и изображает подобие беспокойности беспорядком.

– Давай к делу, расскажи, в чём суть. Он правда существует?

– Сухой гипноз? Ещё как существует. Он в каждой капсуле каждой банки чёртового ERA.

– Я думал, это какая-то сложная религиозная метафора, типа твоего средства на все случаи жизни. Помнишь, мыло, шампунь – всё в одной бутылке?

– Это реальный продукт! Я его запатентовал, Ренс. Кто из нас живёт в выдуманном королевстве?

– И как же работает эта чушь?

– Специальный диспенсер. Он движется вверх и вниз и захватывает нужный состав.

– Я не...

– А сами составы не смешиваются, потому что у них хитрая консистенция, моё ноу-хау, понял? А-а, ты думал, я шучу? Ну конечно.

– Знаешь, ты не особо стараешься быть убедительным последнее время. Откуда нормальным людям знать, где шутка, а где вымысел?

– Я такой, каким был всегда. Изменились люди вокруг, и теперь любую информацию я должен преподносить так, будто проект моста защищаю, и культивировать в себе фобию, что меня неправильно поймут или типа того. Не тут-то было! – Брайан забегал глазами, будто забыл, о чём хотел сказать. – Короче, это всё не моя тема.

– Да? А что «твоя тема»?

– Я генерирую идеи, делюсь с окружающими. Если нужно – забирайте. Если считаете, что я недостаточно серьёзен и убедителен, – идите на хер. И все дела. В какой-то момент, брат, ты,

кажется, тоже примкнул к этим жопошникам, и теперь мне недостаточно поделиться с тобой прикольной идеей – теперь мне надо ещё и убедить тебя? Может, мне ещё пойти университет закончить? На хрена мне это? Кстати, вот, держи. – Брайан достаёт из шкафа бутылку из фиолетового стекла, в которой слоями налиты разноцветные жидкости. – Пользуйся. В поездках удобно. – Выдержав небольшую паузу, оглядывает меня и добавляет: – Я не осуждаю тебя. Понимаю, что у вас там бабки, враждебный мир, энергетический кризис и все готовы перегрызть друг другу глотки. Но пойми – это не моё, я работаю только в одну сторону, как вода из крана, и можно либо подставить руки, либо наблюдать, сечёшь?

– Да, главное – не утонуть. Откуда у тебя это? – Я замечаю на одном из столов журнал, как у Джейн в галерее, и беру его.

Брайан тут же подскакивает и вырывает его из моих рук.

– Погодь, возьми лучше этот, в пакете, он новый, – Брайан суетливо всучивает мне такой же в точности журнал.

– Зачем тебе два?

– Я их выписываю... некоторое количество... интересно. Раздаю друзьям, вот тебе, например. Могу я тебя ещё другом считать? Этот я уже начал читать и-и-и... сделал там кое-какие пометки. Короче, отдай.

– Небось сиськи вырезал? – Пролистав мельком, никаких пометок я там не обнаружил. – Давно ты интересуешься искусством Латинской Америки?

– Там не только про искусство... – Брайан неуверенно трёт затылок. – Там вообще про культурную жизнь. Тебе бы не повредило расширить кругозор, братан.

– Что ты несёшь? – Я складываю журнал пополам и убираю во внутренний карман пиджака.

– Ты стал слишком напряжённым, подозрительным. Ладно. Хочешь узнать про «сухого» или тебя больше журналы интересуют? – Брайан неуверенно мнётся, смотрит за моё плечо, на своих подопечных. Они самоотверженно ковыряются в дальнем углу лаборатории и нас не слышат. Потом переводит взгляд на меня, глубоко вздыхает и выпаливает: – Когда к нам приходили те богатые кретины, мы их гипнотизировали, так?

– Ну?

– По сути, пока они лежали в полном отрубле, мы сначала вытаскивали историю из их подсознания, смотрели, насколько она вяжется с их же словами, видели в этих историях пробелы и заполняли своими кусками, которые делали историю красочной и счастливой.

– Да, именно так и делали.

– Потом решили замутить всё это без непосредственного носителя истории. И вроде бы даже поняли, что истории у всех похожие и ничего не будет страшного, если мы их слепим в одну, подрихтуем и закинем в головы всем. Я придумал главное активное вещество – образы обладали невероятной детализацией, красочностью и разнообразием. Правое полушарие несколько секунд работало как чёртов атомный реактор. Это не просто кирпич – это кирпич, состоящий из тысячи крошечных кирпичей, и все они разного размера, формы, цвета и вкуса. Понимаешь? Есть даже мягкие, пушистые кирпичики...

– Брайан...

– У людей в памяти возникали образы, которые они переживали ярче, чем могли бы пережить в реальности. Но не суть... Кому это интересно – наркоманский бред. Проблемка была в том, что мы не хотели никого гипнотизировать и не могли достать из подсознания это первичное переживание. И вот я придумал эту штуку – сухой гипноз. Гипноз без гипнотизёра. Ты выпиваешь его, засыпаешь и видишь сон, но не обычный сон, а сон о том, что когда-то с тобой происходило «на самом деле».

– Короче...

– А затем, а вообще-то почти сразу, приходят видения, образы, которые ненавязчиво и бесшовно встраиваются, сходятся воедино, как молния на джинсах, как шестерёнки, аккуратно входят друг в друга и раскручивают полноценно весь образ, как тысячи пауков, плетущие...

– Брайан!

– ...тысячи паутинок во все три измерения из разноцветных шёлковых нитей. – Всё это он говорит на одном выдохе, брэнча браслетами, пытаюсь изобразить пальцами то ли шестерёнки, то ли молнию джинсов.

– Про шёлковые нити я уже где-то слышал...

– И вот, – продолжает он, не обращая внимания на комментарий, – ты видишь невероятную, красочную картину того, как «на самом деле всё было». И больше никаких сомнений, стресса и попыток вспомнить событие, мучившее своей неоднозначностью, серостью и ощущением потерянного времени.

– Слова-то красивые, но каков всё-таки механизм?

– Я же рассказал – ты слушал меня?

– Можешь объяснить без херни с пушистыми кирпичами?

– Это вещество. – Он резко соединил три пальца на правой руке, словно поймал муху. – Оно способно целенаправленно вызывать образы. – Потом так же резко эту муху отпустил. – Эти образы на все сто процентов программируемы. Мной. Находясь в определённом состоянии, человек может видеть их и воспринимать как реальные.

– Образы?

– Да. Видения. Понимаешь?

– Видения. Ты хочешь сказать – галлюцинации?

– Галлюцинации – это что-то такое... происходящее само собой. Неконтролируемое. А я сделал настоящий прорыв, понимаешь? Как простым нажатием кнопки менять день на ночь, менять погоду. Сечёшь?

– То есть правильно ли я тебя понял – мы уже три года кормим людей галлюциногенами?

– Я бы это так не называл, всё-таки дозировки мизерные. Можно ли считать галлюцинации во сне галлюцинациями? Всякое может присниться.

– Да, но галлюциногены имеют накопительный эффект и со временем способны проявляться, даже если человек перестаёт их принимать. Слыхал о таком?

– Брось, ты прекрасно понимаешь, о каких дозах идёт речь. К тому же его нет в самом веществе.

– Это как?

– Как, как. Неужели думаешь, нам бы разрешили это продавать? У меня всё чётко, можешь не беспокоиться.

– То есть, то нет. Как тебя понять? – Я на полшага приближаюсь к Брайану, изображая умеренную агрессию.

– Давай без драмы. Ты, зная меня всю дорогу, думал, что я витаминки изобретаю?

– Я даже не надеюсь, что ты всерьёз осознаёшь происходящее.

– И что теперь – пожалуешься на меня?

– О нет, боюсь, уже поздно жаловаться. Когда в тебе иссякнет эта чёртова инфантильность? А главное – что её питает? Как ты умудряешься жить в мире, где люди решают проблемы, «жалуясь» друг на друга? Что это вообще за формулировка?

– Видимо, пока будут такие серьёзные чуваки, как ты, будут и такие, как я, – мировой баланс, диалектика. Никуда не деться.

– У меня все спрашивают, почему я не обсуждаю ситуацию с тобой, ведь ты придумал препарат и, по идее, должен предположить, в чём проблема. Вот поэтому – поговорив с тобой, я ни на шаг не приблизился к решению.

– Ещё не вечер. Не кори себя, – Брайан глумливо хлопает меня по плечу, давая понять, что мои речи его не трогают.

– Ты мудака, – качаю я головой.

– Заходи ещё. Я вообще-то рад тебя видеть и не хочу, чтобы ты парился о всякой фигне.

Правда.

– Жаклин приходила.

– Неужели? Наша мамочка решила тебя навестить? Чего хотела?

– Это очень странно... то, что ты так её называешь.

– Я не боюсь высказывать очевидные вещи. Не с тобой уж точно. Каким бы чёрствым ты ни стал.

– Она тоже начала заниматься этим вопросом. Предлагает нам спонсировать нечто вроде реабилитационного центра. Есть люди, которых она обследовала, и теперь уверена, что все они жертвы ERA, понимаешь? Это не пара человек. Их десятки.

– А ко мне даже не зашла, старушка.

– Она побаивается тебя, ты знаешь.

– Да брось, я больше не кидаюсь на людей.

– Скорми ей свой заряженный галлюциноген – вдруг это поможет переубедить её.

– Что ты хочешь услышать? Мне нравилось всё так, как это было в самом начале. Да, примитивно, но интересно, согласись.

– Было нормально.

– Давай выгоним к чёрту этих мудаков сверху и зависнем, придумаем что-нибудь классное вместе.

– Благодаря им тут весь этот хлам, – я развожу руками, указывая на окружающие нас шкафы и столы из нержавеющей стали, стоящие на них бесчисленные спектрометры и хроматографы последнего поколения в количестве, явно превышающем количество персонала.

– Хлам офигенный. Но знаешь, похрен. Если ты прямо завтра наденешь халат и мы сядем обсуждать что-нибудь новое, я готов отказаться от всего этого дерьма и отправиться обратно туда – арендовать кабинет стоматолога. Сечёшь?

– Завтра? Не сегодня?

– Да, сегодня у меня есть кое-какие дела.

– Ты говоришь это только потому, что прекрасно знаешь, что этого не будет. Ты не лучше других, ты также привыкаешь к деньгам и комфорту. Ходишь тут босой, изображаешь хиппи, а у самого оборудования на бюджет Суринама. Кого ты обманываешь? – Мне стало тоскливо от всех этих ностальгических бесед. – Я пойду. Но знаешь, пожалуй, я предложу партнёрам кое-что.

– Что? Закрыться к чёртовой матушке?

– Нет. Перестать продавать серийно ERA. Перейти на индивидуальное обслуживание. Хотя бы пока проблема с психами не решится.

– Я за тебя, брат! Поддержу любую твою чепуху.

Вернувшись в кабинет, я позвал к себе партнёров и изложил им идею. Реакция была вполне ожидаемая – идею не поддержали, объяснив отказ тем, что мы недавно отвоевали место на полке и, если исчезнем хотя бы на неделю, наше место займут конкуренты. Аргумент уместный, и я не стал сопротивляться. Масло в тлеющие угли подлил Адриан: он напомнил об инциденте с гипнотизёром, который выпал из окна. Я невероятно разозлился. Даже не из-за того, что он узнал про гипнотизёра, а из-за неуместности и низости этого аргумента. Из хорошего – партнёры наконец утвердили проект реабилитационного центра Жаклин, договорились выделить бюджет на реконструкцию одного корпуса.

Надя сказала, что непродуктивность сегодняшнего дня связана с лунными циклами и желательно сидеть дома, собственно как она и поступила. Позвонила мне рано утром и сооб-

щила, что всё у неё валится из рук и сегодня она мне не помощница. Видимо, мне тоже стоило остаться дома. Последнее на сегодня не требует сложных коммуникаций – нужно проявить фотографии развалин на Юге и отвезти их Джейн.

Я отправился на улицу в поисках фотолаборатории. Через пару кварталов от нашего офисного здания нашёл отделение «Холланд Чембер» и отдал туда плёнку. Фотографии будут готовы через час, и я решил позвонить Джейн домой – узнать, могу ли заехать к ней. Не тут-то было – оказалось, Джейн собирается в галерею, открывать новую выставку, и позвала меня туда, заодно привезти фотографии. Заодно привезти себя как будто бы. Интересно, если бы я не позвонил, она бы меня пригласила? Если честно, после последнего инцидента мне не очень хочется ехать в галерею. Не понимаю, чего боюсь больше – увидеть Джейн с кем-то или же быть вынужденным на это реагировать. По всей видимости, если Джейн не хочет проводить так много времени со мной, это может указывать на то, что она это время проводит с кем-то ещё. Это объясняет дистанцию, которую она установила. Причин на то может быть полно, но я, как всегда, сосредотачиваюсь на худшей. Для обсуждения этих проблем с кем-нибудь я решаю отправиться в зоопарк Кулхейвен. До зоопарка и обратно как раз около часа, и в качестве собеседника мне идеально подойдёт какой-нибудь носорог или зебра.

* * *

У входа в галерею, как и в прошлый раз, толпятся люди. Сейчас они одеты проще – никаких перьев, блёсток и шёлковых перчаток по локоть. Я не стал читать описание выставки, так как мне, откровенно говоря, не особо интересно: важность этой информации я оценил в первый раз, к тому же после речи Джейн о смысле художественного посыла и рисования красками в воздухе я понял, что любые описания скорее формальность. Но я обращаю внимание на название – «Вторые акты: искусство переосмысления». Интересно, – видимо, что-то про театр и престарелых актёров.

Я почти сразу встречаю Джейн, она в компании тёмненькой полной девушки восточной внешности, на голову ниже Джейн.

– Познакомься, это Татьяна, я тебе про неё рассказывала.

– Очень приятно, Ренс, – протягиваю девушке руку. – Я так понимаю, это вы помогли нам с Джейн с домом? Отличная работа!

– Приятно слышать, то была интересная задача – надеюсь, всё получилось. – У Татьяны звучный низкий голос и заметный акцент. Похожий был у моего собеседника в самолёте – человека с наркозом и автобусами.

– Да, всё отлично. – Тут шумно, и я рефлекторно нагибаюсь к ней, чтобы она лучше меня слышала. – Джейн рассказывала вам про мой новый... проект?

– Да, и рассказала, как вы вдохновлены этим и хотите поскорее начать. – Сказав это, она кладёт руку на плечо Джейн и поднимает на неё чёрные глаза, будто ожидая подтверждения своим словам.

Джейн лишь улыбается, глядя на меня: её явно веселит эта маленькая шалость.

– Пока только впечатлён. Я как раз принёс фотографии и хотел спр... – Не успеваю вытащить их, Татьяна резво выдёргивает из рук конверт, лезет внутрь и через секунду уже с интересом разглядывает фото. – Хотел спросить, когда будет удобно взглянуть на них, но, вижу, вам уже удобно. – Я понимаю, что процесс запустился сам собой и дальше моё участие тут только в роли наблюдателя.

– Ну и развалины! – Татьяна смеётся, подняв густые чёрные брови, но продолжает с интересом перебирать фотографии. Поворачивается к Джейн: – Пойдём в офис!

– Идём? – Джейн берёт меня за руку и тянет.

Татьяна, в свою очередь, тянет за руку Джейн, и паровозиком мы пробираемся сквозь толпу и по узкой лестнице поднимаемся на третий этаж. Тут тихо и никого нет.

– Зачем сфотографировал дохлую птицу? – почти без эмоций спрашивает Джейн, наклонившись над столом. На нём Татьяна, словно таро, раскладывает фотографии и записки с замечаниями. Джейн не ждёт ответа и продолжает: – Какой же погром... Неужели ты тут раньше жил? – Но и этот вопрос был риторическим.

– Очень интересная планировка участка – можно сделать прекрасный сад и красиво оформить входную группу. И вот тут, – Татьяна ткнула на фотографию с выбитыми окнами в спальне, – просятся окна в пол. Я бы убрала эту стену... – Татьяна начала сыпать идеями, но я отвлекся.

Я никогда не был на этом этаже маяка и принялся разглядывать комнату. Она интересна тем, что Джейн проводит тут много времени и без стеснения допустила меня сюда, чего не скажешь про её квартиру, в которой я был последний раз года два назад. Я замечаю некоторые подаренные мной вещи. Так интересно – я помнил о них некоторое время после того, как подарил, но затем они исчезали и я даже не задумывался, куда они делись. Все эти дурацкие вазочки и статуэтки, которые мы вместе покупали на барахолках. И она смотрит на них каждый день и помнит о событиях, трофеями которых они стали. Это приятно и странно – странно, что я не помню. Странно, что теперь у нас как бы разные воспоминания об одном и том же.

Тут аскетично, немного душно и темно: всего два крошечных круглых окна, от которых мало толку. Недостаток света компенсирует множество разных ламп, торшеров и свечей, которые так любит Джейн, стоящих по всем углам. Углов тут, конечно же, нет, ведь это круглый маяк. Простая или даже примитивная мебель – из однотипной лакированной фанеры. На спинке одного из кресел я вижу знакомый плед. Это рабочее место Джейн. Рядом с небольшим книжным стеллажом импровизированная крошечная кухня со скромным набором посуды, простыми белыми чашками и электрочайником. Трудно представить Джейн, использующую всё это, когда работает в темноте, за этим столом. Тем не менее, очевидно, это именно так.

– Эй, ты опять за своё? – говорит Джейн мне на ухо, упершись подбородком в плечо.

Я перемещаю внимание обратно на фотографии и голос Татьяны. Та уже вовсю что-то рисует карандашом в блокноте.

– Смотрите, мне понравились вот эти небольшие ворота. Это очень интересно. Их можно использовать для чего-нибудь. И когда мы начнём стройку, через них будет удобно разгружать материал.

– Чувствую, будто уже начал его разгружать, – реагирую я с долей ироничной фатальности.

– Вроде всё не так плохо, ты чего? – Джейн обхватывает меня за плечи и сжимает, будто ловит.

– Да, тут много работы, но эти дома очень красивые. Из них можно делать невероятные маленькие виллы. – Татьяна говорит уверенно, её совершенно не смущает увиденное.

Она выглядит как предводитель революционного отряда или рок-звезда. Короткая стрижка, джинсы с высокой талией обтягивают полные бёдра, сверху мотоциклетная куртка с висящими пряжками, полустёртыми черепами и пламенем на спине. Под курткой короткая майка, которая периодически задирается и оголяет пухлый живот. Татьяна активно жестикулирует и немного пьяна, изредка пытается задёрнуть оголившийся живот, но этот нюанс беспокоит её не сильно. Мне нравится её уверенность, непринуждённость и девичий задор. Их с Джейн энтузиазм немного развеял мои сомнения, и я соглашаюсь на всё и плыву по течению, несмотря на то что все мероприятия по ремонту обойдутся мне дороже, чем мог бы стоить сам дом.

– Видишь, Джейн, хотя бы один раз тебе придётся приехать – встретить паром со стульями.

– Я приеду, как только это хоть немного станет моим делом. – Джейн понимает, о чём я, но её реакция кажется мне неожиданной. Произнеся эту фразу, она отстраняется и излишне внимательно или даже зло смотрит на меня, будто я внезапно вспомнил нечто, что давно должен был забыть, и теперь пойду на корм рыбам. Тем не менее она продолжает собственнически тискать меня.

Когда обсуждение закончилось, я собрался уезжать. Вечеринка только началась, и Джейн, как я понял, намеревалась быть тут ещё долго.

Спустившись, я решил перед уходом посмотреть экспозицию. Джейн объяснила – это картины художников, которые раньше имели профессии, не связанные с творчеством. Добившись успеха в карьере, они открыли для себя искусство, и тут выставлены немногие из тех, кто преуспел в этом. Единого стиля у экспозиции нет. Кажется, многие импровизировали на тему своей былой деятельности: много портретов в форме, странных интерьеров – заводов, офисов и прочего. Кто-то, выйдя на пенсию, отправлялся в путешествия – пейзажи и попытки изобразить быт местного населения экзотических стран.

На первом уровне маяка три большие картины совершенно поражают меня глубиной и цветом. Трудно было их не заметить сразу, войдя через эти же самые двери, но моя голова тогда была занята другим. Сюжет картин прост – холмы, овцы, вода. Чувствуется невероятная свобода, объём и, самое главное, грусть. Грусть, которую испытывает человек в глубоком одиночестве. Но её он придумал сам для себя, как спутника. И грусть эта созидаящая, будто ты отправился куда-то так далеко, что теперь способен смотреть на всё, словно на маленький клочок бумаги на столе. На этом клочке вся твоя жизнь, всё время. И пока ты смотришь на поля и холмы, есть возможность, словно глядя из зазеркалья или космического корабля, облететь все места на планете, где ты когда-то бывал, всех, с кем был знаком, и услышать вновь всё услышанное. Время уже не имеет никакого значения, и после попадания сюда, на эту сторону, люди на той стороне перестают тебя знать, а события, в которых ты когда-то участвовал, перестают существовать. Совершенно не верится, что так много можно передать холодными тусклыми цветами и белыми пятнышками. Я стоял и смотрел на них около минуты и вдруг вздрогнул – я был так сосредоточен, что привычное прикосновение Джейн показалось жёстким и враждебным.

– Эй, ты чего?

– Полегче, не обязательно так тыкать.

– Перестань, ты в порядке? Чего тут стоишь? – Ладонь её растекается у меня между лопатками и становится привычна.

– Что это? – я показываю на три поразившие меня работы. Потом догадываюсь, что там есть шильдик с названиями, но уже поздно, и я получаю справедливую долю сарказма от Джейн.

– Ты, конечно же, не из тех, кто утруждается поиском жалких табличек. Зачем, ведь можно найти куратора выставки и попросить лично рассказать про картину. Это «Изолированная красота». Автор Глен Харт.

– А... И кто он? Что за пейзажи?

– Насколько я знаю, это Фолклендские острова. Не более того. Дяденька интересен тем, что когда-то работал адвокатом в Чикаго, потом его как громом поразило, он собрал чемодан и умотал. Он, конечно, тогда уже был старый и вроде как собирался на покой, но, по рассказам супруги, никто не ожидал от него такого решения – он одним днём собрался и уехал чёрт-те куда, на эти самые острова. Кажется, они находятся где-то, не доезжая пару остановок до Антарктики. Место малообитаемое, одинокое и холодное. Работы шли к нам долго, мы

созванивались с его женой. Это один из самых сложных авторов. Узнала я про него случайно и загорелась найти. И нашла. – Джейн хвастливо улыбается половинкой рта.

– Впечатляет. Это, – я показал на картины. – И твоя целеустремлённость.

– Ты правда считаешь это хорошей работой?

– Во всяком случае, она впечатляет. Для меня это главный показатель.

– Приятно слышать, – Джейн взяла меня под руку. – Кажется, в прошлый раз тебя ничего не впечатлило?

– В прошлый раз я как-то не был готов что-либо воспринимать.

– Что изменилось?

– Не знаю, день какой-то совершенно пустой. Долго добивался от Коча информации по составу ERA, и, кстати, добился. Но использовать не смог – все опять проголосовали против. В общем, всё как всегда. Не хочу об этом...

– Дай этому дню шанс – кажется, тебе понравились идеи Тани? Теперь ты хотя бы немного хочешь заняться домом?

– Знаешь, когда печатал фотографии, понял, что это был единственный плодотворный шаг за последнее время и может положить начало чему-то.

– Будет весьма терапевтично. Сделать что-то для себя. Во всяком случае, сейчас это может помочь тебе.

Примерно через три недели мы встретились с Джейн в ресторанчике «Бююкада», принадлежащем отцу Татьяны. Там она показала мне большой альбом – готовый проект с идеями, чертежами планировок и расстановкой мебели. В альбоме красивые скетчи, сделанные цветными карандашами и гуашью, перспективные планы и развёртки стен. Особенно меня привлекают образцы материалов – отрезки льна, велюра и жёсткой толстой кожи, гипсовые прямоугольники с нанесёнными на них шероховатыми штукатурками. Картинки с мебелью вырезаны из журналов и каталогов, наклеены в виде коллажа – распределены по комнатам. Тут даже есть образцы сухоцветов, благодаря которым альбом пахнет не только чернилами и гуашью, но также эвкалиптом и пампасной травой – этих названий я, конечно же, не знал: каждый образец подписан красивым почерком. Ближе к концу альбома – примеры оформления двора и сада, схемы возможных планировок с дорожками и клумбами, а также картинки и описания деревьев и кустарников, предложенных к посадке. Далее изображение дощатой плоской конструкции – веранды, которая должна быть организована сразу при выходе из моей комнаты и бывшей комнаты тёти, а по плану – большой гостиной.

– Как тебе? – спросила Джейн, дождавшись, пока я пролистаю всё.

– Мне нравится ваш подход. Для моего первого дома вы не делали такой альбом.

– Это не требовалось. Этот альбом – дорожная версия. Постарайся не потерять его.

– Мне очень нравится. Это впечатляет. В моём доме будет пахнуть так же?

– Если откроешь изостудию, – Джейн смеётся.

– Один только вопрос.

– Я слушаю. – Джейн подаётся немного вперёд и внимательно на меня смотрит, слегка приблизив правое ухо.

– Что такое «помпеянский красный»?

– Это значит «очень красивый».

– А это кто? – снова листая альбом, на одном из масштабных планов я вижу фигуру человека – тёмные волосы, лицо, обозначенное четырьмя импрессионистичными мазками.

– Угадай...

11. Хорошие соседи

Я снова на Юге, устроился на диване в лобби «Аргентины» с альбомом и решил разобраться в чертежах, попробовать составить задание для строителей, если они мне попадутся. Для перевода некоторых фраз пришлось потревожить девушку-администратора. Через два часа у меня был переработанный альбом с чертежами, схемами и списками, понятный не только мне. Можно отправляться в путь, попробовать найти службу по вывозу мусора. В деревне я никого не знал, но ничего лучше, чем просто поехать к дому, я не придумал – кто-то из местных наверняка мне поможет.

Как я и предполагал, по дороге от такси мне попались объявления на столбах и заборах заброшенных домов, в том числе и на моём. Но для связи опять-таки нужен переводчик. На объявления указывался и адрес, и я решил, что, если не получится позвонить, я схожу туда и объяснюсь на пальцах. Нужно будет описать им фронт работ, и я, вооружившись блокнотом и разговорником, купленными в аэропорту, отправился к дому, чтобы составить список того, что надо вывезти.

Подойдя к двери, я обнаружил записку со словами «под камнем». Что за глупости? Я нагнулся, осмотрелся – внизу действительно лежит камень, которого раньше не было. Я сдвинул его ногой и увидел уголок бумаги. В записке адрес и подпись: «Соседка Х.». Точно, я совсем про неё забыл! Она не первый месяц тут живёт – наверняка сможет помочь найти строителей или переводчика. Не исключено, что она или её отец общаются с местными. Как давно тут эта бумажка? Будто совсем недавно. Но перед тем как идти к Хёрдис, я решил всё-таки завершить задуманное и вошёл в дом.

Оказалось, Хёрдис живёт не совсем рядом – пешком около десяти минут, и если идти от магазина, где мы познакомились, до её дома, то мой совсем не по пути – зачем она делала такой крюк? Неужели тут так скучно, что молодая особа вроде неё готова с первым встречным идти чёрт-те куда, лишь бы поболтать? Ладно, как раз узнаю у неё об этом при встрече. Надеюсь, её отец не встретит меня с ружьём.

Я нашёл нужный дом – каменный, с тёмно-синими ставнями. Он больше моего – двухэтажный, а позади большой участок. Вход в дом сразу с улицы, но есть и калитка во двор. Я осмотрел участок за невысоким деревянным забором: вдруг кто-то есть во дворе и заметит меня, тогда не придётся ломиться в дверь. И действительно: вдалеке, под перголой, за большим столом сидит седой, коротко стриженный мужчина плотного сложения.

– Добар дан! – здоровается он, поднимается и идёт ко мне.

Ростом мужчина чуть выше меня и в очках. На нём голубая полосатая рубашка, синие брюки и кожаные сапоги с войлочным верхом. Сверху длинная безрукавка из овечьей шкуры мехом внутрь. Одет излишне аккуратно, даже учитывая элементы местного колорита. В руках у него книга, но какая именно, я не разглядел. Указательным пальцем он зажимает страницы, на которых остановился. Это значит, что у меня не так много времени, чтобы изложить суть дела.

– Добрый день, я недавно переехал... – Я повернулся и указал примерное расположение дома. – Я ищу тех, кто занимается вывозом мусора и строительством, точнее, уже нашёл парочку, но из-за незнания языка мне затруднительно договориться с ними. Не могли бы вы мне помочь?

– Как вас зовут?

– Ренс Роланд.

– Я Гидо Бреннер. Приятно познакомиться! – В глазах его будто мелькнул энтузиазм. – Как вы нашли меня?

– Я встретил вашу дочь в магазине, и она... – Я решаю не рассказывать про записку. – Она предложила зайти, если понадобится помощь.

– Теперь понятно. Что же, рад буду помочь. Что у вас за дом? Ремонт затеяли? Давно тут живёте?

– Я не живу. Точнее, живу пока в гостинице, в городе. В доме жить нельзя, там царит разруха и хаос. – Я доброжелательно смеюсь.

– Хаос, значит. И вы хотите с ним совладать?

– Вроде того. – Я опираюсь на заборную доску, и она хрустит.

– Осторожно, – спокойно реагирует Гидо. – Забор весьма номинальный. Мы сами только обживаемся, не успели всё починить.

– Да, я... в общем, вот – тут есть пара номеров, если не сложно, не могли бы вы... – Я принимаюсь неуклюже доставать из куртки бумажки с номерами телефонов, переписанными с объявлений.

– Да, я вам помогу. Но нужно идти на почту, телефона в доме у нас нет.

– Понимаю. Когда вам будет удобно?

– Моя дочь, раз уж вы знакомы, сможет вам помочь. Сейчас её нет, но она скоро должна прийти. Проходите, подождите, и, вполне возможно, получится уговорить её пойти с вами на почту, она работает до пяти часов.

– Ваша дочь?

– Нет. – Он сдержанно смеётся. – Почта. Почта работает до пяти. Проходите за стол. Не замёрзли? Хотите чего-нибудь? – Он открывает садовую калитку, которая была как раз под моей рукой.

– Да, чаю, если можно.

– Ещё как. Минуточку! – Гидо уходит в дом.

Я прохожу и сажусь за большой дощатый стол под перголой, в которую впутаны лианы винограда – голые сухие стебли, кое-где прерывающиеся и существующие уже самостоятельно, без материнского ствола. На них остались редкие листья и засохшие чёрные ягоды.

Я оглядываюсь. Сад неухоженный, но, конечно же, не такой запущенный, как мой, и вполне проходимый. Всё растёт будто само собой, как в лесу. Никаких новых посадок или обрезанных веток, не считая винограда надо мной. Садового инвентаря я тоже не вижу. Чуть дальше, за домом виднеется оранжевый универсал – двести сороковой «вольво», квадратный, как кирпич. Гидо оставил книгу на столе. Палец из неё ему всё-таки пришлось вытащить, заменив гербаризированным листиком винограда. Я читаю название – «Звуковой паттерн английского языка». Интересно.

Гидо возвращается с пластиковым подносом. На нём три чашки и чайник.

– Дочь пришла. Я рассказал, что вам требуется, – она готова проводить вас на почту и быть переводчиком. Хёрдис захватит ещё чего-нибудь с кухни, чтоб не просто так воду гонять.

– Спасибо.

Я вижу Хёрдис, она переодевается в темноте еле просматриваемого коридора. Кажется, замечает меня. Свет со стороны входной двери мгновениями подсвечивает её очертания, размывая силуэт худых ног – единственного, что сразу можно распознать более или менее отчётливо. Двухмерные очертания скомканы сочетанием объёмной куртки, волос, рук, иногда вырывающихся из этого комка, словно руки тонущего в стоге сена. Руки стягивают с худого тела мягкую ткань свитера, затем то же самое делают с тем, что под ним, а сам свитер натягивают обратно, высвобождая волосы. Тонкие ноги были воткнуты в сапоги, которые она энергично сбрасывает и надевает что-то домашнее. Наконец, разобравшись со всем этим, она, слегка взъерошенная, выходит к нам.

– Привет, Ренс, не фотограф и не инженер! Когда приехал? – Бодрая и лёгкая. Волосы небрежно убраны в хвост, затянутый детской пушистой розовой резинкой.

Хёрдис и её отец садятся напротив меня.

– Вчера.

– Всё-таки решился?

– На что же он решился? – интересуется отец.

– Ренс восстанавливает старый дом вверху по улице. Он в плохом состоянии, но с потенциалом. Да, Ренс? – Хёрдис улыбается и выпрямляет спину. Показываются её зубы, но тут же исчезают за стиснутыми губами.

– Вот оно что. Что же, дело хорошее. Уверен, у вас всё получится!

– Вы говорите, почта до пяти? Сейчас уже четыре. Как далеко она находится?

– Не волнуйся, успеем. Попробуй сыр, очень вкусно. – Хёрдис вытягивается и толкает кончиками пальцев тарелку ближе ко мне. – У Ренса своя фирма, пап, слышишь?

– Вам только мусор нужно вывезти? – не реагирует на слова дочери Гидо.

– Нет. Дальше буду заниматься ремонтом. Кстати, может быть, у вас есть знакомые бригады?

– Можно обратиться в муниципальный совет, но и парочку частных я знаю лично. Когда будете на почте, можете позвонить и им.

– Так и сделаю. Спасибо.

– Что же, тогда пойду попробую найти их номера. – Ударив руками по коленям, отец грузно поднимается из-за стола.

– Пап, ну допей чай!

– Толку от него, от вашего чая, – почки гонять, – бухтит Гидо и направляется в дом.

– Как он тебе? Он добрый, но задаёт много вопросов. Но ты не пугайся.

– Кажется, он рад помочь. Не знаю, что бы я без вас делал. Но мне не хочется сильно вас этим занимать.

– Ему тут совершенно нечего делать. Он целыми днями читает и спит. – Она говорит это наигранно тихо, будто это секрет.

– А ты? Тебе есть чем тут заняться?

– Есть, но мне интересно тебе помочь, так что не переживай за меня. Если ты мне понадобишься, то сразу это поймёшь. – Она снова смеётся. – Придёшь вечером на ужин?

– Почему бы и нет? – Планов на вечер не было. Я представил, как лежу на кровати в номере, уставившись в потолок, и понял, что соседский ужин не самая плохая альтернатива.

Чаепитие продлилось минут двадцать, и мы с Хёрдис отправились на почту, где сделали все нужные звонки. Строители придут осматривать дом в восемь утра. Так рано вставать не хотелось, но языковой барьер помешал договориться о более позднем времени.

Я недолго повозился в доме, пытаясь разобраться с мусором, и пришёл на ужин около семи. Гидо приготовил курицу и овощи на костре. На столе также стояла пара грубо нарезанных салатов, много хлеба и пиво – как можно его пить в такой холод? И ладно, я так голоден, что всё это весьма кстати.

Темнело, и Гидо наладил импровизированные светильники на веранде – круглые плафоны разной формы и цвета стекла вразнобой развешаны на решётке перголы, от каждого тянется провод в дом. Уютно и тихо. Где-то в соседних дворах приглушённо лают собаки, а из темноты дома доносится хаотичная мелодия ветровых курантов, приводимых в движение сквозняком. Судя по всему, до этого момента вечерние посиделки тут не устраивались, да и вообще гости бывают нечасто.

Гидо ковыряется с углями, напевая что-то по-немецки. Я сажусь за стол, за которым уже сидит Хёрдис, одетая в привычную безразмерную одежду. Она улыбается из-под капюшона пуговицами карих глаз. Волнистые светлые волосы торчат по сторонам лица и забавно при-

жимаются капюшоном к щекам. Я снова обращаю внимание на её руки. Кожа на них белая и сухая. В движениях лёгкая нервозность – руки лежат рядом и периодически срываются, царапают друг друга, освежая белые следы шелушащейся кожи. Ногти подстрижены до возможного коротко. Никаких колец, украшений или часов. И вообще Хёрдис, кажется, не использует аксессуары, а одежду будто донашивает за старшими братьями. Только обувь ей по размеру, но тоже не отличается женственностью. Несмотря на прохладную погоду, позже она скидывает её и садится по-турецки на стуле, оголив бледные ступни, иногда подтягивая их руками к себе.

Гидо заканчивает с костром и присоединяется к нам. Приносит последнюю партию куриных ног, сразу, без всякой церемонии, наливает себе пиво в высокий прозрачный стакан и принимается есть дымящиеся куски.

После двух куриных ног и стакана пива Гидо тянет на разговор:

– Так как вы приобрели этот дом? В округе много неплохих домов – как вы выбрали именно этот? – Не дождавшись ответа, он подскакивает и быстрым шагом уходит. Возвращается, и в руках у него безымянная банка с чем-то красным. – Вот, совсем забыл, покупаю тут, у местных, отличная вещь! – С усилием хлопает крышкой и кладёт на тарелку немного неодородного содержимого, после чего продолжает есть, поглядывая на меня в ожидании ответа.

– Он достался в наследство от тёти.

– О, это интересно! – Гидо кладёт приборы в тарелку и, вытирая пальцы бумажными салфетками, спрашивает, глядя на меня: – Вы были с ней близки?

– В глубоком детстве я и моя двоюродная сестра, её дочь, – мы приезжали сюда. С тех пор больше двадцати лет прошло.

– Так, значит, вы тут не впервые? А сами нам голову морочите! – Он смеётся и тянется за второй бутылкой.

– Это было так давно, будто в другой жизни.

– Хм, – он ухмыляется и качает головой, медленно наливая пиво в стакан, будто я сказал какую-то нелепицу, но он снисходителен. – Уверен, ей было бы приятно видеть вас хозяином – кажется, вы ответственно подходите к делу, не так ли?

– Возможно, но, к сожалению, это взаимоисключающие вещи.

– В каком смысле?

– Она не могла бы видеть меня хозяином дома, так как при её жизни был более очевидный претендент – её дочь. Они обе уже не жили тут, и дом приходил в полнейшее запустенье, но этот нюанс не помог им принять правильное решение. Очевидно, если бы тётя видела во мне хорошего хозяина и подарила дом мне, её дочь не дала бы ей спокойно жить. А ведь это именно то, что ей требовалось в последнее время, учитывая тётину психическое состояние.

– Понимаю. Что ж, надеюсь, теперь ей дарована вечная жизнь и страдания позади. Или вы не сторонник этих идей? Сейчас, кажется, это не очень популярно у молодых. – Он поворачивается к Хёрдис, будто речь идёт в том числе и о ней. Хёрдис молчит и перебирает овощи в тарелке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.